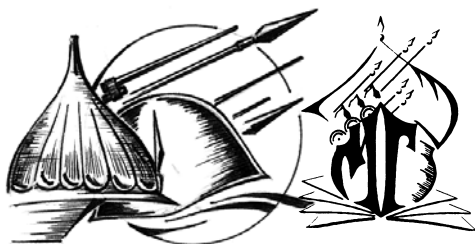

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2015

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Валентин КАТАСОНОВ. Пора предъявлять иски Западу	3
Михаил ДЕЛЯГИН. Судить о каждом по меркам времени	10
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Перед грядущим судом истории	115
Владимир ЮДИН. Неистовый воитель и созидатель Кубани	179
Дмитрий МИНИН. Варшава боится опоздать	207

ПРОЗА

Валерий БАРАБАШОВ. Майдан. Повесть	18
Сергей ЩЕРБАКОВ. Собрат по блаженству. Рассказ.....	143
Анна КОЗЫРЕВА. Память-пуповина. Рассказ.....	212
Станислав ЗОТОВ. Русский крест. Рассказ	221

ПОЭЗИЯ

Татьяна ГРИБАНОВА. Душистые зори. Стихи	108
Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ. На берегу меня встречают... Стихи	111

Елена КРИКЛИВЕЦ. Кружился листопад... Стихи	170
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ. С весенними дождями. Стихи	175
Евгений АРТАМОНОВ. Любовь неизъяснима. Стихи	228
Владимир МАРУХИН. Солнечные зёрна. Стихи	231

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Николай ПАТРУШЕВ. Вторая «холодная»	236
--	-----

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Людмила РЯБИЧЕНКО. По законам расчеловечивания	246
---	-----

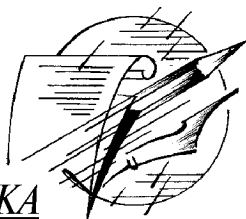
ПОДВИЖНИКИ

Нина БОЙКО. Стратег	259
----------------------------------	-----

ПОРА ПРЕДЪЯВЛЯТЬ ИСКИ ЗАПАДУ

Я не историк, но знаю, что сегодня среди историков есть разные мнения по поводу того, когда началась Вторая мировая война. Некоторые историки, в частности, полагают, что она началась за несколько лет до того, как в результате провокации на польско-германской границе войска вермахта вторглись на территорию Польши 1 сентября 1939 года.

Югославия — первая глава Третьей мировой войны. Сегодня многие политики, журналисты, общественные деятели говорят о том, что мир стоит на пороге Третьей мировой. А с моей точки зрения, она уже началась. В этом мнении я не одинок. Некоторые датой начала Третьей мировой войны называют 11 сентября 2001 года, когда произошла величайшая провокация в Нью-Йорке. Она дала возможность мировой закулисе начать глобальную войну против всего человечества под лживым прикрытием «борьбы с международным терроризмом». Но можно назвать еще более раннюю точку отсчета — военную агрессию НАТО против Югославии, которая началась 15 лет назад. 24 марта 1999 года были сброшены первые бом-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бы авиации Североатлантического альянса на Югославию, находящуюся в центре Европы.

В целом, война в Югославии означала разрушение всей системы международных отношений, существовавших более полувека. Началась новая эпоха — безраздельного диктата и произвола США, которые, используя военные средства, стали вмешиваться в дела любой страны, уничтожать людей, города, здания, предприятия, мосты, отравлять землю и реки. События на Украине в значительной мере являются повторением того, что происходило в Югославии в последнее десятилетие XX века. Происходит медленная, но неуклонная эскалация необъявленной Третьей мировой войны. Причем острие ее направлено против России.

Россия должна сделать необходимые выводы из событий в Югославии. Главный из них — вывод о необходимости действовать сообразно условиям военного времени (мобилизация экономики, укрепление обороны, создание альянсов союзников для борьбы с «коричневой чумой» и т.д.). Уверен, что Третья мировая война будет тяжелой, долгой, но Россия и ее союзники сумеют выстоять и победить. Нет сомнения, что сербский народ может и должен стать одним из ближайших союзников России.

К победам также надо готовиться. Какой бы тяжелой ни была война, но всегда следует «готовиться к победе». Используя аналогии Второй мировой войны, можно сказать о необходимости готовиться к «новому Потсдаму». На Потсдамской конференции 1945 года одним из главных был вопрос о репарациях за разрушения и ущербы, причиненные Советскому Союзу и другим странам антигитлеровской коалиции Германией и ее сателлитами. На Потсдамской конференции советская делегация озвучила цифры понесенных Советским Союзом ущербов от войны. Учет этих ущербов осуществлялся Чрезвычайной Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в годы Великой Отечественной войны. Комиссия была учреждена 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР, имела большие полномочия и высокий статус. По данным Комиссии, прямой экономический ущерб, причиненный Советскому Союзу, составил 679 млрд. руб., косвенный ущерб — 1890 млрд. руб., а общий ущерб — 2569 млрд. руб. (все оценки — в ценах 1938 года). В валютном эквиваленте прямой ущерб составил 128 млрд. долл., а общий ущерб —

357 млрд. долл. (в ценах и долларах 1939 года). Для сравнения можем отметить, что помощь, полученная Советским Союзом по программе ленд-лиза за все годы войны, составила около 11 млрд. долларов.

Подготовка нового счета может вестись в виде составления международной Белой книги, которую победители предъявят сегодняшним агрессорам на «новом Потсдаме». Такая книга должна стать международно-правовым обоснованием репараций, которые будут возложены на агрессоров — США и их союзников по НАТО.

Конечно, определенная работа по учету ущербов Третьей мировой войны уже ведется. Вот, например, правительство Сирии сообщило, что к концу 2013 года объем экономического ущерба от военных действий так называемой «вооруженной оппозиции» (за которой стоит Вашингтон) достиг 144 миллиардов долларов. Что эквивалентно трем годовым ВВП Сирии. Вероятно, по итогам 2014 года правительство обнаружит обновленные цифры ущерба, которые будут намного больше.

После бомбардировок НАТО в Югославии (1999 год) в Социалистической Республике Югославии была подготовлена трехтомная Белая книга с соответствующими фактами разбоя, учиненного западными «цивилизаторами». Но сегодня актуальной является задача составления единой, международной Белой книги. Причем на основе единой методологии, с перекрестным использованием экспертов и информации всех заинтересованных стран. И что самое главное, Белая книга должна содержать стоимостные оценки ущербов. Для того чтобы в дальнейшем стать основным документом для выставления счета агрессорам. Т.е. для определения репараций. Работа над Белой книгой должна вестись на постоянной основе, а не ограничиваться лишь какими-то эпизодами. Обычно под репарациями понимаются возмещения за ущербы, которые страны понесли от военных операций. В современных условиях ущербы причиняются не только военными действиями. Следует также учитывать ущербы от экономических санкций и блокад, подрывных операций, информационной войны и иных форм агрессии. Фактически необходим постоянный мониторинг ущербов (именно такой постоянный мониторинг осуществляла Чрезвычайная Государственная комиссия в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны).

Первой главой Белой книги должен стать счет Сербии как первой жертвы Третьей мировой войны. Не вызывает сомнения, что основная часть сербского счета — ущербы от воен-

ной агрессии США и НАТО, длившейся с 24 марта по 10 июня 1999 года. Цифры, характеризующие масштабы этой агрессии, сегодня можно найти не только в сербских СМИ (со ссылками на Белую книгу правительства СРЮ), но также в источниках стран Запада. Напомним эти цифры. Против СРЮ было совершено 35 000 боевых авиационных вылетов, в которых было задействовано 1000 самолетов и вертолетов; выпущено более 10 000 крылатых ракет, сброшено 79 000 тонн взрывчатки (в том числе 156 контейнеров с 37 440 касетными бомбами, запрещенными международным правом). Проводились варварские бомбардировки с использованием боеприпасов, содержащих слабообогащенный уран.

Прямой материальный ущерб. В ходе бомбежек НАТО, которыми руководил американский генерал У. Кларк, было убито около 2 тысяч и ранено более 6 тысяч мирных жителей Югославии, уничтожено около 50 фабрик и заводов, 18 электростанций, 34 моста, 50 больниц и поликлиник, 480 школ, техникумов и вузов. Работы лишилось около 600 тысяч человек. По различным оценкам, общая сумма прямого материального ущерба колеблется от 30 до 100 млрд. долларов. При любом раскладе нынешняя война НАТО нанесла Югославии больший материальный и экологический ущерб, чем многолетняя оккупация Германией во время Второй мировой войны. Таков вывод независимых югославских экспертов так называемой «Группы-17».

Экологический ущерб. Самые ощутимые последствия вызвали удары НАТО по промышленному комплексу в Панчево: азотному заводу, нефтеочистительному заводу и нефтехимическому комплексу. Отравляющие химикаты и соединения попали в атмосферу, воду и почву, что создало угрозу для здоровья людей и экологических систем на всей территории Балкан. В результате действий НАТО произошло отравление воздуха ядовитыми испарениями от горящих нефтекомбинатов, нефтью из взорванных бомбами резервуаров были отравлены Дунай и остальные реки, загрязнены озера (самое крупное из них — Скадарское озеро) и Адриатическое море. Бомбовые удары НАТО по химическим производствам стали прецедентом в истории. В связи с этим министр здравоохранения Республики Сербии Лепосава Миличевич заявляла: »Наши химические заводы не бомбил даже Адольф Гитлер! НАТО же спокойно делает это, уничтожая реки, отравляя воздух, убивая людей, страну. Над нашим народом проводится зверский эксперимент с использованием новейшего оружия». Можно добавить, что в результате использования авиабомб с ураном обширные территории оказались

загрязненными радионуклидами, заметно возросла онкологическая заболеваемость. Опять хочется добавить: до такого варварства не дошел даже Адольф Гитлер!

Косвенный ущерб — потери, связанные с остановкой производств, безработицей, недополученными доходами. Такие потери усугубились тем, что после бомбардировок 1999 года страна подверглась мародерскому разграблению западными компаниями, которые скупали оставшиеся активы за копейки. Для этого Западом в Сербии к власти были приведены послушные марионетки — Воислав Коштуница и Зоран Джинджич. Последствия экономической политики марионеточной власти после «горячей» фазы войны оказались катастрофическими. 2,5 млн. граждан осталось без каких-либо доходов и средств к существованию. Безработица в Сербии достигла запредельного уровня — 40% трудоспособного населения. Такого и близко не было даже в самые тяжелые времена экономической блокады. Только в этом году падение производства составило 3,5%. У правящей элиты не было никакой программы развития страны. Всё было направлено на получение западной «помощи». А она так и не «материализовалась». Сербов попросту обманули.

Ущерб от экономической блокады. До предела урезанная Союзная Республика Югославия начала подвергаться жесточайшей экономической и политической блокаде с 1992 года. Со стороны моря страна была блокирована флотами США и НАТО. Перерезана была любая поставка нефти, бензина, газа, медикаментов. Запрещено было все воздушное, железнодорожное и дорожное движение. Были прерваны все политические, торговые, культурные связи с внешним миром. Небо республики контролировалось соединениями американской авиации.

Кстати, к разряду косвенных ущербов можно отнести и те потери, которые понесли страны, находящиеся по соседству с Сербией, которые традиционно были связаны с ней тесными экономическими отношениями. По данным лондонского «Экономист Интеллиндженс Юнит» — авторитетной аналитической группы, занимающейся экономикой, — общий ущерб стран Балканского региона от войны в Югославии только в 1999 году был оценен в 8 млрд. долларов. Здесь и прямые финансовые потери, и сокращение иностранных инвестиций, и снижение ВВП от экономического эмбарго.

Компенсационные требования — инструмент текущей политики. Для практического использования компенсационных требований не надо ждать окончания Третьей мировой войны. Их следует применять уже сегодня как эффективное

оружие давления на наших «заключенных друзей». Одним из проявлений имперского, несправедливого отношения Запада к Сербии является то, что он не желал ничего слышать о возможности хотя бы частичной компенсации Сербии понесенных ею ущербов от военной агрессии. Вот, например, в июне 2004 года генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер поставил в известность уполномоченного по правам человека на территории Косова и Метохии (Сербия и Черногория) Антони Новинского, что альянс не намерен платить жителям края компенсации за ущерб, причиненный им во время бомбардировок НАТО в 1999 году. Генсек подчеркнул, что «это было сделано союзными силами непреднамеренно».

Запад иногда называл какие-то суммы экономической помощи Сербии, которую он якобы предоставлял для восстановления ее разрушенного хозяйства. Однако все это лукавство, обычные PR-акции. После «горячей» фазы агрессии против Югославии к власти в стране (Сербии) пришли такие прозападные фигуры, как Зоран Джинджич. Они начали проводить в стране «реформы», которые окончательно загнали страну в долговую кабалу. Была проведена массовая приватизация государственных активов, которой воспользовались транснациональные корпорации. Те деньги, которые США и ЕС направляли в Сербию в виде «помощи», фактически были финансовой подпиткой западных ТНК. Население Сербии никаких реальных компенсаций не получило.

В 2014 году в мировой политике стали наблюдаться определенные тектонические подвижки, которые в немалой степени были порождены усилившейся агрессивностью Вашингтона в разных точках мира. Прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке и на Украине. Эти подвижки сказались и на российско-сербских отношениях, на несколько более уверенном (по сравнению с предыдущими годами) поведении официального Белграда на международной арене. Белград не поддержал антироссийскую резолюцию Совета Безопасности по Крыму, не «прогнулся» под давлением Вашингтона, требовавшего подключиться к санкциям против России. Наконец власти Сербии пригласили президента Российской Федерации на празднование 70-летия освобождения города от фашистских оккупантов.

Кажется, Белград уже созрел для того, чтобы начать предъявлять свои счета Западу за ущербы последних двух десятилетий. Впрочем, не очень уверенно, но он уже начал это делать. В мае нынешнего года сербский президент То-

мислав Николич заявил в Совете Безопасности ООН (где обсуждался вопрос Косова), что рассчитывает на компенсацию ущерба от 78-дневных бомбёжек НАТО в бывшей Югославии в 1999 году. «Я не жалею и не прошу выплат возмещения за войну в классическом смысле, но откуда я президент Сербии, я напому вам о ваших обязательствах компенсировать нам огромный и непоправимый ущерб, нанесённый нашим гражданским объектам и экономике в целом», — заявил Николич на заседании Совбеза ООН. В интервью журналистам Николич сказал, что окончательный размер ущерба неизвестен, но счёт идёт на «десятки миллиардов долларов».

Надо вспомнить опыт Генуи. Конечно, трудно рассчитывать, что Запад в настоящее время будет оплачивать миллиардные счета Сербии. Запад крайне прижимист. Это наглядно видно на примере Украины, которую он предпочитал кормить в основном обещаниями, а реальной финансовой помощи почти не оказывал. Но компенсационные требования могут стать важным инструментом внешней политики любой страны. Вспомним, например, что в 1922 году на Генуэзской конференции Запад пытался поставить на колени Советскую Россию, требуя от нее уплаты долгов по кредитам царского и Временного правительств на сумму 18,5 млрд. зол. руб. На той конференции мы выставили бывшим союзникам по Антанте встречный счет за ущерб, причиненный интервенцией и экономической блокадой. Сумма счета была 39 млрд. зол. руб. Для наших бывших «друзей» по Антанте это был шок. Благодаря встречному счету мы сумели отбить притязания наших алчных «друзей». Немалую роль наши компенсационные требования сыграли и в том, что через два года после Генуи началась полоса признаний нового государства. На этом опыте могут учиться и наши сербские друзья. Впрочем, и нам самим надо учиться на собственном опыте. Надо учитывать, что «денежные аргументы» всегда быстрее доходят до меркантильного Запада, чем аргументы, апеллирующие к справедливости, равноправию и правам человека.

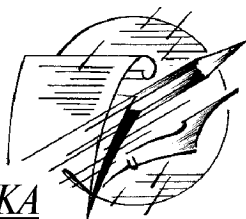
Михаил ДЕЛЯГИН,
доктор экономических наук

СУДИТЬ О КАЖДОМ ПО МЕРКАМ ВРЕМЕНИ

От редакции. Данная публикация — выступление известного политика и экономиста М.Г. Делягина в эфире телеканала «Комсомольская правда». Мы не стали редактировать стилистику этого выступления и публикуем его в качестве свободной разговорной речи.

Мы до сих пор живем на том, что было сделано при Сталине, или на том, что было спланировано при нём, — вся инфраструктура, вся социальная система, основа промышленности. Даже Байкало-Амурскую магистраль, апофеоз брежневской эпохи, начали строить как раз перед войной. Потом разобрали рельсы во время войны и проложили до Сталинграда, чтобы подвозить военную технику.

Конституция 1936 года была действительно самой демократичной конституцией того времени. И одно из объяснений террора 1937 года — чудовищного, многоуровневого — заключается именно в том, что тогда произошло восстание партхозноменклатуры против идеи альтернативных выборов, которые товарищ

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сталин пытался внедрить. Другое дело, что на носу была Вторая мировая война, в мире пахло порохом, внутри произошел взрыв, в том числе и в виде протеста этой партхозноменклатуры, которая испугалась тупо за свое место и стала зачищать всех конкурентов, почти как «Единая Россия».

Когда мы оглядываемся вокруг, то мы видим, что есть проекты воровства, есть проекты уничтожения, есть проекты коррупции. А те проекты созидания, которые есть, они в основном то, что было прервано, а начато при Сталине. Как-то он в какой-то беседе, очень доверительной, сказал, что Сталин — не я. Сталин — это Советский Союз. И в определенной степени это так и было. Произошло растворение личности в государстве.

Я приношу извинение всем, кого покоробит это сравнение. Но две тысячи лет назад один молодой сын плотника был распят. До сих пор огромная часть человечества переживает это событие как свою не то что современность, а повседневность. Да, Сталин — фигура масштабом на несколько порядков ниже, согласен. Но давайте сравним с тем, что было после него. Непревзойденный интриган и интуитивист Хрущев. Человек без стратегического проекта, который бодался с партхозноменклатурой и был ею съеден. Судя по всему, он так и не понял, что он борется с классом, который вышел из-под контроля из-за смерти Сталина и в ходе этой смерти. Брежнев, который просто отпустил вожжи и сказал: пилите, Шура, пилите, они внутри золотые! И вошел в историю как человек, при котором было сладко жрать, но при котором страна вошла в стадию неконтролируемого распада. Андропов — это эпизод. Черненко — это эпизод. Горбачев — это катастрофа. Ельцин — это клиника, это распад в клинической форме. Товарищ Путин, который попытался что-то собрать, после чего многие задумались: это того стоит? И — зачем?

Когда мне было 22 года, была демократия, как раз первые разоблачения пошли, я написал такую гневную филиппику в адрес Сталина. Попала эта филиппика к очень-очень пожилому дедушке, которого советская система жевала, но не прожевала. Он еще попал в ГУЛАГ заключенным, вышел оттуда офицером ГПУ, который внедрял хозрасчет. И он сказал: знаете, молодой человек, все это понятно, что вы говорите. Но все это ерунда. И начал просто, по пунктам разбивать все мои обвинения, нахватанные из публицистики Солженицына. Я в полной прострации говорю уже совсем детсадовскими словами: подождите, так вы хотите сказать, что Сталин был хороший? Он на меня посмотрел глазами такого мудрого человека, который смотрит на шестимесячного щен-

ка, который свой хвост еще ловит. Говорит: нет, молодой человек, Сталин был плохой, но совершенно не потому, о чем вы говорите. Это ерунда. Дальше была чеканная формула: Сталин был плохой, потому что созданная им система породила Горбачева.

Он создал систему высокоэффективную. Некоторые управленческие решения этой системы не решены до сих пор. Спецкомитет Берия, это упрощенное название, их на самом деле было четыре, но их всех курировал Берия. И они создали межконтинентальную ракету, атомное, а потом водородное оружие. Они создали противоракетную оборону и необходимую для этого электронную базу.

Административное руководство творческими людьми — это проблема, которая не решена до сих пор. Каждый год выходят килотонны литературы, которые просто лишний раз подтверждают, что никто не знает, как управлять этими людьми. Эта задача была решена на ходу, на коленке. Но эта система оказалась нежизнеспособной. Потому что Сталин опирался на класс партокзноменклатуры, который он создал. Этот класс устроил первое восстание против него в 1937 году. И он понял, что не может держать этот класс один, заменив собой государство. Он попытался создать механизм ротации, механизм хотя бы ограниченных выборов снизу, но у него не получилось. И дальше эта система его съела. Но огромное количество социальных технологий, которые тогда были отработаны, просто ждут своего часа. Они должны быть реализованы.

В 1938 году — пик террора, экономика в ауте. Посажены люди, которые переписали население и обнаружили, что население на 18 млн. человек меньше, чем должно было быть. Это — коллективизация, террор и общее перенапряжение сил. Только-только начинается переход от ежовщины к бериевщине. Происходит постепенная либерализация. В этих условиях малый бизнес Советского Союза, который тогда назывался промкооперацией, давал 6% промышленного производства страны. Это не больше, чем сейчас. Льготы он имел отчетливо более высокие, чем сегодняшние льготы. Даже были конструкторские бюро, научно-исследовательские институты, первые телевизионные приемники, первые радиолы выпускались малым бизнесом. Это не только замки, которые во многих семьях еще остались, с печатью «артель такая-то». Это самое высокотехнологичное, что на тот момент было. Это производилось малым бизнесом.

Другая история. Стимулирование труда. Хозрасчет был введен в лагерях в начале 30-х годов. Первое решение о вне-

дрении хозрасчета во всю экономику — февраль 1941 года, пленум ЦК ВКП(б). Очень хорошо показал себя в лесной промышленности — понятно, где и почему. Значит, должно быть применено по всей стране. По всей стране применить не удалось, потому что война — не до хозрасчета. Но с конца 30-х годов, еще до этого пленума, он применялся в высокотехнологичных отраслях. Система стимулирования, повышения эффективности труда, снижения себестоимости — это было первое, что было разрушено Хрущевым.

У Сталина была идея, что Советский Союз должен выжить. Мир завоевать или полмира завоевать — это уже как получится. Но он должен выжить в абсолютно враждебном окружении. Он должен быть умнее всех, круче всех и сильнее всех. И на пути к этому было сделано неимоверно много. Ценой неимоверной. Когда мы говорим о Сталине, давайте не будем забывать, что он прошел Гражданскую войну. Что была жестокость, которая непредставима даже тем, кто помнит историю Великой Отечественной войны. Это была не просто жестокость, а беспощадность. А потом была жесточайшая война за власть. Когда были плеяды ленинских интернационалистов, которые считали, что Россия — это хворост в костре мировой революции. И если хворост сгорит, а революции не получится, но и черт с ним, туда ему и дорога, этому хворосту. И война между ними, при всей интриганской изощренности и гибкости альянсов, была абсолютно жестокая, на уничтожение. Люди, которые прошли гражданскую войну в любой стране мира, другого не понимают. В войне с другой страной можно взять людей в плен, держать их в лагере, а потом выпустить и отправить обратно. А гражданская война означает уничтожение. Только так.

И на фоне остальных деятелей, которые просто не получили возможность реализовать свои представления о прекрасном, Сталин зверем совсем не выглядел. На самом деле история Советского Союза не написана. Мы знаем какие-то куски, обрывки. Сталин смог начать формирование советского народа, создать мощный социальный оптимизм. Какой ценой? Да! Но когда мы говорим о войне, то мы должны понимать, что это не только гитлеровское нашествие.

У Сталина был проект. Если вы хотели вписываться в этот проект, в эту стратегию, у вас был хороший шанс. Сталин пытался построить цивилизованное общество, пытался построить гуманное общество. Представления о гуманизме были очень специфические. И знаменитая фраза, за которой последовал чудовищный террор, о том, что с укреплением социализма классовая борьба только нарастает, она очень

интересно сконструирована. Эта фраза сказана так, что на поверхности, да, все эти представители бывших угнетенных классов затаили злобу, и теперь их нужно добивать окончательно. А смысл у фразы другой. Что сложилась опять новая бюрократия, которую нужно уничтожать, перемалывать и ставить на службу обществу.

Ориентир войны был направлен в другую сторону. Чем отличается террор 1937 года от коллективизации? Тем, что шло под нож огромное количество — обычные люди попадали в жернова в безумных количествах. Я верю всем рассказам, что на Лубянке до сих пор лежат неразобранные доносы того времени. Потому что просто поняли, что нельзя все это использовать. Но огромная часть невинных жертв — это были те же самые энкавэдэшники, гэпэушники, секретари райкомов и обкомов, которые требовали повышения лимита на расстрелы. Больше всех, максимальными требованиями на количество людей, которые должны быть расстреляны и посажены в лагерь, прославился Никита Сергеевич Хрущев. Его аппетиты в разы превышали аппетиты всех остальных. Это на его докладной бумажке Сталин написал резолюцию «Уймись, дурак!». Именно по этому поводу.

Уже во время войны, в августе 1942 года, в ужасное время, когда фронт катился к Сталинграду, и вновь казалось, что все кончено, — Черчилль спросил Сталина о коллективизации. Сталин ему сказал: это длилось четыре года и это было ужасно. Это цитата. Это сказал человек, который свои слова отмерял крайне скупно. Я не хочу сказать, что Сталин был хороший. Совершенно нет, упаси боже. Но это был человек, который в той ситуации избежал уничтожения российской цивилизации. Неимоверной ценой, большой кровью, чудовищными ошибками. Потому что, когда один человек подменяет собой государство, будь вы любой гений, вы не сможете собой государство подменить. Но он, по крайней мере, пытался один раз демократизировать систему, как это ни смешно звучит. И его ненавидят люто не за то, что он пролил реки крови. Люди, которые его ненавидят, любят Петра Первого, при котором население нашей страны сократилось на треть. Да, они ненавидят Сталина не за то, в чем он был плох, не за насилие, не за террор. Я имею в виду либералов. Либералы ненавидят его за то, что он Советский Союз противопоставил Западу. И позволил Советскому Союзу выжить.

Квинтэссенция претензий к Сталину — это то, что говорилось в очередях за пивом в конце 80-х годов ветеранам: «Если бы не ты, дед, мы бы сейчас баварское пили». Сейчас мы пьем баварское.

Вина Сталина перед нашими либералами сродни вине Достоевского. Чубайс, сдержанный человек, корректный, с очень холодной головой. Единственный раз, когда он впал в неистовство, как следует из его высказываний, не касаясь политической борьбы, это когда его спросили про Достоевского. Он сказал: я готов рвать его на части и таких людей, как он. Это враги. Почему? Не только потому, что Достоевский задолго до появления Чубайсов, Гайдаров и прочих Подрабинеков, раскрыл сущность либерализма, его ненависть к России. Просто Достоевский — это человек, который защищал российскую цивилизацию. Тогда она называлась русской. Она называлась империей. И бывший каторжник находился в очень доверительной переписке с Победоносцевым — жутким реакционером, и они вполне друг друга понимали. И самый недооцененный из наших царей, наверное, после Алексея Михайловича Тишайшего, это Александр Третий. После смерти Александра Второго, которого убили в результате либеральных реформ, Александр Третий просто навел порядок. И его правление было очень разумным и очень рациональным.

Достоевский — это человек из серии Александра Третьего. И Сталин — продолжатель той же самой линии. Если Николай Второй — это предшественник Горбачева, с теми же самыми последствиями, с теми же благими порывами, которые заканчивались катастрофами. С тем же гуманизмом, который кончался кровью. И так далее. С тем же стремлением снять с себя ответственность, которое кончалось трагедиями. То Сталин под хомут исторической необходимости свой заговор подставлял и тащил. Как он поднялся во время Гражданской войны? За счет продуманности, организованности и ответственности. У него не было никаких особых гениальных талантов. Он не умел говорить. Во времена митингов Троцкий начинал говорить, и люди шли в атаку с «Интернационалом» и погибали. Крошечный невзрачный человечек с кривой бородкой и в пенсне. Сталин так не умел. Но он был организатором, он был ответственным. И за счет этого, именно за счет гиперответственности он вышел наверх. Именно за счет этого он завоевал власть.

Есть такой человек — Андрей Караулов. Не самый симпатичный человек. Но он сказал потрясающую фразу, что жестокость Сталина была следствием его гиперответственности. Он понимал, что между ним и небытием, между сегодняшним днем и небытием, исчезновением, причем для всего народа, стоит только он один, и ничего больше. Один человек. И он действительно принимал ответственность за суще-

ствование целого народа. И в этом отношении он был абсолютно последовательным. Чеченские войны. Кто из наших руководителей отправлял туда своих детей? Знаю два примера — Пуликовский, у которого был искалечен сын, и Станислав Говорухин, у которого был искалечен сын на первой чеченской войне. Наверное, кого-то я упускаю из виду. Но при Сталине все руководители своих детей посылали на фронт. Почти все.

Я первый раз попал в 1996-м в гостевой домик Михаила Сергеевича Горбачева. Меня поразило, что в трехэтажном доме был лифт. Меня это потрясло. Я был тогда наивным человеком, я был шокирован этой расточительностью. А сейчас, насмотревшись других домиков, и отнюдь не государственных, не официальных, я готов согласиться с тем, что Михаил Сергеевич Горбачев был относительно скромный человек. Но мысль о том, что всё для фронта, всё для победы, всё для работы, всё для прогресса вашего народа, это мысль, которая Сталину была свойственна, которая составляла его суть. Под прогрессом он мог понимать поразительно извращенные вещи. Это другое. Но при этом он преследовал задачу общественного блага. Если вы сейчас нашим руководителям скажете про общественное благо, вам ответят, как мне однажды ответили: извините, но ваша демократия и ваше общественное благо — это враждебная пропаганда Голливуда.

Сталин стал олицетворением стремления к справедливости. Ничего более жестокого, чем стремление к справедливости, в природе не существует. Но это то, что абсолютно необходимо.

Но при всем этом, когда мы смотрим на ничтожество нынешнего руководства, когда мы смотрим на его мерзость, мы видим ситуацию, которой не было в Советском Союзе. А сейчас эта машинка по перемалыванию людей работает абсолютно тупо и беспощадно. Остановить ее нельзя. Тогда не отбирали детей у родителей на основании того, что родители бедны. До этого изуверства даже сталинским палачам далеко. Сейчас это называется ювенальной юстицией. Закон еще не ввели, но она уже работает. Тогда было понятно — мы строим новое общество, мы строим лучший мир для наших детей. И это будет общий мир, в котором будет лучше всем. Есть ради чего терпеть. А сейчас ради чего терпеть? Ради очередной яхты Абрамовича? Ради очередного футбольного клуба какого-нибудь дагестанского олигарха? Ради очередной дачи какого-нибудь мелкого начальника? И на фоне ничтожества и мерзости нашего руководства фигура Сталина встает в исполинский рост и заслоняет собой всю оставшуюся нашу

историю. И когда у нас появится разумное руководство, Сталин уйдет в историю. Но не раньше. Я боюсь, что это новое руководство окажется в такой ситуации, что ему придется применять не только цивилизованные нормы поведения Сталина, но и то, за что мы сегодня его порицаем. Потому что другого выхода не будет, как этого выхода не было в двадцатые и тридцатые годы.

Сегодняшняя десталинизация — это страх либералов перед ответственностью за совершенные ими преступления. И ничего больше. Они мстят Сталину за то, что Сталин был олицетворением справедливости. Может быть, жестокой, может быть, излишне жестокой. Но понятной. Они ненавидят Сталина не за то, что в нем было плохого, они ненавидят Сталина за то, что он служил России, а не за то, что он убивал людей. Они ненавидят его за то, что он лег в могилу в штопанных носках. Когда понадобилось что-то на него надеть, выяснилось, не обтрепанных кителей у него нету. Вот это является главным предметом лютой ненависти. Потому что они не понимают, как человек может жить не ради своего кармана, а ради общего блага. Именно поэтому Сталин для них — диктатор и мерзавец, а Гайдар — святой.

Поэтому *Сталин* вернется. И дай бог, чтобы это было не исчадие Гражданской войны, чтобы за ним лежало относительно мирное и относительно цивилизованное советское воспитание. Но *Сталин* вернется, потому что эти люди доведут страну до ситуации, когда иного способа спастись от катастрофы и уничтожения у нас просто физически не будет. Я говорю это без всякого удовольствия. Это будет ужасно. Но это будет значительно лучше, чем смерть. Когда вы смотрите на Чубайса, на многих наших других действующих руководителей, то становится совершенно ясно, что альтернатива не между плохим Сталиным и хорошим светлым будущим. Альтернатива между новым Сталиным и смертью. Другой альтернативы либеральный клан нам не оставляет. Четверть века национального предательства, которое продолжается и по сей день, и платить за него придется тяжело.

МАЙДАН

ПОВЕСТЬ

Майдан — площадь, место, поприще.
Майданить — мошенничать, промышлять
игрою в кости, орлянку, напёрстки...

Владимир Даль

С некоторых пор, а точнее, с ноября 2013-го, совещания у шефа издательско-полиграфического холдинга «Независимый полёт» Ямпольского стали называться майданом. Конечно, по примеру того, киевского. Идея эта пришла в голову редактору еженедельника «Качели» Вове Жерехову. Тридцатилетний, щуплого телосложения мальчик, которого Ямпольский ценил, был горазд на выдумки — и название еженедельника он придумал (что соответствовало внутренним убеждениям Ямпольского), и на тематические поиски парень был горазд, а главное — Жерехова можно было гнуть и раскачивать в любую сторону безо всяких усилий: направление мысли президента холдинга он схватывал с полуслова, на лету, творчески развивал. Словом, ценный работник.

Осенний тот призыв «На майдан!» разнёсся не только по Киеву и всей

ПРОЗА

Украине, журналисты обеспечили ему известность и в России, а скоро и по всему миру. Правда, поначалу киевский майдан 2013-го особого интереса не вызывал: во-первых, это случилось в украинской столице и раньше, во-вторых, требования киевлян были обычными, житейскими — усилить борьбу с коррупцией, вступить в Евросоюз, остановить рост цен, повысить уровень жизни... ну, и всё такое прочее. Никто не мог представить, что в этот раз начиналась хорошо продуманная долговременная акция, что уже через два-три месяца майдан превратится не просто в некое бурное сборище, а примет наступательную, боевую форму, заставит говорить о себе многие страны.

Тогда, осенью тринадцатого, и пришёл к Ямпольскому Жерехов, сказал между другими делами, дескать, Викуся, секретарша, уже созывает к нему, шефу, на совещания весёлым кличем: «На майдан, мальчишки! К Семёну Михайловичу!» И почему бы нам это не узаконить?

— Твоя идея? — усмехнулся Ямпольский, поглаживая серебряную бородку, глядя на редактора еженедельника сквозь овальные сильные стёкла идущих его строгому лицу очков. Внешний вид шефа холдинга, его облик невольно относил собеседника, визави, к памяти лиц прошлого, даже позапрошлого века, напоминал внешний вид писателя Тургенева, чем Ямпольский тайно гордился. Тем более, что и сам уже давно тайно пописывал, копил материал для романа.

— Моя, — кивнул Жерехов, улыбался при этом радостно, нетерпеливо, предвкушая привычную уже похвалу босса, а может быть и соответствующий комментарий, потому что Ямпольский был словообильным, кратко выражаться не умел, считал необходимым пространно пояснять свою мысль, свои распоряжения и приказы.

— Знаешь, Вова, в этом что-то есть, — раздумчиво проговорил Ямпольский, шевельнувшись в кресле, поудобнее откидываясь к высокой спинке. Кресло под его тяжёлым, упитанным телом жалобно поскрипывало, словно просило обращаться с ним осторожнее, бережнее... — Майдан — проявление демократии, да. Люди собираются на центральной площади города, или на международный форум, или где-то в другом месте, к примеру в станичной избе кошевого, или в моём кабинете, говорят то, что думают, а начальство мотаёт себе на ус. В моём случае и на бороду, так как это одно целое... Кстати, Вова, ты бороду не думал отпустить? Сейчас это модно. Плянь по телевизору: все молодые мужики с растительностью на физиономии. Хотя просто небритых терпеть не могу. Отрастит на щеках три волосинки и ходит щеголяет...

— У меня волос некрасивый, Семён Михайлович, — неожиданно возразил Жерехов (Ямпольский ожидал другой ответ). — Рыжий какой-то, пегий, лошадиный, что ли. Сам чёрт не разберёт. Не сравнить с вашей седой красавицей.

— Ну-ну, подожди лет десять, поседеешь, — хмыкнул Ямпольский. — Ладно, давай о делах. Я хочу, Вова, чтобы твою газету..

— Вашу, Семён Михайлович, — мягко вставил Жерехов, и надо заметить, что вставлял он эту реплику уже не раз: Ямпольский словно проверял его этой фразой, играл ею. Стоят ли мозги редактора на нужном месте? Всё ли, что надо, помнит?

— Ладно, нашу с тобой, — Ямпольский погасил родившуюся было на его тонких губах улыбку. — Так вот, мы с тобой за минувший год сделали, конечно, многое, но тираж подрос мало. Мало, Вова! А я хочу, чтобы газету нашу читали молодые и старые, больные, хромые, успешные люди и бедные, менты и уголовники, юристы и артисты, проститутки и сексуально озабоченные парни, холостые и семейные... Понимаешь?

Жерехов мотнул коротко стриженной русой головой, внимательно слушал. Лицо его — чисто выбритое, курносое — само внимание.

Вежливо заметил:

— Очень широкий круг тем, Семён Михайлович. Проституткам, уголовникам — чего для них писать?

— О-о, — оживился Ямпольский, и снова кресло под ним закрипело, заныло. — Зеки любят утверждать, что сидят ни за что, по судебной ошибке. Про матерей любят вспоминать, которые единственные, кто их ждёт, песни о них сочиняют. Девки эти, с панели, тоже несчастными себя считают, мол, гусар обманул и бросил в интересном положении... А сами, курвы, поют: «Ты меня обними, а потом обмани...» Помнишь песенку?

— Помню.

— Вот. О работе надо думать, а не «обними-обмани»... Ей бы только на шею мужику повеситься... Дальше: юристам надо рассказывать про законы и следствие, старикам — про ЖКХ и рост цен на электричество и воду, повозмущаться вместе с ними. Больным детям помощь организовать, народ у нас отзывчивый, сердечный, найдутся желающие помочь. Об артистах побольше материалов — и похвалить, и поругать, самый раз будет. В личную жизнь залезть, в спальню. Кто с кем, кто кого трахает. Им это нравится, что про них пишут, а читателю интересно. Обыватель хочет сравнивать

свою жизнь с жизнью других. Чиновников — колбасить. Не люблю чиновников. Про них — только о взятках, о нарушениях, о должностных преступлениях. Они этого заслуживают. Так, кто ещё? А, сексуально озабоченные! Этим советы надо печатать, их звонки, письма, откровенные интервью. Один перед девичьей робеей, у другого физиологические нарушения, третий рукоблудством тайно занимается. Да мало ли чего можно тут накопать! Только тронь эту тему! Врачей-урологов позови, они тебе столько наговорят!.. А молодёжи это в кайф. И никакой политики, Вова. Нашим читателям это ни к чему. Человеку что нужно? Хлеба и зрелищ. Так было и так будет.

— Понял, понял... — Жерехов в эти минуты напоминал китайского болванчика, даже ладони вместе сложил и кивал, кивал...

— Мне нужен большой тираж, Вова, — повторил Ямпольский. — Пятьдесят, сто, сто пятьдесят тысяч. А там посмотрим. Газета должна окупаться, кормить себя, тебя, твою редакцию, всех. Меня в том числе. Пусть «Качели» будут скандальными, дерзкими, пусть! Чем больше скандалов, тем больше читателей, это проверено. На первую полосу — забойные, сенсационные материалы. Еженедельник нужно сделать ведущей газетой в регионе. Первой! Чтобы эти прокоммунистические и иные местные издания заткнулись, сдохли! — Последние эти слова Ямпольский почти кричал. — Особенно «Вестник Придонья». Там засели недобитые коммуняки, уже сколько лет они вешают лапшу на уши простым людям, в основном пенсионерам, старикам, что, дескать, социализм вернётся, надо только бороться, надеяться и ждать. Этого не будет, Вова, заруби себе на носу.

— Да я что... — лепетал Жерехов. — Я согласен, Семён Михайлович. Меня вполне устраивает нынешняя жизнь. Я хорошо зарабатываю, у меня приличная квартира, машина, жена...

— Вот! А кто это тебе дал? Мы! Предприниматели, бизнесмены. Те, кто в своё время менял жизнь, кто ходил на митинги протестов, кто воевал с коммуняками. Кто читал и почитал Солженицына, Сахарова, Довлатова, Войновича, этого... Иосифа... Он потом в Америку уехал...

— Бродского, — подсказал Жерехов.

— Да, он, Бродский. Вот гордость нации, вот кого надо помнить и на кого равняться, Вова.

— Я помню, Семён Михайлович.

— Ладно, хватит. Давай о другом. Надо подумать о подписке на «Качели» и в соседних областях. Расширить прода-

жу через наши магазины. Я скоро ещё пару торговых точек приобрету. Зови на работу к себе толковых молодых людей. Веди переговоры с пишущими в других газетах, переманивай их к нам. Я поддержку. Конкурентов надо уничтожить разными способами.

— Понял, понял... — всё ещё кивал Жерехов, уже отступая спиной к выходу.

— Ну вот и молодец, — удовлетворённо гудел под нос Ямпольский, косясь на попискивающий на крышке стола мобильник. — А насчёт майдана ты хорошо придумал. Давай, поиграем в демократию хотя бы на территории одного холдинга.

«Этот на своём месте, — думал Ямпольский, провожая редактора «Качелей» долгим прилипчивым взглядом. — При Советах он сопливым пацанёнком был, многое не помнит, не знает. Рос в девяностые, впитывал то, что нужно. Словом, не взбрыкнёт. Но в узде его надо держать по-прежнему. Пока борода не поседеет. Тогда вожжи можно и отпустить. Сам по колее пойдёт».

Ямпольский взял наконец мобильник, в трубке — негромкий голос Петра Веретенникова, зама:

— Хочу зайти, Семён.

— Очень?

— Что... очень?

— Зайти, говорю, очень хочешь?

— А-а... Дело есть.

— Тогда валяй. Жду.

Веретенников скоро явился. Кабинеты их по соседству, на одном этаже. Секретарша, Вика, — только у Ямпольского, так он сам решил, исходя из экономии расходов.

Приёмную его все в холдинге звали «предбанником». Ради хохмы (опять идея Жерехова) в предбаннике на обычной лавке, купленной в магазине «Народные промыслы», — лежали тазик, берёзовые веники и листок с принтера: «К начальству — с чистыми помыслами». Ухмыляясь, или недовольно скривив рот, входящий хлопал себя веником по спине и груди, иные крестились. Но всем было весело.

Теперь в приёмной — новенькие автопокрышки, сильно пахло резиной, заводом, Вика сидела за столом, окружённым мешками с песком.

Пробираясь сквозь баррикаду, Веретенников, длинный и нескладный мужчина пятидесяти лет, в только что сшитом к юбилею новеньком костюме, в скрипучих ещё туфлях, недовольно морщился — не испачкаться бы. Не удержался от замечания:

— Нагородила ты тут, Викуся. То хоть веники были, куда ни шло...

— Не я, шеф велел, — отвечала Викуся, писаная чернобровая красавица, крашеными коготками продолжая щёлкать по клавишам компьютера. — Осталось только заказок на костёр поставить. И в столовую не надо будет ходить.

Она явно не одобряла убранство своего рабочего места, выглядело это, конечно, смешно, забавно, как развлечение, но оно мешало ей работать, а запах резины раздражал. Но что поделаешь с прихотью шефа?! Ямпольский и ей велел изображать из себя майданницу, теперь Вика уже здесь, на работе, переодевалась в просторную рабочую блузу с красным бантом на груди и в пятнистые, из комплекта спецназа штаны. И на черноволосяй её голове красовался чёрный мужской берет с эмблемой, напоминающей то ли украинский трезубец, то ли простые вилы.

В таком виде Вика несколько раз на дню являлась в кабинет Ямпольского; он прятал улыбку, окидывал ладную фигурку секретарши оценивающим, опытным взглядом, находил, что никакая, даже на первый взгляд случайная одежда не могла бы испортить общий вид красотики Виктории, ей всё клицу, что ни надень. Можно было бы и маузер в деревянной кобуре на талию повесить, Ямпольский сказал об этом, но Викуся бурно запротестовала:

— Ну, Семён Михайлович, мы же не в театре! Какой ещё маузер? Чего ради изображать из себя артистку.

— Весь мир театр, а люди в нём... знаешь кто?

— Да знаю, знаю. Актёры. Шекспир сказал.

— Правильно. И ты актёрка. Думаешь одно, говоришь другое, поступаешь по третьему.

— А вы откуда знаете?

— Моя седая борода всё о людях знает, Викуся. Вот. Побудь пока революционеркой. Жизнь на майдане покажет, что к чему. Глядишь, в следующий раз платье принцессы придётся надеть, а то и самой королевы.

— Ага! Как бы в робу арестантки не одели.

— Что так? — Ямпольский посерьёзнул.

— Мало ли!.. У нас в народе как говорят: от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

Викуся козырнула шефу, лихо повернулась через левое плечо и пошла строевым шагом к двери.

С Петром Веретенниковым они подружились двадцать лет назад, в середине лихих девяностых годов прошлого века.

Ямпольский приехал в Придонск с Украины, приехал с хорошими деньгами и намерением разместить их в прибыльное дело.

Таким ему казалось издательское поприще.

В те годы разгорелся книжный бум, и Москва, и региональные издательства процветали, книги разных отечественных и зарубежных авторов печатались большими тиражами, их охотно раскупали, потому что не стало цензуры, пиши и читай всё, что угодно, — о сексе, о бандитах, о бывших хозяевах страны, коммунистах, которых теперь поливали на каждом углу, — на телевидении, в газетах, книгах и журналах.

Не отставала в этом плане и Украина, и там дела у издателей шли неплохо, но Россия — это иной масштаб и иные деньги.

Словом, Ямпольский всё это просчитал и вскоре оказался в России.

Понудила его уехать из родного Львова ещё одна веская причина, о которой он не сказал даже собственной жене, Регине — тихой семейной женщине, которая безропотно приняла это решение мужа и стала собираться в дорогу. Но между делом Ямпольский объяснил жене, что его решение обусловлено чисто экономическими причинами: Украина после развала СССР чахла, как и другие бывшие республики Союза, жила впроголодь, обвешанная долгами и кредитами, недовольством народа, которого теперь активно воспитывали в духе ненависти к русскому москалю. Особенно это было заметно здесь, на Львовщине.

Ямпольский, подвизавшийся на местном телевидении в качестве помощника режиссёра новостных программ, принимал участие в разжигании межнациональных страстей, лично в эфире, конечно, не был, но все его подсказки ведущим, участникам программ были направлены и на более язвительные высказывания и толкования фактов, и на довольно вольную трактовку тех или иных политических событий в СССР и теперь, разумеется, в России. Подбор соответствующих кадров, «картинок», был тоже тенденциозным, особенно когда речь шла о так называемом «голодоморе» на Украине в начале тридцатых годов; диктор безжалостно и бездоказательно обрушивал свой гнев на коммунистов, ни слова не говоря о том, что и Россия переживала не лучшие времена, что и там, на той же Волге, в других губерниях, люди голодали, умирали сотнями и тысячами...

Особенно старалось львовское телевидение по теме искоренения русского языка, начиная со школьных учебников, хотя вся Украина говорила в быту, да и в производственных сферах именно по-русски.

Была в ходу на украинских телеэкранах и другая забота промывать мозги: мол, Россия всё время твердит, что украинцы — братский народ, но почему-то она не хочет помогать этому народу, бросила его на произвол судьбы. А сама жирует.

На самом деле это было не так. Россия с середины девяностых сама барахталась в проблемах и противоречиях, едва сводила концы с концами в экономике, но не забывала об Украине. Между странами существовали долговременные соглашения, вместе строили самолёты, космические изделия, шла бойкая торговля сельскохозяйственной продукцией, но прежде всего русские дисциплинированно и надёжно снабжали Украину газом для нужд промышленности и населения. В Севастополе в бухтах борт о борт стояли российские и украинские корабли. Хотя и платила Россия за это немалые деньги, всё равно считалось, что Украина оказывает ей дружескую услугу, ибо держит чужой флот на своей территории... О том, что Севастополь и сам Крым — русские территории, политые кровью русских солдат, речь, разумеется не шла.

А тем временем на Украине, как и в России, шёл захват-делёж некогда общественного, государственного имущества, появились свои олигархи, сверхбогатые люди, их имена не сразу, но в скором времени стали известны всей Украине. В основном это были выходцы из промышленного юго-востока страны, где люди трудились на шахтах Донбасса и в цехах заводов, где шумело Чёрное море, работали морские порты и где скромной жизнью жил Крым, жемчужина побережья.

Во Львове ничего такого, что можно было бы ухватить рядовому помощнику режиссёра телевидения, уже не осталось, а что и было, так быстренько прибрали к рукам местные олигархи, и Ямпольский, как и миллионы простых смертных, оказался с пустыми карманами. Пришлось ему ввязаться в одно неблагоприятное дело, за которое хорошо заплатили, но ...

Вот из-за этого дела ставший безработным Семён Ямпольский и вынужден был бросить родной город, направить свои помыслы о дальнейшей жизни в Россию.

Особых проблем с переездом у них с Региной не было.

Детей они не имели, родители обоих умерли, квартиру продали.

О своих финансах Ямпольский ответил жене: мол, не переживай, хватит. В подробности не вдавался, сумму на счетах не назвал, Регина и не спрашивала — так была приучена мужем, не лезла в его кошелёк.

А он уезжал из Львова в мрачном состоянии духа. Чувствовал себя униженным, ограбленным — ничего от богатого

украинского пирога ему, Ямпольскому, не досталось. А ведь он был в городе не последним человеком, верой и правдой служил новой власти — и Кравчуку, и Кучме, и Ющенко... Горячо поддержал решение того о присвоении звания Героя Украины Степану Бандере, был уже в России, наблюдал жизнь «неньки» по телевизору.

Он, правда, не афишировал это своё одобрение президента Ющенко, побоялся послать телеграмму в Киев, хотя и думал об этом. В России Бандера — бандит, фашист, сотрудничавший с немцами в годы Великой Отечественной войны, это здесь помнят многие, зачем дразнить гусей?!

Но в тот день, когда Ямпольский узнал об указе, он в семейном застолье поднял рюмку:

— За Степана, мать.

— За какого Степана? — не поняла Регина, уточнила слабым голосом. В последнее время она часто болела, исхудала, пышное её некогда тело иссохло, килограммы куда-то делись, и лицо поблекло, покрылось сеткой морщин. Жаловалась на плохую работу щитовидной железы, всё покашливала, держась за горло, постанывала, хватаясь за сердце. От былой красоты женщины мало что осталось. Ямпольский смотрел на жену и с сожалением, и часто с плохо скрытым раздражением: ну куда с такой покажешься? Кого позовёшь в гости? Да Регина и сама теперь никого не приглашала, стеснялась самой себя. Они жили замкнуто, в своём мирке.

— За Бандеру, — сухо сказал Ямпольский. — За Героя нашего.

Он в двух словах пересказал ей Указ Ющенко. Регина вздохнула, поставила свою рюмку с сухим вином на стол.

— Сеня, ну что ты? — проговорила с укором, ласково. — И в России уже сколько лет живём, и Бандера... Ты что — не знаешь, что он с людьми делал во время войны?

— Знаю, всё знаю. — Ямпольский выпил водки, зажевал солёным огурцом. — Но каждый из нас что-то делает с окружающими его людьми. Одних привечает, дружит с ними, а других... Если они не понимают, если не хотят смотреть с ним в одну сторону — их уничтожают.

Он сорвал с груди салфетку, швырнул её на стол. Ответ жены привёл его в нервное, возбуждённое состояние.

— Сеня, вспомни, сколько наших людей погибли в Киеве, в Бабьем Яру, в Освенциме, в Бухенвальде... Ты разве забыл, что у Бандеры руки по локоть в крови? А?

— Ничего я не забыл, — буркнул Ямпольский, наливая себе новую рюмку. — Просто...к случаю. Давай, поднимай!

— Нет, за него я не буду. — Регина рюмку отодвинула. — Пей один.

Ямпольский психанул, вышел из-за стола. Растянулся в своём кабинете на диване, рванул душивший его галстук. Пробормотал:

— Кляча!

Полежал, сбросил не вставая с ног туфли, те мягко, один за другим, упали на ковёр. Гнев мало-помалу стихал, мысли его снова вернулись во Львов, к тем местным боссам, которые не захотели отрезать ему кусок от национального пирога.

«Себя не обделили, конечно. Жулики, — думал он. — А я столько лет верой и правдой... Хорошо, хоть в России так получилось. Но двадцать... двадцать лет!.. пришлось потратить, чтобы по крупице, по кирпичику сложить то, что теперь называется издательско-полиграфическим холдингом «Независимый полёт». А это каждый день напряжения, экономия средств, подсчёты и перерасчёты, переговоры, риски, кредиты, подбор кадров, борьба за типографии, газеты, книги... Покрутись-ка! Одного желания иметь мало, надо это уметь! Башку надо на плечах иметь, ребята!»

Он малость успокоился, перевёл дух. Холдинг его трудится, типографии работают на полную мощность, дают хорошую прибыль, выходит дюжина газет, в том числе еженедельник «Качели», приложения для любителей спорта, самостоятельных кулинаров, молоденьких девиц, автолюбителей, подростков, пенсионеров... И книги, книги — на любой вкус, на любого читателя. Чего ещё нужно разбогатевшему в России украинскому западненцу?

Казалось, ничего. Но Ямпольский понимал, что издательская деятельность особого богатства не принесёт. Книги и газеты стали давать в последние годы гораздо меньшую прибыль. Надо, пожалуй, подумать о мощном торговом центре — продукты питания, одежда, обувь — вот что будет всегда пользоваться ежедневным, повышенным спросом. На него и надо равняться. То есть, собирать деньги на строительство или покупку уже готового супермаркета.

А мог бы он иметь такой бизнес и на Украине...

Обида на бывших земляков-олигархов не давала ему покоя. Люди купались в роскоши, а ему, Семёну Ямпольскому, на «ура» воспринявшему развал Союза и незалежность Украины, во всём поддерживающему новую власть, сказали лишь «спасибо» и поощрительно похлопали по плечу — мол, продолжай в том же духе: ходи на митинги, местные майданы, дери горло в честь победивших, будь просто «народной массой» которую использовали в своих целях более умные и хитрые. Кто-то этого не понимает, но он, творческий, думающий человек всякие эти политические ребусы

научился разгадывать, на мякине его, старого воробья, не проведёшь.

Здесь, в Придонске, Ямпольский много лет вёл себя тише воды ниже травы, следил за своей речью и высказываниями, не спорил ни с кем по поводу тех или иных политических событий, или мягко, в «жилу», поддакивал собеседникам, готовый в любой момент уползти в свою раковину. Прослыл он сдержанным и правильным хохлом, сотрудники холдинга и те бизнесмены, с кем он общался по работе, воспринимали его верным России человеком, раз он заботился о её благе и процветании. Со временем он стал в городе одним из богатейших людей, его имя в определённых кругах произносилось с придыханием: «О-о, Семён Михайлович! Здравствуйте, дорогой!» Он лично был знаком с губернатором, Макеевым, одно время заседал в областной Думе, принимал нужные региону законы и как мог влиял на них: лоббировал одни и голосовал против других, особенно если их выдвигали коммунисты. Особого рвения Ямпольский в этой работе не проявлял, вообще он привык уже держаться в тени, не общался с прессой, интервью телевидению не давал. В душе он чувствовал себя той самой «четвёртой властью», понимал, что в руках у него сильное оружие и когда надо, оно заговорит. Ямпольский мечтал о собственном телеканале, где он был бы полным хозяином. Местное же телевидение подчинялось Москве и несомненно губернатору; быть мальчиком на побегушках, каким был у него Вова Жерехов, Семён Михайлович не собирался.

Перепрыгнуть бы губернаторскую ступеньку..

Идеей этой Ямпольский ни с кем в своём офисе — трёхэтажном особняке, купленном у мэрии, — не делился, но она, идея, жила в его голове, зрела.

С Петром Веретенниковым их свёл в середине девяностых, когда Ямпольские только приехали в Придонск, случай.

И Ямпольский, и Веретенников оформляли в ГАИ документы на свои авто, в ожидании вызова к заветному окошку разговорились, быстро нашли общий язык. Они как-то сразу почувствовали друг друга, поняли, что нужны один другому и их знакомство принесёт обоюдную пользу. Контакт возник сразу, мгновенно.

Веретенников в совсем недалёком прошлом — партийный работник, трудился в Придонском обкоме партии в секторе печати. Знал местную прессу, телевидение и типографии, журналистов. Сейчас, после краха КПСС, был не у дел, где-то временно подрабатывал, не мог найти себе подходящую работу. На наводящие и заинтересованные вопросы Ямполь-

ского рассказывал о плачевном состоянии бывшей обкомовской типографии, что её вот-вот выставят на торги, аукцион состоится буквально через две-три недели, претендентов на старые линотипы и полуразрушенный печатный цех немного; заявила об участии в аукционе одна московская полиграфическая фирма, два местных предпринимателя, но шансы у них минимальные.

— Ну, а сам-то? — спросил Ямпольский. — Будешь участвовать?

— Семён Михайлович, знаешь пословицу: купил бы вола, да попа гола.

— Хорошо. Давай сложимся.

— Гм. Подумать надо.

Пока Веретенников что-то медленно ворочал в своей начавшей уже сесть крупной голове, Ямпольский порадовался в душе: само провидение послало ему этого человека с честным взглядом и мягким южным говором. Придонская область граничила на юге с Украиной, долгоязого этого Петра занесло служебным ветром сюда, в Придонск, тут он вырос на карьерной лестнице и пустил корни, но был сейчас, как и многие партийные работники, не у дел. Он спросил его:

— Петро... Ты мову знаешь? Хохол, а?

— Та ни-и... — с улыбкой, распевно отвечал Веретено. — Яки мы хохлы! Мы русские. А соседи наши — те хохлы, да. В соседней деревне, через границу. Деда наши балакать у них научились, ну и мы тоже малость. Мову я понимаю. Моя бабка на ней калякала.

— А я чистокровный хохол. — Ямпольский внимательно проследил за реакцией собеседника.

— Ну так что ж, — тот спокойно пожал плечами. — У нас тут много ваших. Даже диаспора украинская есть.

Дальше у них разговор покатился как по маслу.

Решили, что будут совместно участвовать в аукционе, Веретенников выдвинет минимальную цену за типографию, Ямпольский будет всё время повышать ставки, а потом, если они выиграют, создадут закрытое акционерное общество, став его учредителями.

Типографию они купили по бросовой цене, сейчас, много лет спустя, даже говорить о ней смешно, но тогда, в девяносто пятом, это были приличные деньги.

Львиную долю выложил за покупку Ямпольский. Он и стал главным акционером их ЗАО. Оставался таким и в будущих приобретениях, когда уже модернизированная, со временем перешедшая на печатание красочной продукции типография стала приносить им прибыль.

Потом появилась другая типография.

Выходили газеты, журналы, книги...Заказы на печатную продукцию сыпались со всех сторон, даже из Москвы. Доходы прибывали.

Талант Ямпольского — организатора и хозяйственника, умеющего считать каждую копейку, чувствующего конъюнктуру рынка, его ход и потребности, умеющего говорить с ним на «ты», Пётр Веретенников признал безоговорочно. Признавали это и сотрудники холдинга: печатники, компьютерщики, рабочие цехов, продавцы книжных магазинов и газетных киосков. Все получали приличные зарплаты, и все хвалили «нашего Семёна Михайловича».

Веретенников же был ему прочной опорой и надёжным компаньоном.

— Что хотел предложить? — спросил Ямпольский, едва Веретенников появился на пороге его просторного, отделанного дубовыми панелями кабинета.

— Дай хоть приземлиться. — Пётр шумно сел на мягкий стул, распахнул пиджак (кажется, тесноват...). Знал, что шеф не любил вводных слов и предложений, потому сразу приступил к делу.

— Семён, я вот о чём подумал: давай диски с лучшими советскими фильмами выпускать. Как приложение к «Качелям». Раз в неделю — кино. «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Летят журавли», «Семнадцать мгновений весны», «Щит и меч», «Табор уходит в небо», «Приключения Шурика...».

— Какого Шурика?

— Ну, этого, из «Кавказской пленницы».

— А... Ну, а почему не детективы? Американских фильмов полно: «Тарзан», «Спартак», «Клеопатра» с красавицей Элизабет Тейлор, «Троя»... У меня дома все эти и другие фильмы на кассетах и дисках есть.

— Я говорю в принципе, Семён. Идею предлагаю.

— Идея хорошая, Петро. Только «Тихий Дон» и «Поднятая целина»... Кому это сейчас нужно? Молодёжи неинтересно, мы с тобой всё это видели не раз. Время другое. Другие запросы у зрителей. Загляни в кинотеатр, что там показывают?

— Секс да мордобой, — вяло отозвался Веретенников. — Я в кино не хожу.

— Потому и не знаешь запросы. А наш главный покупатель — молодёжь. Для них мы будем эти диски заказывать и продавать. Пиши... Пиши-пиши, бери ручку!.. «Лолита» по Набокову; «Одержимые сексом»... режиссёра не помню, итальянец какой-то; «Сволочи», «Груз 200» — это наши россий-

ские; «Яма» по Куприну, в Киеве делался фильм, найди; «Шалунья» — тоже итальянский режиссёр... Забавная вещь, я тебе скажу. Сколько раз смотрел!.. В общем, так: я тебе завтра принесу список. Простудируй. И на толкучку сходи, где крамолу продают, посоветуйся там, поспрашивай: что берут, что спрашивают.

— Семён! Но это же...

Ямпольский щитом поднял руку:

— Петро, я понимаю, что ты хочешь сказать. Моральное разложение и всё такое прочее. Правильно. Но я бизнесмен, мне нужно делать деньги, а не заниматься сюсюканьем и вытирать сопли подросткам. Он хочет видеть, читать — пусть смотрит, читает. Я это и Жерехову Вове внушаю. Печатай, повышай тираж газеты. Пацан подрастёт, девица забеременеет — покусает локти, мать ей задницу надерёт — тоже помнеет. Жизненный опыт, куда от него деться?!

— Плохой имидж у нас будет, Семён.

— Ну, в общем объёме продукции диски не будут занимать много места, не думай, — хмыкнул Ямпольский. — Что я, дурак, что ли? Тысячи три-четыре на миллионный город... Так, для скандала и привлечения новых покупателей. И «Тихий Дон», может, выпустим, и «Журавлей», которые летят. Гибким надо быть, Петро. Приноравливаться — ко времени, к самой жизни, к спросу. А человек пусть сам выбирает, к какому берегу ему прибиваться, к высоким идеям или к низменным страстям.

— Ладно, понял. — Веретенников достал из папки какую-то рукопись. — Вот начинающая поэтесса принесла. Просит напечатать.

— Что это?

— Стихи для детей.

— Ты читал?

— Читал.

— Ну и...

— Я эту папку почти всю внучке перед сном озвучил...

— Значит, можно печатать?

— Можно.

— Хорошо. Оформляй заказ. Возьми с неё тысяч пятьдесят, пусть радуется. И мы с нею вместе будем радоваться. Понял мысль?

— Как не понять?! Качели!

— Вот именно. Охватываем все стороны жизни. Давай и «Павку Корчагина» на диск закажем, и «Молодую гвардию» и... Ну, подумай сам. Чтобы нас и хвалили, и ругали, всего понемногу. Усёк?

— И даже подсёк.

— За что тебя и люблю. Иди, Петро.

Несколько дней после того памятного разговора с женой о Степане Бандере Ямпольский пребывал в беспокойных раздумьях. Обострять отношения с Региной по этому поводу, конечно, не стоило. Регина, в прошлом преподаватель математики в одной из львовских школ, была, как многие женщины, далека от политики, круг её интересов ограничивался классом, учениками, своим предметом, который она знала в совершенстве, мелкими учительскими интригами и, разумеется, собственным здоровьем. Болезни отчего-то липли к ней со всех сторон. Какая-то усталость преследовала её с молодых лет. Про таких говорят — астеничка. Помнится, она и на курорты в тот же Крым ездила (на грязи, в Мацесту), и дома, во Львове старательно лечилась, в том числе и от чисто женских заболеваний, но всё как-то не шло ей впрок. Трижды Регина беременела, но беременность кончалась выкидышем, потом она вовсе махнула на себя рукой и разговоры о детях они с Семёном прекратили. Он по этому поводу переживал меньше, чем она, всегда, до ноздрей, был занят на работе, которую любил и мечтал о кинофильме по своему сценарию. Потом взялся за повесть о своём детстве. Вроде получилось, но он никому её не показывал, стеснялся. Или понимал, что таких послевоенных историй про украинских пацанов пятидесятых, послевоенных годов, пруд пруди, вокруг были дети погибших воинов, матерей-одиночек, калеки и уличные хулиганы. Кому это интересно?!

Он задумал и роман, большую книгу-фантазию о какой-то нереальной богатой жизни, где были только хорошие, счастливые люди, где не было войн и страданий, где все любили друг друга и желали один другому добра и счастья.

Книга эта жила в его голове, он мало что записал из мыслей о её содержании и героях, смутно представлял сюжет и поведение героев. Хотелось вот написать что-то не похожее на обычный, классический роман, рассказать о своей мечте — побывать вместе со своими читателями в иной, придуманной им жизни.

Мучился и перечитывал «Мастера и Маргариту» Булгакова, не мог понять, за что именно хвалили этот роман, что в этой книге привлекало, завораживало?! Может быть, критики, какие о нём писали, просто водили его, Сеньку Ямпольского, за нос, внушая ему заумные выводы о параллелях с потусторонним миром, о Воланде, коте, римском прокураторе и другой чертовщине. Сенька с малых лет любил и понимал простую литературу, где герои назывались своими име-

нами: предатель, девица лёгкого поведения, борец за справедливость и так далее. Всё тут было ясно и понятно. А у Булгакова голову сломаешь...

Но в истории с «Мастером и Маргаритой» Ямпольскому нравилось другое — то, как много лет его вдова хранила рукопись, ожидая разрешения на публикацию.

Вот женщина! Вот верная жена и единомышленница! С такой память в народе о тебе долго, очень долго не остынет.

Регина же... Она читала детскую повесть Семёна, да. Потом предложила показать её своему коллеге, учителю русского языка и литературы Захарчуку. Ямпольский знал этого насмешника, которому не нравилось практически всё, что он читал и что преподавал в школе, ругал и классиков русской и украинской литературы, любил, кажется, только Тараса Шевченко да повесть «Вий» Гоголя. И отдавать заветные страницы в руки такого человека, на заведомо безжалостное растерзание... Да ну, пусть рукопись лежит.

Ямпольский сказал об этом Регине, спросил её мнение о прочитанном, и она ответила уклончиво:

— Я математик, Сеня, в филологических тонкостях не разбираюсь.

— Да ты просто скажи — понравилось тебе или нет?

— Ну... Герои у тебя какие-то злые все. Где ты таких людей видел? Отчего они все ненавидят друг друга, делают один другому пакости?

— Оттого, что ты наивная дура, — грубо сказал он ей. — Не понимаешь, не видишь жизни вокруг. А вокруг живые люди со своими амбициями и устремлениями. И направлены они на достижение поставленных целей. Неважно каких. А окружающие этому мешают. Мешают подло и мерзко. Вот я их и вывел на чистую воду. Чтобы все увидели, кто есть кто.

— Знаешь, Сеня, я потом, когда прочитала, пошла в душ. Ты меня словно в грязи извозил. Не надо такие книги писать. И читать. Неужели в жизни всё так плохо, Сеня? Есть же хорошие люди.

— Они, эти хорошие люди, просто притворяются. В душе у него до поры до времени всё равно сидит негодяй, подлец и предатель.

— Ты о себе говоришь?

Ямпольский невольно вскочил. Зло, почти с ненавистью смотрел на жену.

— Ты в своём уме, Регина Иосифовна?! Как можешь проносить такое? О собственном муже!

— Что-то пишущие и из своей души берут. Из мыслей.

— Да, мысли!.. Ветер! Принесло откуда-то, унесло... Мало ли о чём человек подумать может. Дела! По делам мы можем об этом человеке судить. Я разве плохой человек? А?

— Ты сложный. Я тебя не всегда понимаю. И иногда боюсь. Как глянешь иной раз... А читать я люблю о хороших, благородных поступках людей. Такие книги помогают жить, а моих деток учат, как правильно поступать.

— «Моих деток», — машинально, но невольно язвительно повторил Ямпольский. — Если бы они у нас были.

Красивые, искусно вырезанные природой губы Регины дрогнули, в голосе её звучали слёзы:

— Зачем ты так, Сеня? Разве я виновата? Не все женщины могут родить... А я так хотела и хочу ребёнка!

Он понял, что сказал лишнее, обидел Регину. Привлёк её к себе, сказал сурово:

— Прости. Я не хотел.

Особой лаской и нежными словами он её никогда не одаривал. Может быть потому, что в детстве сам мало слышал от матери этих слов, возможно и от того, что в душе его никогда не рождалось глубокое чувство любви к женщине. Жили они и жили. Может быть, как многие. Если не все. Молодых тянет друг к другу зов плоти, семью держат дети, а стариков — привычка. Поздно уже начинать всё сызнова, жизнь по второму кругу не проживёшь.

Сейчас, уютно положив голову на колени мужа, невольно всхлипывая, Регина продолжала:

— Я, правда, тебя иногда боюсь. Ты такое скажешь, так посмотришь... жестоко. Откуда в тебе всё это?

— От предка нашего, от неандертальца, — усмехнулся Ямпольский. — Иногда попадётся на глаза картинка из газеты или из книжки музейной; гляну — ну точно я. Недалеко мы, современные люди, ушли от них, предков. Хоть и галстуки носим, и телевизор смотрим, а внутри — зверь. И соплеменников своих априори ненавидим. Рука так и тянется к камню или дубине.

Регина поёжилась.

— Такие нехорошие вещи говоришь, Сеня. Специально, да? Чтобы у меня мурашки по телу бегали?

— Нет, не специально. Я так думаю.

— Но почему? Почему камень, дубина? Зачем они современному человеку?

— А затем, зачем они были нужны и неандертальцу — отбиваться от себе подобных, пищу, пропитание добывать.

Регина поднялась, пересела в кресло, думала вслух:

— Сколько с тобой живу, и всё время убеждаюсь: не знаю я тебя. Ты такие вещи иногда в себе открываешь.

— Сам удивляюсь. — Ямпольский говорил ровно, бесстрастно. — Думаю вот: человек человеку товарищ и брат, волк и агрессор. Люди всегда воевали, стремились завладеть тем, что создано, построено, придумано другими. А почему? Потому, что самому хочется купаться в роскоши, повелевать другими — униженными и бесправными. Всё очень просто.

Регина вздохнула.

— Так говорит обиженный человек. Понимаю: тебе хотелось большего.

— Да, хотелось. Я способен на большее. Но удача прошла мимо.

— Неужели тебе мало того, что ты имеешь, Семён? — Регина напряглась в ожидании ответа. — Ты же обеспеченный человек, у нас всё есть!

Он повёл рукой.

— Вот это ты называешь «всё есть»? Квартира, диван, телевизор...

— Издательский холдинг, типографии, газеты, книги, магазины... Деньги, наконец! — Регина, казалось, задохнулась от гнева. — Зачем больше, Семён? Мы уже немолодые люди, нам пора думать о вечном. Чего ты хочешь, объясни!

Он помедлил с ответом.

— Знаешь, Регина, самое большое удовольствие от жизни — это власть над другими людьми. Она может быть разной — политическая, экономическая, моральная, физическая... Деньги может заработать любой упорный в своём стремлении человек, а власть — большую, крепкую, могучую... О-о, это дано не каждому. Но это я так, к слову. Ты спросила, я ответил. Меня это не касается. Я доволен жизнью, ты зря о чём-то таком постороннем думаешь. Отдыхай.

— Да я... просто хочу понять...

— Отдыхай, — сухо сказал Ямпольский, вставая. — Я поработаю у себя в кабинете.

«Генерал! — думала, глядя в мужнину спину, Регина. — Всю страну ему в подчинение подавай. Чего мужики так власть любят?»

...Сейчас, оставшись один после ухода Петра Веретенникова, Ямпольский в подробностях вспоминал разговор с Региной. Вспомнил и то, что ему приходила уже мысль о разводе ещё там, во Львове, когда стало ясно, что она не сможет стать матерью, но то решение он так и не принял — не до того было. На их телестудии начиналась пресловутая очередная перестройка (каждый новый президент Украины ломал печатную и электронную прессу под себя), надо было побороть-

ся за место, попытаться утвердиться при новой власти, но это с каждым годом становилось всё труднее, потому что в руководстве студии появлялись неизвестные, невесть откуда проходящие люди со своим политическими взглядами и кадровой политикой. Борьба с ними было всё труднее, проблематичнее, а тут появился некто Яков Брыль, авантюрный, но успешный человек, Ямпольский его немного знал, поверил ему, кинулся в омут головой...

Регина действительно ничего не ведала об их с Брылем делах, она была из тех скромных и верных жён, которые не лезут в чужие дела, которые до конца своих дней преданно служат мужьям, семье, детям...И практически ничего не спрашивала у Ямпольского, когда он однажды угрюмо сказал ей:

— Надо уезжать, Регина. Больше нам на Украине делать нечего.

Она лишь горестно покивала головой:

— Я чувствовала это... Надо, так надо, Сеня. Тебе виднее. И стала собираться.

Потом были нервные, напряжённые годы устройства в России, в Придонске, освоение издательского бизнеса, покупка квартиры, типографии, магазинов, знакомство с будущей клиентурой... словом, не до посторонних мыслей. Регина в те, первые, годы и не болела так сильно, как сейчас, выглядела вполне здоровой и лет десять ещё работала, также в школе, учителем. Это позже Ямпольский решительно сказал ей:

— Так, Регина. Со школой завязывай. Сиди дома. Пенсию заработала, хватит.

Она пыталась было возражать, мол, чего я буду делать дома, скучно и одиноко, но Семён был непреклонен и возражений слушать не стал. Сказал — как отрезал.

Да и она понимала: хватит. И возраст подошёл, и здоровье, конечно, не то, да и мужа надо слушаться. И по-прежнему любить. Она, разумеется, не могла теперь отвечать ему с прежней молодой пылкостью на его ещё не угасшие ласки, в нём пока жила бурная мужская фантазия, и, может быть, в этих его фантазиях она всё ещё была молодой пышнотелой красавицей, ненасытной в плотских утехах.

Увы. Время из любых красавиц делает морщинистых, потерявших привлекательность старух.

А перед глазами Ямпольского отчего-то то и дело появлялись теперь другие женщины того прекрасного тридцатилетнего возраста, расцвета их природной красоты, земных желаний и естественного обольщения, когда невольно глаза

мужчин обволакивают их стройные фигуры ласкающими взглядами и ловят в ответ взгляды понимающие, обещающие и тоже тоскующие.

Ямпольский, не старый ещё, импозантный мужчина, хмыкал, когда ловил такие взгляды, понимал этих женщин и внутренне сочувствовал — себе и им. Какое-то время он оставался верен своей Регине, гнал от себя фривольные мысли, но...

Что-то точило его изнутри — медленно, осторожно, упорно. Вечерами, в хорошую погоду он стал отпускать шофёра, часть пути по центральным улицам шёл домой пешком, наслаждаясь видом вечернего города, лицами встречных. И глаза его теперь сами собой ловили молодок — их было много, с каждым днём всё больше, и одна другой краше.

«А ведь ты, дед, раньше их как бы и не замечал, — сказал себе Ямпольский. — Правду говорят: седина в бороду, бес в ребро».

«Бес» оказался сдержанным, осторожным. Поначалу. История с Яковом Брылем удерживала Ямпольского много лет от безрассудных поступков. Жить с оглядкой, с нервным напряжением, с нервной же реакцией на телефонные звонки сидела у него в печёнках, раздражала, порой бесила. Гадкое это ощущение, да.

...Вошла Виктория.

Пока она шла по длинному его кабинету, мягко ступая по ковровой дорожке, волнуяще качая бёдрами колокол шерстяной красной юбки, Ямпольский, сняв очки, смотрел на свою ладно скроенную и красиво шагающую секретаршу, на её точёную фигуру, подчёркнутую в талии широким кожаным поясом, на длинные ноги и высокую грудь, на руки, держащие какую-то папку. Виктория выглядела в этот момент очень привлекательно в своём естестве и служебной простоте, ей сейчас ничего нельзя было прибавить, чтобы дополнить сложившийся образ, шла по кабинету истинная русская красавица, и от неё нельзя было отвести взгляда.

«Вот оно, чьё-то счастье!» — размышлял в волнении Ямпольский и какое-то мгновение не мог справиться с собой: стал зачем-то перекладывать бумаги на столе.

Вика подошла, тонкий аромат духов окутал Ямпольского; она, наверное, почувствовала его состояние, молча стояла у стола, ждала. Потом сказала:

— Вот, Лариса Ивановна попросила вас подписать. Она в командировку сегодня уехала.

Лариса Ивановна была в их холдинге главным бухгалтером, обычно сама приходила по таким делам, потому что Ямпольский всегда требовал пояснить документы.

Впрочем, сейчас не до этой папки с бумагами.

Ямпольский спросил, с улыбкой глядя на принаряженную секретаршу:

— А как же майдан? Да ты садись, Вика, садись. Какая ты сегодня нарядная.

— Ой, надоели эти пятнистые штаны, Семён Михайлович! В юбке я себя женщиной чувствую.

— Правильно. Брюки — мужская одежда. Знаешь, я женщин в брюках как-то недолюбиваю, что ли. Женщина в юбке — это какая-то небольшая тайна, хочется её понять, раскрыть. А брюки... всё на виду.

Вика кокетливо засмеялась.

— Разве это плохо?

— Ну...не знаю. Это моё личное мнение. А вам, женщинам, самим решать. Ладно, баррикаду мы разберём, ходи в юбке. А то мне замы намекают, мол, что — Киев поддерживаем?

— Майдан там не скоро кончится.

— Почему так думаешь?

— Хохлы упёртые, Семён Михайлович. Пока президента Януковича не скинут, не успокоятся.

Спихватилась со смущением в лице.

— Простите... насчёт хохлов. Я забыла.

— Да и я уже почти забыл, что из хохлов. — Он улыбнулся. — Русский теперь. Двадцать лет уже... Послушай, Вика, спросить хочу.

— Спрашивайте. — Она уселась посвободнее, закинула ногу на ногу. Круглые её колени, обтянутые блескучими колготками, торчали из-под юбки, Ямпольский время от времени взглядывал на них. Спросил:

— Скажи, богатым завидуешь?

— Богатым? А кому? Их теперь много.

— Мне, например.

— Нет, не завидую. А зачем?

— Да так просто. У меня денег много, говорят, что я — миллионер.

— Да?! А я и не знала.

— Ну, теперь знаешь.

— Гм... Это хорошо, наверное.

— Что хорошо?

— Что денег много.

— С одной стороны, хорошо. А с другой, плохо.

— Почему?

— Люди завидуют. И ты тоже завидуешь. Только сказать боишься.

— Ничего я не боюсь. И не завидую. Ваша голова, Семён Михайлович, и не таких денег стоит.

— Интересно! — Ямпольский засмеялся, упитанное его лицо помолодело, во рту блеснула белая полоска ухоженных ровных зубов.

Сменил тему:

— Хорошеешь с каждым днём, Вика. Помню, когда мы встретились здесь четыре года назад, ты на работу пришла наниматься... Испуганная какая-то, робкая... А теперь — любо-дорого посмотреть. Не идёшь — лебёдушкой паришь, слово скажешь, засмеёшься — колокольчики звенят, рукой поведёшь — сердце останавливается...

— Вам бы романы про любовь писать, Семён Михайлович. Или сказки для детей.

— Да какие сказки, Вика! Я правду тебе говорю.

— Мне скоро тридцать пять, женский век кончается, товарищ генеральный директор. Имейте это в виду.

— Ты девчонкой выглядишь, поверь! Двадцать два, двадцать три, не больше. Не иначе, после шести не ешь, по два часа в день гуляешь, на фитнес ходишь, спишь хорошо.

— Сплю хорошо, на фитнес не хожу, гулять... да, иногда получается.

— Вика, замуж за меня пойдёшь? — рубанул он вдруг.

— Нет. Я замужем.

— Я знаю. Это дело поправимое.

— Для вас нет.

— Почему?

— Вы свою Регину Иосифовну никогда не бросите.

— Почему так думаешь?

— Знаю. Видела вас вместе.

— А если мы будем встречаться?

— Тоже нет. Не шутите так, Семён Михайлович. Я вам вода для таких шуток не давала.

— Да я не шучу, о чём ты?!

Ямпольский говорил теперь весело, напряжение на его лице спало, он то сводил, то разводил на груди руки, показывая на сердце, интонации его были трудно уловимы, их можно было истолковать по-разному, Вика поначалу растерялась от прямых вопросов шефа и от своих прямых и, надо думать, нелцеприятных для него ответов. Но стояла на своём — пошутит и будет.

— Ну ладно, — хохотнул Ямпольский. — Закроем тему. Не хочешь, значит, не любишь своего патрона.

— Я вас люблю. Как дочка, — сказала Вика.

— Намекаешь на возраст, — мотнул он головой. — Понятно.

Он похлопал себя по круглому животику, торчащему из-под расстёгнутого пиджака.

— Это аргумент, верно. И хороший аргумент. Тебе тридцать пять скоро, а мне — пятьдесят восемь. Скоро. Ладно, разобрались. Но ты всё же подумай над тем, что я сказал.

— Подумаю, — ровно сказала Вика и поднялась. Во взгляде этой молодой красивой женщины жило и понимание, и сочувствие, и некая растерянность. Всё было так неожиданно, нелепо, тревожно. Отказала же шефу!

Распалённый разговором с Викторией, видом её манящих округлых колен («Вот они мы, возьми, потрогай, погладь!»), Ямпольский накупил перед поездкой домой коньяка, шампанского, конфет и фруктов и с тремя пакетами явился к жене, Регине. Заявил с порога — энергично, бодро:

— Гульнём давай, половинка!

— Чего это ты? — Половинка, запахивая длинный, до пола, халат, встретила его у порога, приняла из рук пакеты, заглянула в них. — Наградили, что ли, чем местные власти? Или губернатор в гости заезжал?

— Жди, как же! — махнул он рукой. — Жлобы эти. Сколько я им налогов за эти двадцать лет перечислил, детский сад построил, на ремонт дорог то и дело отстёгивал...

Говорил всё это Ямпольский беззлобно, скорее по привычке. Областное начальство он открыто не ругал, к губернатору относился сдержанно-уважительно, тот приехал по назначению Москвы сюда, в Придонск, пять лет назад и хорошо себя показал как хозяйственник и принципиальный руководитель, заработал авторитет в глазах местного народа. Теперь губернаторов снова будут выбирать, Макеев работал с приставкой и.о., исполняющий обязанности, в сентябре четырнадцатого года снова пойдёт на выборы в числе других. Ямпольский, разумеется, бывал на совещаниях у Макеева, иногда выступал, если ему предлагалось что-либо осветить в издательском деле; но это было редко, потому что претензий к его газетам почти не было, публикации «Независимого полёта» шли в общем разгульном русле российской прессы, разве только иногда раздражали читателей каким-нибудь совсем уж пошлым откровением зарвавшегося политика или артиста.

Но всё же начальники из местного «белого дома» иногда за критику нападали на Ямпольского, оберегая авторитет как губернатора, так и себя, депутатов. Он публично, на этих вот совещаниях, отбивался от критикующих вежливыми словами и убедительными аргументами, а дома, при одной только Регине, давал волю словам:

— Ну, москали! Ну, тупые! Чего берёшься хаять, если в журналистике ничего не понимаешь? Если сам двух слов на бумаге сложить не можешь. Сколько раз и сам я просил того или иного начальника, и Вовку Жерехова напускал на них: напишите о своей работе, дайте материал — о проблемах, о перспективах вашего департамента, объединения. Хрен с маслом. Все обзавелись пресс-службами — водоканалы, электросбыт, троллейбусное депо, пожарники, рестораны, управляющие компании... Пишут и отвечают доморощенные журналисты, кость им в печёнку!..

— Сеня, ну что ты в самом деле: жлобы, москали... Двадцать лет в России живёшь! Тебя приютили в своё время, устроили, человеком каким видным стал. Полегче бы.

— Да как полегче, мать, как?! Ведь донесли чуть ли не на самый верх, губернатору: мол, Ямпольский, выходец из Львовской области, устроил у себя на службе майдан — мешки с песком, покрышки... Это что — и у нас уже революция началась? Я говорю: да шутка это, ребятам мои молодые устроили, а майдан — он и у вас тут, на губернаторском совещании, майдан. Люди собираются, обсуждают проблемы, советуются. Вы загляните в словарь, что это слово обозначает...

— Ну и что? Разобрали свою баррикаду?

— Пока нет, скажу, разберут, — махнул рукой Ямпольский. — Не понимают люди юмора, хоть кол им на голове теши. «Ещё у нас тут вашей хохлацкой революции не хватало», — передразнил он кого-то из своих оппонентов-начальников. — А вы ушами не хлопайте, держите ушки на макушке. Майдан, конечно, может перекинуться и на Россию. Чем чёрт не шутит. Были же волнения в Москве, на Болотной площади!

Раздевался в прихожей, продолжал:

— А насчёт того, Регинка, что приютили-обогрели, я тебе так скажу: я бы и в Польше, и в Германии, да и в самой Америке, если бы мы отправились туда, не потерялся бы, поверь. Голова и деньги человека везде поднимут на нужную высоту... Давай, давай, варгань ужин. Что-то ты еле ползаешь. А мне гульнуть захотелось, накупил вот... Молодость вспомним, а?

Он прижал Регину к себе, рука его скользнула под халат, но Регина дёрнулась, увернулась.

Настроение его вмиг переменилось, он видел сейчас перед собой пожилую больную женщину, которой было ни до чего, и она этого не скрывала.

Уже за столом Регина вспомнила вдруг «Заповит» Тараса Шевченко: «Як умру, то поховайтэ мэнэ на могили, Сэрэд стэпу широкою, на Україні милой...»

— Ты что это, мать? — Ямпольский с удивлением смотрел на жену.

— Так что-то, вспомнилось. — Она смахнула ладонью набежавшую слезу. — Львов сегодня снился, мама, соседи... Давай съездим, Сеня, а? На могилки тянет.

Он отвернул лицо, бросил в стол:

— Нельзя. Не могу. Виноват я перед Львовом.

— Я догадывалась. — Регина вздохнула. — Хотя ты и не говорил ничего, а я...

— Не могу, — повторил он. — Не пытай больше. Что мог — сказал. Давай лучше споем.

— Давай.

Он помнил прекрасный её голос, подождал, пока Регина начнёт, потом и сам включился — не заглушая, бережно поддерживая: «Дывлюсь я на нэбо та й думку гадаю: чому я нэ сокил, чому нэ летаю...»

Ах, эти украинские, замечательные песни! Сколько в них душевной теплоты, простой и памятной мелодии, человеческой красоты! Как бережно и чутко воспеваются в них отношения людей, сколько озорства и юмора в сатирических частушках, широты и глубины в отношениях мужчины и женщины. И как точно, цветисто воспевается природа родного края, тот же Днепр, луга и степи, яблоневого или вишнёвого деревенские сады, тихие украинские ночи, месяц на небесах... И вот, уже развеселившись, зарядившись родным, забытым, супруги, весело поглядывая друг на друга, озорно пели: «Ты ж мэнэ пидманула, Ты ж мэнэ пидвела...»

— Знаешь, сегодня, где-то в полдень, по каналу «Культура» выступал наш украинский хор имени Григория Верёвки, — сказала Регина. — Около часу пели, а то и больше. Я слушала и плакала.

— Почему плакала-то?

— Да так, накатило. Родина же, Сеня. Полжизни там прошло, папа с мамой там...

Ямпольский молчал. Он уже почти всё объяснил жене. Больше говорить нельзя.

— Я слушала хор и думала, — продолжала Регина. — Какие всё-таки русские терпеливые, благородные люди. Столько наши хохлы грязи на них вылили, те же львовские, киевские деятели, с ума можно сойти!.. А Москва, вот, хор Верёвки показывает, пусть и в давней записи, песни наши поют. И вообще. Ты же видишь, Сеня, что на Украине делается, камня на камне не оставляют от нашей дружбы, братства...

Ямпольский ел молча, выпил много, хотя и закусывал хорошо. Но продолжать игривый разговор с женой ему уже не хотелось.

Сказал:

— Ну что, пойдём? Побалуемся?

Регина положила вилку, вздохнула:

— Сеня, я неважно себя чувствую, прости. И вообще... Я вижу твои старания... Не надо. Двадцатилетнюю из меня уже не сделаешь. Да и тебе, думаю, пора успокоиться. А не хочешь — найди кого-нибудь. Но так, чтобы я не знала. Это единственное моё условие.

— Опять ты, Регинка, за старое. Сколько можно?!

— Единственное, о чём жалею, что у нас... у меня нет детей. Просто физически страдаю от этого. Может, это... возьмём из детского дома, а, Сеня? Я детей во сне вижу. Держу какого-нибудь кудрявого малыша на руках, песенки ему пою... А он тянет ручонки, зовёт: «Мама, мама...»

Ямпольский решительно мотнул головой.

— Нет, не привыкну я к чужому. Да, думаю, нам и не дадут. Старые мы уже, Регинка... Давай выпьем по этому поводу, попросаемся с молодостью.

— Налей, — тихо, обречённо проговорила Регина.

Каблучки высоких лакированных туфель Виктории звонко цокали по коридорам «Независимого полёта».

— На майдан, мальчики! И девочки тоже!.. К Семёну Михайловичу-у... На майда-ан...

Сегодня Вика снова в камуфляжных штанах и блузе с красным бантом, а туфли вот менять не захотела, находила в этом шик своего костюма. Энергично передвигаясь по этажам офиса, она либо открывала чью-нибудь дверь и повторяла зов, либо, если видела хозяина кабинета в коридоре, повторяла «На майдан!» и бежала дальше. Так вот, собрать людей можно было бы и по внутренней связи, но её беготня по этажам и громкая команда привносили в офис некий шарм, необычность, и всем это нравилось. А Ямпольский — поощрял.

У кабинета главбуха, Ларисы Ивановны, она затормозила, хотела войти в белую нарядную дверь, но Лариса Ивановна — пышнотелая от малоподвижной и сытной жизни, как всегда празднично одетая женщина средних лет — уже открывала её, стала у порога, возясь с ключом.

— Слышу, слышу, — сказала она грудным мелодичным голосом. — Шеф один сейчас? Мне бы на секунду к нему...

— Да, один, — кивнула Вика и умчалась в глубь коридора, к кабинету начальника службы безопасности холдинга Звереву. Георгий Вахтангович, которого она побаивалась, сидел в клубах сигаретного дыма, листал глянцевого, с крупными цветными фотографиями журнал. Поднял на секретаршу хмурые, занятые какими-то мыслями глаза.

— К Семёну Михайловичу... майдан, — уронила Вика.

— Всегда с радостью, — отвечал начальник безопасности и тут же дисциплинированно поднялся, завис над столом — крупный, коротко стриженный брюнет явно кавказского происхождения, в куртке спортивного покроя с полурасстёгнутой «молнией» и белой рубашке с галстуком. Как всегда, Зверев отлично выглядел в свои сорок семь — загорелый (и где это ему удаётся загорать в ноябре?!), подтянутый, широкоплечий. Можно было бы сказать, что Георгий Вахтангович был и привлекательным, симпатичным мужчиной в расцвете лет, но от него (Вика это невольно чувствовала) исходила какая-то настораживающая, опасная даже энергия, и она старалась избегать со Зверевым каких-либо откровенных контактов. Только по делу, только служебные разговоры.

Вова Жерехов вёл в своём кабинете совещание, человек семь-восемь молодых журналистов сидели с двух сторон узкого стола, внимательно слушали, что говорил им редактор «Качелей». Увидев секретаршу шефа, все торопливо поднялись, хотя в кабинет к Ямпольскому идти должен был только Жерехов.

Вызванные по телефону, явились начальники обеих типографий, директора книжных магазинов, зам Ямпольского по сбыту продукции и главный инженер из транспортного цеха. Последним явился Веретенников, торопливо проследовал на своё место, и майдан начался.

— Друзья, — довольно сухо начал Ямпольский. — Я в коммунистическом этом листке, — он приподнял над столом «Вестник Придонья», — прочитал о нашем майдане. Мол, Ямпольский, выходец с Украины, насаждает в нашем регионе националистический, бандеровский дух. Я дважды прочитал вот этот опус, — он обвёл пальцем статью на газетной странице, — но ничего доказательного в ней не нашёл. Кроме того, что мы действительно ввели шутовское название наших производственных совещаний — майдан. Кому-то это не нравится, кто-то увидел некую угрозу... Не понимаю, какую. Человеку, это написавшему, надо было заглянуть сначала в словарь русского языка... А то, что мы в «Качелях» и других наших газетах даём репортажи из Киева, с настоящего майдана, так что в этом плохого, незаконного? Пишут об этом и другие издания, в основном, конечно, центральные, но и наши читатели имеют право знать о том, что происходит на Украине.

Ямпольский помолчал.

— Мне непонятно, и я скажу более определённо — даже обидно, что наше внутреннее маленькое дело, шутка, стала

предметом разговора в другом издании. Информация вышла из нашего коллектива, это однозначно. Зачем? Да, я выходец с Украины, но двадцать лет уже живу и работаю в России, она стала для меня второй Родиной, я это ценю и... — Он умолк. — То, что происходит сейчас в Киеве, тревожно, моё отношение к этому такое же, как и у вас. Майдан в приёмной предложил Владимир Жерехов, я поддержал, шутка мне понравилась... Скажете — убрать покрывающие, уберём сейчас же, будем дальше жить скучно и уныло. Но творческим людям свойственно и поразвлечься, я это понимаю. У меня всё. Прошу высказаться.

Начальники подразделений холдинга стали говорить — и возмущаться по поводу публикаций в «Вестнике Придонья», и заверять шефа, что разделяют его точку зрения: шутка эта с внутренним их майданом вреда никому не приносит, пусть колёса и мешки с песком пока побудут в приёмной, а Виктория пощеголяет ещё в камуфляжных штанах и блузе с красным бантом.

Особенно горячо высказался Пётр Веретенников, заклеил «предателя, вынесшего сор из избы, который дал информацию конкуренту из вражеского лагеря».

Ямпольский внутренне усмехнулся — Петро, конечно, перегибал палку, «Вестник Придонья» вряд ли можно было называть «вражеским лагерем», он мало чем отличался теперь от других местных газет, пропагандирующих рынок, капиталистические отношения и «человек—человеку» соперник. Тем более, звучало это обвинение в устах бывшего обкомовского работника, мог бы и помягче сказать, похитрее, что ли, но вот насчёт информатора...да, этот человек заслуживал кары.

— Ладно, давайте о делах, — сказал Ямпольский. — Лариса Ивановна, расскажите, как съездили в Раменск?

Главбух была в одном из райцентров области, вела переговоры с директором местной типографии о возможности присоединения её к холдингу. Дела этой типографии шли с каждым днём всё хуже, она была на грани банкротства, но всё ещё барахталась.

— Подождём, — спокойно резюмировал Ямпольский. — Пусть созреют до нужного решения. Петро, у тебя какие новости?

Веретенников доложил, что заказал в Москве новое оборудование для цветной офсетной печати, это даст возможность предложить потом центральным изданиям печатать газеты у них в «Независимом полёте». С менеджерами этих изданий разговоры ведутся, перспективы есть.

Жерехов, отчего-то волнуясь, доложил о ближайших номерах «Качелей»; о работе торговой сети высказалась Суханова, зам. Ямпольского, дама с мужским трубным голосом, от неё вечно тянуло табачным перегаром; проблемы транспортного цеха обозначил его главный инженер, усатый, с медлительными движениями мужичок мелкого роста; Зверев, начальник безопасности, сказал, что в его службе, в принципе, всё в порядке, но он хотел бы после совещания... майдана, — уточнил с натянутой улыбкой, — пообщаться с гендиректором тет-а-тет, на что Ямпольский разрешающе кивнул.

Зверев сидел за столом для совещаний с бесстрастным, казалось даже, отсутствующим выражением гладко выбритого одутловатого лица; могло показаться, что его мало интересовали дела и в еженедельнике, и в том же транспортном цехе, и в цехах типографий. Но Ямпольский, который на мгновение задержал взгляд на Звереве, знал, что тот всё внимательно слушал, всё понимал и во всё вникал своим острым наблюдательным умом.

Как и сам Ямпольский. Выслушав всех, он стал давать распоряжения: директрисе одного из окраинных магазинов разрешил снизить цены на их печатную продукцию, главному инженеру транспортного цеха дал «добро» на приобретение ещё одного грузовичка, «Газели», Жерехову сказал только одно слово: «Нормально», а главному бухгалтеру, Ларисе Ивановне, посоветовал съездить в дальний глухой район области, там прощупать почву для приобретения совсем уж захудалой типографии.

— Там областная собственность, Семён Михайлович, — выразила сомнения бухгалтер. — Могут не продать.

— А вы поторгуйтесь, поторгуйтесь. Предложите печатать их местную газетёнку у нас, с перспективой, что со временем, через год-другой, мы купим им современное оборудование. Поезжайте, пожалуй, вдвоём с Петром Борисовичем, думаю, у вас лучше получится.

Веретенников кивнул головой, Лариса Ивановна пожалала плечами, вопрос был решён. Она понимала стремление шефа холдинга брать под своё крыло типографии области — это было влияние на всю печатную продукцию региона, а значит, и на реальную власть.

Скоро совещание-майдан закончилось, все ушли, остался лишь Зверев, вальяжно развалившись в кресле. Все в холдинге знали, что у начальника службы безопасности с Ямпольским особые отношения, шеф, как никому, доверял этому малоразговорчивому человеку, менту, отрубившему в уголовном розыске почти семнадцать лет, но уволенному из ор-

ганов со скандалом. Ямпольский, когда принимал на работу бывшего подполковника милиции, навёл о нём справки, знал об этом факте, настоял, чтобы Зверев сам об этом рассказал. Тот признался, что пошёл однажды на сделку с совестью, отпустил одного урку за деньги и нужную информацию о другом фигуранте. Информация эта очень пригодилась в раскрытии тяжкого, резонансного преступления, но служба собственной безопасности ГУВД по Придонской области раскрыла, какой ценой Зверев этого достиг, факт был доложен генералу, и подполковника из органов уволили.

— Понятно, — сказал тогда, при первой их беседе, Ямпольский. — Грех ваш перед Родиной есть, но он невелик. В холдинге у вас будет несколько иная служба.

«Иная служба» всё же оказалась близка к той, которой Зверев занимался раньше: тут и охрана офиса, трёхэтажного особняка, производственных зданий типографий, транспортной базы, магазинов, квартир гендиректора холдинга и его замов. Даже сопровождение в банк бухгалтеров и кассира. Но главное — это Ямпольский сразу оговорил — начальник безопасности должен был регулярно поставлять шефу сведения о настроении подчинённых ему людей — разговоры, телефонные звонки, даже реплики, из которых можно было делать определённые выводы, — всё ему было нужно знать.

— Везде у нас с вами, Георгий Вахтангович, должны быть глаза и уши. Вы знаете, что это такое.

— Знаю, — подтвердил тот. Лицо Зверева с тяжёлой нижней челюстью, оставалось неподвижным, маленькие темные карие, почти чёрные глаза его смотрели на Ямпольского внимательно, с интересом. Этот взгляд выдавал в нём профессионала, за плечами которого многочасовые результативные допросы, где фигуранту не удавалось выкручиваться, уходило от нужных ответов, лукавить и путать следы.

Всё это Ямпольский легко прочитал в облике Зверева при первом же знакомстве, отпечаток профессии не смыть. Простого смертного грозный вид начальника безопасности повергал в некий ступор, никому из его подчинённых, да и остальных работников холдинга, не приходило в голову говорить неправду — его пронизывающий взгляд, рыкающий бас, соскучившиеся по работе кулаки заставляли всех внутренне напрягаться, держать ушки на макушке, быть бдительным.

Ямпольский решил, что именно такой начальник службы безопасности ему и нужен, что недалёкое его, с д у ш к о м прошлое поможет ему руководить этим непростым человеком, который должен чувствовать себя обязанным и зависимым.

Когда они уже оформляли документы, Ямпольский (вот не хватило ума!) намекнул Звереву, что «на ваше прошлое Георгий Вахтангович, я закрываю глаза», на что тот мгновенно выпалил следующее:

— А я — на в а ш е, Семён Михайлович.

Ямпольский побледнел, напрягся. Выдавил глухо:

— Не понял. Вы о чём?

Зверев с места ринулся в наступление.

— Семён Михайлович, вы навели обо мне справки, и я вам всё рассказал. Зачем ещё раз говорить об этом, накидывать на меня узду? Ментовская служба, особенно в угрозыске, тяжёлая и сложная. С тебя требуют раскрытия преступлений большие начальники, висят над тобой. Тот подонок, который заплатил за свою свободу, всё равно скоро попался, мы его посадили. Зато взяли крупную птицу...

Зверев говорил с лёгким грузинским акцентом, слова клал ровно, уверенно, как мог бы это делать опытный каменщик, укладывающая кирпичи на раствор, корил Ямпольского, и тот всё больше жалел, что затеял разговор, не учёл темперамент человека.

— Я вот что вам скажу, Семён Михайлович, — Зверев перевёл дух. — Я не хотел говорить, но решил теперь сразу поставить точку над «і». Чтобы потом у нас не возникали проблемы, и мы стали друзьями, предельно... я повторяю это слово — п р е д е л ь н о доверяли друг другу. Иначе нам нет смысла работать вместе. Я найду себе место, не думайте.

— Я в этом не сомневаюсь, Георгий Вахтангович.

— Я, когда с вами познакомился, попросил своих коллег в ГУВД пробить ваше имя по базе. По Украине. Я знаю, почему вы уехали из Львова.

Ямпольский онемел. Просто не мог пошевелить языком.

Долго молчал.

А Зверев продолжал:

— Это я так, по привычке сделал. Думал: раз собираюсь работать у этого человека... Ну, сами понимаете. Мент он и уволенный мент. Но мне понравилось, как вы меня приняли, какую зарплату предложили. Потому вот вам, Семён Михайлович, моя рука: всё в прошлом, забыто. И у вас, и у меня. Вам нужно, чтобы в холдинге был порядок, — он будет. Ручаюсь.

Ямпольский по-прежнему молчал.

— Чтобы вас успокоить, Семён Михайлович, скажу откровенно: если бы я хотел сделать вам пакость, я бы уже сделал. Но я делать этого не буду. Скажу больше: я — чистокровный грузин, это я по матери Зверев, а по отцу — Багарадзе. В прошлом, ещё при Советской власти, отец имел пробле-

мы с законом, а я очень хотел стать милиционером. Мама тогда сказала: «Георгий, бери мою фамилию, пробивайся». И я пробился...

Ямпольский наконец пришёл в себя.

— Георгий, я благодарю тебя за откровенность. Ты прав: идеальных людей в жизни нет. А дальше жить всем нам надо. Спасибо тебе. Я всё понял и оценил. Давай так: дружбу твою принимаю. Работу в холдинге строй по своему усмотрению, ты знаешь, что делать. Полная самостоятельность. Но я должен знать, кто чем дышит. Людей у нас не так много, можно к каждому присмотреться.

— Можно, — согласился Зверев. — И я это сделаю, Семён Михайлович.

Разговор этот состоялся более десяти лет назад, когда Ямпольскому пришлось поменять начальника службы безопасности; некоторое время они со Зверевым как бы наблюдали один другого, жили настороженно, с опаской, но время показало, что оба сдержали слово дружбы и верности, успокоились.

В самом деле, Зверев мог легко сдать милиции своего шефа. Не сдал.

А Ямпольский... Впрочем, что он мог сделать дурного Звереву? Ничего. Всё дурное о нём вскрылось там, на его службе, а теперь... Ну, кто-то мог и узнать, что этот грузин имел (или имеет) урку-отца, что носит фамилию матери и, возможно, скрыл факт судимости родителя при поступлении в органы.

Поезд ушёл, да. Он, Ямпольский, более теперь зависим от Зверева, от своего подчинённого. Не стоит будить в нём дремлющего барса.

Но Зверев мог и схитрить — действительно, просто по ментовской привычке припугнуть его Львовом. Ничего не знает об их с Брылем деле, а просто запустил дурачка, взял, что называется, на понт.

А вдруг?!

Но шли годы, никто в дом Ямпольского с ордером на арест не являлся, значит, прошлое поросло быльём, забылось.

Мог и Брыль умереть, ушёл в мир другой.

Живи спокойно, Семён.

— Георгий, — сказал Ямпольский, когда все ушли и Виктория плотно закрыла дверь его кабинета. — Что-то гадко у меня на душе. И эта публикация в «Вестнике Придонья», и то, что кто-то из наших стуканул коммунакам про майдан... да и дома... А! Одни расстройки.

— Кто стуканул, я узнаю, Семён Михайлович, не беспокойся. А насчёт тоски душевной... Хочешь — давай развеемся.

— Давай. Только, чтобы комар носал...

— Не продолжай, не надо. Всё будет по высшему уровню, не в первый раз. Там же, за городом. Лес, сауна, бассейн, девушки. Отдохнёшь и душой и телом. Гарантирую.

— Хорошо. Действуй.

Киевский майдан, меж тем, кипел уже нешуточными страстями.

Чёрным, смрадным дымом горели в центре столицы горы старых покрышек; чумазые, озверелые революционеры захватывали здания, устраивали в них свои штабы-ночлежки, объявились лидеры: Турчинов, Яценюк, Тягнибок, Кличко, Ярош... Бесноватый депутат Рады Ляшко принародно, под камеру, избивал главу украинского телеканала, который осмелился показать бесчинства на Крещатике; бойцы Яроша демонстрировали свою готовность ломать кости каждому, кто пошёл бы сейчас против майдана; освобождённая из харьковских застенков голова партии «Батькивщина» Юлия Тимошенко, доставленная на майдан в инвалидной коляске, призывала к решительным действиям против президента Януковича; сам же Янукович лавировал — метался между Москвой и Киевом, стремясь угодить и России, и берущим его за горло майдановцам, требующим подписать соглашение с Евросоюзом.

Затурканные толпой, безоружные милиционеры «Беркута» отчаянно отбивались от нападавших резиновыми палками, старались держать ряды. Но силы были неравные, милиционеров жгли «коктейлями Молотова», расстреливали из окон близлежащих домов.

Впрочем, невидимые снайперы стреляли во всех подряд, люди падали один за другим. Счёт пошёл на «небесную сотню».

Какой-то тощий, небритый молодой хохол орал в телевизор:

— Хочу в Евросоюз! Хочу свободной жизни! Слава Украине!

— Героям слава! — ревела вокруг толпа.

Другой гражданин, в камуфляже и чёрной маске на голове, потрясал топором на длинной ручке:

— Гэт коммунак из Рады! Симоненко, выходи!

Роскошная, средних лет киевлянка, не скрывая лица, явно позируя перед телекамерой, взывала;

— Москалей — к ответу! На ножи!

А во Львове толпы подростков дружно скакали под приду-манный слоган: «Москаляку — на гиляку!.. Кто нэ скаче, тот москаль!»

— Боже мой, что делается! Боже ж ты мой! — в который уже раз в отчаянии говорила Регина, сидя у телевизора в те зимние вечера 2014-го у телевизора. — Да они с ума там походили, чи шо?! А, Сеня? Ты бачишь, шо происходит?

Ямпольский молча и сердито кивал — да вижу, вижу, не слепой. Напряжённо вглядывался в экран, словно хотел увидеть и понять что-то большее, чем ему показывали. Как бывший помрежиссёра, он понимал, что ему, зрителю, показывают выборочно и то, что считают нужным, что российской стороне выгодно преподносить и этот украинский негатив, и безвольного Януковича и его последующее бегство «к другу в Ростов-на-Дону», и откровенные теперь кадры о майдановских снайперах...

Если Регина дома смотрела подряд все выпуски новостей, то Ямпольский тоже практически не выключал телевизор в своём кабинете, был, что называется, в курсе событий. Не отставали от него и замы; часто приходил к шефу Петро Веретенников, проходящее на экране комментировал сдержанно:

— Ведь мог Янукович цыкнуть на распоясавшихся майдановцев. Почему его «Беркут» был без оружия? Он что — сознательно их подставил? Не понимаю! Как можно защитить власть одними дубинками?!

— А если она отжила, эта власть? — вяло парировал Ямпольский. — Раз не может себя защитить, значит, ей пришёл конец. Вспомни Москву, девяносто первый, девяносто третий годы. Растерянного Горбачёва, который прятался в Форосе, решительного Ельцина у Белого дома.

— Горбачёв — трус и предатель, — сказал Веретенников. — Он всё делал, чтобы Советский Союз развалился. Так же сидел в Форосе и ждал, пока там, в Москве, люди друг другу глотки перегрызут. А Янукович дотянул до того, что его самого едва на ножи не подняли.

— Могло быть и это, могло, — согласился Ямпольский. — Хотя я лично сомневаюсь. Чего он такого сделал, чтобы его убивать?

— Мешал он. Другие власти захотели. Фашисты. А он не уходил.

Помолчали, понаблюдали за тем, что происходило на экране. Показывали снайперов; одного — в открытую, лица он не прятал, остальных — со спины, в масках. И — результат их работы: падающий какой-то человек там, внизу, на площади, ещё один, корчащийся от боли... А вот ползёт майданщик — боком, подбирая перебитую ногу.

— Да, дела, — пробормотал Веретенников. — Не хотел бы я там оказаться. И отчего это Турчинов и Яценюк, да и другие,

команда их, так себя ведут? Не иначе, стоит кто-то за их спиной. Уверен в этом.

— Тут и голову ломать нечего, — усмехнулся Ямпольский. — Большой брат, Америка.

Имея аналитический склад ума, он давно уже сделал выводы, что американцы сидят в Киеве в качестве советников, что не только помогают взбудораженной стране советами, но и руководят действиями как лидеров этого переворота на Украине, так и непосредственно майданом. И это грело его душу.

Украина бунтовала, протестовала, не хотела дальше знать Россию, считать её братской, дружественной державой. Значит, не прошли даром эти двадцать с лишним лет, не остались бесследными и те тайные сборища их, сторонников Бандеры, в одном из львовских кафе; теперь о Степане говорили открыто, он стал национальным героем, он стал их флагом. Партия «Правый сектор» явилась продолжателем дела Бандеры, её рупором, её вожаком.

Ай да хлопци, ай да молодци!

Ямпольский едва сдерживал свою радость. Хотелось откровенно поговорить с кем-то на эту тему, но с кем? Веретенников не знал ничего из прошлого своего шефа, он бывший партийный работник, что у него в голове на самом деле — не понять: говорить может разное, и коммунистов ругать, но заявил же только что: «Горбачёв — предатель». То есть, в душе недоволен, что коммунисты не у власти, что могли бы ещё порулить, если бы пришёл к руководству кто-нибудь из старой КПСС.

Но произошло то, что произошло, старого не вернуть. Нынешние руководители страны власть ни за что не отдадут. А ему, Семёну Ямпольскому, нужно держать себя в том образе, в каком он прожил минувшие двадцать лет: России благодарен, верен ей, политику «Единой России», правящей партии, поддерживает, хотя сам беспартийный.

И осторожней, Семён Михайлович, говорил он себе, осторожней с высказываниями. Если о шуточном их майдане донесли, то, не дай бог, он сам что-либо ляпнет... Существует неподалёку управление ФСБ, оно, конечно, интересуется духом его холдинга, тем более на фоне происходящего в Украине. Да, киевский майдан может перекинуться и на Россию, это не исключено, господин Ямпольский — выходец из Западной Украины, что у него на уме и как он себя ведёт в эти дни? Чекистам надо об этом знать, надо. И потому жить дальше придётся с оглядкой, с умом.

Так думал Семён Ямпольский, битый жизнью человек, который потихоньку, незаметно тянул свою линию, действо-

вал в рамках российских законов и в то же время «держал нос по ветру». По большому счёту, он мог бы бросить сейчас свой бизнес в России и отправиться в родной Львов. Или в Киев, к Турчинову с Яценюком. Его бы приняли с радостью — он явился не с пустыми руками. Стал бы помогать руководителям современной Украины — словом и деньгами. Попросился бы в руководство на один из телеканалов Киева. Или попытался бы организовать свой канал.

Но это был риск — как ещё сложатся там, в Украине, дела? И главное — а если жив Брыль? И милиция не закроет глаза на дело «за давностью лет»?

Да, риск, однозначный. Украине можно помочь и отсюда, из Придонска. Надо только подумать — как?

Петро Веретенников ушёл, озадаченный и подавленный увиденным в новостях; какие мысли посетили его голову, шефу не сказал, но по лицу его было видно, что он не одобрял того, что происходило на киевском майдане. Таких здесь, в России, немало. Помнят былую мощь СССР, сладкую мирную жизнь при Брежневе, власть красной корочки партбилета с изображением Ленина. Веретенникова можно понять, да. Надо быть с ним предусмотрительным.

...Пока шла эта майдановская возня в Киеве, на юге Украины, в Крыму, зрело новое важное политическое событие: полуостров готовился к референдуму о возвращении в состав России.

Ямпольский заволновался. Референдум в такое неспокойное для Украины время — это опасно. И в то же время вполне реально. Пока в Киеве собачились — как в самой Раде, где шли кулачные бои, так и в верхушке власти, где несколько человек уже примеряли на себя корону президента, крымские лидеры — сепаратисты, как жуки-короеды, воспользовавшись моментом, не без подсказки Москвы, точили население, внушали ему: «Только с Россией! В этом спасение от киевской хунты. Крым и Севастополь — русские... Домой, граждане! Голосуйте!»

К тому времени киевские власти перекрыли уже трансляции некоторых российских телеканалов и радио, не хотели, чтобы украинцы смотрели и слушали «брэхию», но и сами, видно, не удосужились эти телеканалы смотреть. А они бы увидели, что в Крыму идёт очень интенсивная подготовка к референдуму, что по всему полуострову пестрят российские триколоры, что на митингах над головами людей — множество плакатов: «Россия!», «Севастополь — город русских моряков!», «Севастополь — город русской воинской славы»... Да и по всей России массово проходят митинги в поддерж-

ку крымчан с теми же транспарантами: «Крым — наша земля!», «Крым, мы с тобой!»

— Хлопци! Турчинов, Яценюк, Ярош!.. Да вы шо, нэ бачитэ?! Это ж не игрушки, шо творыться в Крыму! — бормотал, сидя у телевизора Ямпольский. — Разуйтэ очи, хлопци!

«Хлопци» в Киеве «нэ чуялы» страстных призывов своего земляка из Придонска, мотались в то время по Брюсселям да по Америкам, встречались там с высокопоставленными чиновниками, заверяя тех в своей лояльности и приверженности западному курсу, умоляя дать им кредиты для поддержания экономики, армии, выплаты зарплат и пенсий населению, уплаты долгов, в том числе и за российский газ, который Газпром вот-вот отключит.

И им обещали, их заверяли...

А Крым в середине марта четырнадцатого года провёл референдум, девяносто процентов его граждан сказали Украине «Гуд бай!», и это событие оглушило киевскую элиту, заставило злостновать, беситься, строить милитаристские безумные планы — мстить России войной.

Юлия Тимошенко, рвущаяся в президенты, в беседе со своим единомышленником Шуфричем в телефонном разговоре выходила из себя: «Надо брать оружие в руки и идти мочить этих проклятых кацапов вместе с их руководителем... Чтобы не осталось от России даже выжженного поля...»

Второй или третий уже по счёту министр обороны полуразвалившейся украинской армии, некто Гелетей, вторил лидерше «Батькивщины», публично заявил с трибуны в Раде: «Украина победит. Крым я верну. Победу мы будем праздновать в Севастополе».

— Так, Юлечка, так, — бормотал у телевизора Ямпольский. — Мочить их, кацапов, и жечь! И как хорошо министр про Севастополь сказал — праздновать там победу! Молодец!

А Москва терпеливо, продуманно и точно делала своё дело: приняла просьбу народа Крыма о возвращении полуострова в состав России, и государственная Дума, и Совет Федерации на своих внеочередных заседаниях одобрили решение о воссоединении, Путин в Кремле жал руки счастливым руководителям Крыма и Севастополя — полуостров вновь стал русским, российским.

Ликовала вся Россия. Киев скрипел зубами. Скрипел и Семён Ямпольский.

Пример Крыма, то, как легко и быстро он стал российским субъектом Федерации, возбудил весь юго-восток Украины, всю бывшую Новороссию, ставшую Украиной в 1922

году, когда создавался СССР. Ямпольский знал историю своей страны, помнил, что в своё время, ещё при царях, некоторые западные области Украины входили в состав Польши, Османской империи, Австро-Венгрии. После войны, в 1945 году, Сталин подарил Украине четыре области: Львовскую, Закарпатскую, Ивано-Франковскую и Черновицкую. А в упоминавшемся выше 1922 году, чтобы «Украина выглядела посолиднее», Ленин и его правительство присоединили к ней сразу семь областей — тот же Донбасс, Одессу, Николаев, Харьков...

Про исконно украинскую землю, во времена Богдана Хмельницкого (границы 1654 года) теперь и говорить нечего: всего лишь территория двух современных областей — Кировоградская и Днепропетровская.

События же 1954 года, когда Никита Хрущёв подарил Украине Крым, не хочет вспоминать разве что ленивый.

Поднялся Донбасс, Донецк с Луганском, и там замелькали российские флаги, был провозглашён лозунг «С Россией!». И там готовились референдумы об отделении от Украины...

...Киев был в панике.

Ждать 25 мая 2014 года, когда были назначены выборы президента, Рада, Турчинов, исполняющий обязанности президента, Яценюк, председатель правительства, не могли и не хотели. Украина на глазах всего мира рассыпалась как государство, власть уходила у них из-под ног, киевский майдан требовал действий, причем решительных, военных, и в апреле они начались.

В кабинет Ямпольского Зверев вошёл без стука, ничего не сказав Вике, даже не поздоровался с ней — лишь слегка небрежно кивнул.

Молча пожал шефу руку, сел у стола, ожидая, пока Ямпольский закончит разговор по телефону.

— Ну, Георгий, чем порадуешь? — сухо спросил Ямпольский, глядя в хмурое лицо начальника службы безопасности. Фамилию «Зверев» он теперь не мог воспринимать отдельно от второй, «Багарадзе». Более того, Георгий Багарадзе — звучало надёжнее, что ли, крепче.

— Что телевизор выключил? — вместо ответа спросил Багарадзе. — Донбасс поднялся, знаешь?

— Знаю. Упустили хлопцы момент. С Крыма же началось.

Больше Ямпольский не стал ничего комментировать, сдержал себя. Но Багарадзе уловил его мысль, продолжил:

— Круче, конечно, надо было действовать, решительнее. Не хочешь жить с Украиной, иди, езжай в Россию

— Иди! — с иронией повторил Ямпольский. — А Донбасс не хочет никуда идти. Он дома. И теперь вооружён. Льётся кровь. Это как?

— Пусть льётся. Шахтёры захотели свободы, они её получили.

Неприкрытая издёвка звучала в его словах на фоне того, что происходило сейчас в Славянске, Краматорске, Луганске... — миномётные обстрелы, пожары, смерти мирных граждан.

Оба они, Ямпольский и Багарадзе, уже не таились друг от друга. России они не симпатизировали. Место первоначальной растерянности заняло теперь стойкое чувство протеста, переходящее в ненависть, в стремление что-то делать, что-то менять.

Во всяком случае, Зверев пришёл к шефу именно с этим.

— Слушай, Семён Михайлович, — сказал он, оглянувшись на дверь. — Ко мне обратились мои земляки, кое-кто, не буду называть имён, воюет на стороне Украины. И, говорят, сам Мишико помогает Турчинову. Снайперы наши были, имей это в виду. И... — Он приложил палец к губам.

— Да об этом уже писали, я знаю. — Ямпольский невольно скривил рот. — И вашего Мишу Саакашвили назвали... А что твои земляки, чего они хотят?

— Помочь просят. Большие расходы получились — и на майдан, и на армию. Танки и бэтээры надо покупать, обмундирование солдатам. Денег не хватает.

— Много просят?

— Сколько сможем.

— Тебя они как нашли?

— Ну.. земляк земляка из виду не теряет. Я же не всё время в России жил. В Рустави, возле Тбилиси, моя молодость прошла. Потом в Россию переехал. Служил тут, в Придонске. Остался.

— Понятно.

Ямпольский сидел в раздумье. Понимал, что отказать Звереву он не сможет. Тот теперь может и не просить: придёт, назовёт сумму и...

— А платить как: наличными, по счетам?

— Да какие счета, Семён Михайлович?! Перечисления на благотворительные нужды, реквизиты у меня есть. Вот. Детский дом, больные дети. — И положил на стол бумажку со множеством цифр.

— Хорошо, оставь. Я поговорю с главбухом. Много не обещаю.

— Главное — участие, Семён Михайлович. Ты же понимаешь. Или взвод солдат автоматами Калашникова вооружить, или БТР ребятам купить, а то и танк.

— А то и самолёт, — в тон Звереву, с заметным уже раздражением проговорил Ямпольский.

— И самолёт, — без улыбки, ровно, подтвердил Зверев, но в чёрных его глазах жил почти приказ. — Ты же не хочешь, чтобы это рабочее быдло, шахтёры, взяли верх? А?

— Не хочу.

— Вот. Потому раскошеливайся.

Зверев не уходил, чего-то ждал. Спросил:

— Имя информатора хочешь знать, Семён Михайлович?

— ?

— Насчёт нашего майдана.

— А!.. Кто?

— Позови Викторию.

Вика тотчас явилась на требовательный звонок Ямпольского, стала в ожидании у порога, явно встревоженная, бледная. Вертела в пальцах шариковую ручку.

— Ну, рассказывай, красавица, — велел Зверев. — Пусть теперь гендиректор твою исповедь послушает.

— Семён Михайлович! — почти выкрикнула Виктория, хватаясь за горло, спазм душил её. — Простите! Я... я просто дома... ну, сказала мужу.. Объяснила, что всё это шутка, ребята наши придумали насчёт майдана. И что я в форме на работе, и что... А он сдуру взял да и рассказал знакомому водителю, который корреспондентов «Вестника Придонья» возит. А те... напечатали.

Ямпольский сидел чернее тучи.

— М-да, — уронил он наконец. — От кого не ожидал, Вика, так это от тебя. Пиши заявление по собственному желанию. Больше ничего не могу для тебя сделать. Иди.

— Семён Михайлович!

— Иди, пиши, я сказал.

Заплавав, Виктория вышла. Поднялся следом и Зверев-Багарадзе, спросил вполголоса: «Сауна не нужна, Семён Михайлович?»

— Какая сауна, Георгий!? Не до того. Иди. Нагрузил ты меня по самую макушку.

...А через минуту вошла Виктория. В руке она держала листок бумаги. Голос её дрожал.

— Семён Михайлович... я виновата, ещё раз прошу простить. Я искуплю. Я согласна.

— На что согласна?

— Ну это... встречаться с вами.

Для Ямпольского это было мгновение высокого наслаждения. Это было ощущение власти над этой гордой красивой женщиной, которую сломало глупое обстоятельство, кото-

рая явно не хотела терять хорошую работу и приличные деньги и ради этого была готова на всё.

Но Ямпольского её слёзы и обещания не тронули.

— Насчёт встреч я пошутил, Виктория. — Ни один мускул не дрогнул в его лице. — Я просто проверял тебя. И ты оказалась болтушкой. А сдала один раз, сдашь и другой. Отсюда, — он постучал согнутым пальцем по крышке стола, — нельзя выносить ни слова. Ты должна была это помнить. Давай заявление.

Решительно вывел на углу листка: «Уволить по собственному желанию».

И размашисто, крупно расписался.

И снова супруги Ямпольские — у вечернего телевизора.

2 мая. Одесса. Информационный выпуск.

Толпы людей. Все куда-то бегут, размахивают битами или зажатými в кулаках камнями, кричат. Здесь же милиция, в касках и бронежилетах, они стоят шеренгами, без движения, сцепившись локтями, молча наблюдают. Вот они разомкнулись, пропустили большую группу молодых людей со спрятанными под повязками лицами... Вот мелькнула в кадре высокая туля фуражки милицейского чина, чин что-то сердито, недовольно выговаривает окружившим его милиционерам...

Что происходит на Куликовом поле, одесском, можно сказать, майдане, сразу не понять. Помогает разобраться во всём диктор.

На площади около месяца располагался лагерь сторонников федерализации украинского государства — палатки, те же покрышки, всякий хлам. «Сепаратисты» ждали 9 мая, рассчитывали на то, что в этот день одесситы массово поддержат их, общими усилиями удастся захватить здание администрации области, а там колесо протеста покатится само собой.

Но власти решили опередить надвигающиеся события. Из Киева, на подмогу местным активистам евромайдана, приехали боевики из Западной Украины и футбольные фанаты. Им предписывалось устроить драки, столкновения с «сепаратистами» и сочувствующими, разогнать, уничтожить лагерь.

Далее — по запланированному сценарию. Боевики «Правого сектора» напали на «сепаратистов», огромная толпа бросается на их лагерь, в ход идут «коктейли Молотова», камни, дубинки, арматура.

Начинается кровавая бойня.

«Сепаратисты» (их меньшинство) отступают, стремясь спастись в Доме профсоюзов, он рядом, но их преследуют, избивают, поджигают. И там, в самом здании, судя по всему, отступающих ждут, в них стреляют и бьют, а тех, кто провалился на верхние этажи, выбрасывают из окон.

Здание, подождённое изнутри, горит, в полыхающих огнём окнах — мечущиеся фигуры людей, взывающих о помощи. Кто-то повис на карнизе, кто-то спускается по верёвке, а кто-то, женщина, отчаявшись, бросается вниз, на асфальт.

— Ужас!.. Ужас! — время от времени вскрикивает Регина, хватаясь за сердце, а Ямпольский сидит у телевизора с каменным, непроницаемым лицом. «Против кого пошли, одеситы? — зло думал он. — И вам в Россию захотелось? Ну вот, милости просим — прыгайте, прыгайте! Может, кто и долетит...»

Тут же вспомнился октябрь девяносто третьего года, Москва, горящий Дом правительства, чёрный дым, окутавший окна до самой крыши, танки, бьющие по засевающим в здании защитникам умершего уже СССР, Руцкой и Хасбулатов, выходящие из подъезда «белого дома» под охраной. Много можно было прочесть на их растерянных лицах!.. Ямпольский подумал тогда: «Поняли, как с властью воевать? Козлы!»

Потом картинка в телевизоре сменилась, выгоревшее здание одесского Дома профсоюзов показывали изнутри — обугленные стены, остатки какой-то мебели, обгоревшие рамы окон, скрюченные, застывшие в мучительном миге смерти тела покойников. Мужской молодой голос деловито считал трупы: «...шестнадцать, семнадцать... вот ещё... двадцать два, двадцать три...»

В комментарии объявили, что всего погибли л и ш ь сорок восемь человек, но это была явно заниженная цифра, потому что пропали без вести ещё около ста человек. А в другом комментарии говорили, что ночью, с заднего двора Дома профсоюзов, тайно вывозили на грузовиках трупы погибших.

По лицу Регины текли слёзы.

— Фашисты! — выдохнула она. — Я не верю своим глазам. Я не могу поверить, что это происходит у нас, на Украине... Сеня, что ты молчишь?

— А что тут скажешь?! — Ямпольский поднялся, пожал плечами. — Тут надо разобраться. Я днём смотрел телевизор на работе, там говорили, что эти протестующие подождли себя сами, в знак протеста.

— Что за глупость?! Как этому можно верить? — Регина разволновалась, ушла на кухню, где у неё в шкафчике хра-

нился корвалол. А Ямпольский вернулся в свой кабинет, лёг на диван, мрачно смотрел в потолок, на ползающие по нему тени.

Сгоревших, погибших людей ему жалко не было. Может быть, власть и переборщила, боевики того же «Правого сектора» слишком разошлись, переусердствовали, но в них ведь тоже бросали бутылки с зажигательной смесью, и те же камни, били... Но эти люди, «сепаратисты», пророссийски настроенные, озлобленные, готовые на всё — враги, посягнувшие на святое, на государственную целостность, — как ещё надо было с ними поступать? Слушать бесконечно их бредни на митингах, уговаривать? Крым вот наслушался, тоже и Луганск, Донецк... Теперь Одесса. А дальше что? Харьков, Николаев, Днепропетровск... Новороссия раскрыла рот на весь юго-восток Украины, её лидеры спят и видят себя если не в составе России, то самостоятельным, независимым государством. Можно это допустить?

Нет. Украина должна остаться единой, унитарной, *дисциплинированной* страной.

Они, те молодые львовяне, кто ещё в середине семидесятых, в скромном полуподвальном кафе, на своих собраниях мечтали о чистой украинской нации, кто штудировал заветы Степана Бандеры и лозунги «Слава нации — смерть врагам!» и «Украина превыше всего!», понимали, чьи это лозунги, но именно они грели душу, придавали сил и веры, разжигали костёр ненависти к Стране Советов. И кончилось это тем, что нет больше этой самой «Страны Советов», что Украина много уже лет движется, истребляя в сознании своих земляков русский дух с его культурой, языком и идеями дружбы. Какая может быть дружба с москалями?! На Украину пришла, наконец, настоящая власть, и ей надо покориться, принять её волю. «А кто не с нами, тот против нас». Всё просто и понятно. Думаешь по-другому — гори в огне, падай из окна, задыхайся в газе, которым вас травили там, на этажах Дома профсоюзов. «Каждому — своё!»

Ямпольскому вдруг захотелось встать и вскинуть руку в известном приветствии, как они делали это в том самом львовском кафе. Пусть Адольфа давно уже нет, пусть мир прокликает его имя, дело его живёт!..

Но он не встал и не вскинул руку — Регина может войти в любую минуту. Ей незачем видеть его в таком состоянии души.

«Хайль!» — всё же, мысленно, произнёс Ямпольский. — «Героям слава!»

...Покрышки и мешки с песком из приёмной убирать не стали. Самопальный их майдан, как остроумно растолковал шефу начальник службы безопасности, Зверев, имел, оказывается, двойной смысл: с одной стороны это, конечно, протест против власти, а с другой стороны — против какой власти?

Любой местный чиновник, которого занесло бы в приёмную Ямпольского, усмехнулся бы и сказал: «Конечно, против киевской. Против Турчинова, Яценюка...»

Прав Георгий. Пусть так думают об их майдане.

С уходом Вики народ «к Семёну Михайловичу» собирал теперь сам Зверев, обзванивая «командиров» по телефону. Новую (и временную, конечно) эту функцию он исполнял с удовольствием, зычным, не терпящим возражений голосом, и «командиры», что называется, летели в приёмную сломя голову.

Секретаршу Ямпольскому он, Зверев, подбирал лично, беседовал то с одной, то с другой женщиной-кандидаткой, до тошно спрашивал, уточнял, «пробивал по базе», гипнотически заглядывал в глаза, требовал подробные медицинские справки, разве что не просил раздеться в своём кабинете для осмотра.

Наконец остановился на одной дамочке средних лет, бывшей сотруднице военкомата, которая на все распоряжения начальства отвечала: «Слушаюсь!», «Есть!» и «Так точно!» Она обладала чисто мужскими повадками, грубым лицом, оказалась малоразговорчивой, была незамужней и никогда не улыбалась. Сотрудникам холдинга велела обращаться к себе по званию офицера запаса, «капитан»; все посмеивались над этим, входя в приёмную строевым шагом. Вова Жерехов, шутник, открыв дверь предбанника, обычно выпячивал грудь, выкрикивал: «Разрешите обратиться, товарищ капитан запаса вооружённых сил...Сержант ВДВ Жерехов!» Секретарша хмыкала, но отвечала адекватно: «Обращайтесь, товарищ сержант».

Ямпольский принял «капитана» спокойно, имя её, едва Зверев произнёс: «Это Полина Григорьевна», забыл и в дальнейшем обращался к женщине только нейтральным «Вы». «Вы пригласите мне такого-то...» «Вы принесите мне чаю...»

— Надеюсь, эта держиморда умеет держать язык за зубами? — спросил он Зверева, после того, как тот представил ему новую секретаршу.

— Не то слово, Семён Михайлович. Стопроцентная гарантия. Клещами лишнее слово не вытащишь. Глухонемой больше говорит.

— Ну, смотри, Георгий. Тебе виднее.

Сейчас он вызвал к себе главбуха, Ларису Ивановну. Та приплыла вскоре — пышная и благоухающая, со сладкой улыбкой на круглом лице.

— Слушаю, Семён Михайлович. Что-то случилось?

— Да ничего такого особенного... Больным детям хочу помочь.

— Лично? Или из средств холдинга?

— И лично тоже. Сколько денег на моём счету?

Главбух назвала сумму.

— Пару миллионов перечислите вот на этот счёт. — Он подал ей бумажку с цифрами.

— Счёт какой-то странный, Семён Михайлович.

— Проверьте. Спросите у Зверева.

— Поняла.

Лариса Ивановна поднялась, величественно поплыла назад, к двери, а Ямпольский, почёсывая переносицу, в раздумье смотрел ей вслед... Почему это счёт показался ей странным?

Минуло двадцать пятое мая, Украина избрала нового президента, олигарха Порошенко, с его приходом многие в стране жили надеждами на мирную жизнь. Но всё осталось по-прежнему: бои на юго-востоке только усилились теперь по городам и сёлам Луганской и Донецкой областей стали бить из тяжёлых орудий и «Градов», бросать на жилые кварталы фосфорные, запрещённые международной конвенцией бомбы, сжигать на земле всё живое.

В Россию, в Киев и другие украинские города хлынули потоки беженцев. Число их росло с каждым днём — тысячи и тысячи людей, прежде всего женщины и дети. Эти люди, прихватив с собой лишь сумки с самым необходимым, появлялись днём и ночью на контрольно-пропускных пунктах российской границы, больше всего в Ростовской области...

Ямпольский проснулся в загородном доме Зверева рано, около шести. Накануне сказал Регине, что поедет «подышать свежим воздухом, меня не жди», на что она сухо ответила: «Езжай, дыши».

Рядом с собой он обнаружил белокурую, посапывающую во сне девицу, грубо толкнул её в плечо.

— Эй! Хватит дрыхнуть! Вставай.

Девушка открыла глаза, позевала, поднялась. Недовольно заметила: «Можно и поласковее, папик. Ночью ты говорил другие слова».

— Так то ночью, — буркнул Ямпольский. — Мне пора на работу. Иди.

Девушка ушла, а он полежал ещё с полчаса, посмотрел круглосуточный канал «Россия-24», интересуясь прежде всего тем, что происходило на Украине.

Какая-то пожилая дама в домашнем халате, стоя на фоне разбитого дома на окраине Луганска, рыдала:

— Где теперь мне жить, скажите, люди добрые!? Президент Порошенко, скажи — где? Мы ждали, что с твоим приходом война кончится... А ты...

Другая дама, помоложе, с девочкой, которую она держала на руках, тоже сквозь слёзы упрекала киевскую власть:

— Что вам надо, скажите! Чего вы добиваетесь? За что нас убиваете?

— Не надо было ходить голосовать за «народную» свою республику! — в сердцах сказал Ямпольский, словно эта женщина из телевизора могла его услышать. — Жили бы себе тихо. А то, небось, муж в ополчении с автоматом бегаёт, а ты слёзки льёшь, дура. Терпи теперь, если выживешь.

Он оделся, позавтракал тем, что нашёл в холодильнике, вызвал служебную машину.

Спросил у шофёра:

— Что нового, Геннадий? Там, у хохлов.

— Воюют, — кратко отвечал водитель — русоголовый крепыш средних лет. — Уничтожают друг друга. Я понял так, что им, олигархам в Киеве, Славянск и Краматорск нужен для добычи сланцевого газа, чтобы от нашего, из трубы «Газпрома», отказаться. Вот Обама и велел Порошенко стереть с лица земли эти города. А потом за Луганск с Донецком возьмутся. Хотя уже и взялись...

— Хм. — Ямпольский невольно улыбнулся. — Ты, оказывается, следишь за политикой, телевизор смотришь.

— Как не смотреть, Семён Михайлович?! Такое творится! Людей же невинных убивают ни за что. Фашисты!

— Жалко этих людей?

— Ещё бы! Мы же русские, а украинцы наши братья. Столько лет в СССР, в мире и согласии жили. Что ж, пусть теперь к нам, в Россию, едут. Страна большая, всех примем.

— Ну, приедет беженец, шофёр, такой же, как ты, его трудоустроить надо, жильё давать и прочее. Я его, к примеру, пожалею, возьму на работу, а тебя — на улицу. А?

— Зачем так-то, Семён Михайлович? Рабочих мест много, всем хватит.

— И всё же страна не резиновая, Геннадий. Да, места у нас много, но с социальными вопросами — проблемы. Ты вспом-

ни: таджики, узбеки, киргизы... поездами к нам лезут, Москву заплонили, Петербург. Да и наш город чернеет с каждым днём. Каких только диаспор нет: грузины, армяне, чеченцы, украинцы... И все кушать хотят, и всем квартиры надо, одежду, обувь...

Геннадий молчал, думал. Какой-то резон в словах шефа холдинга был, да. Но с другой стороны...

— С другой стороны, Семён Михайлович, в Советском Союзе мы по-братски жили, в Великую Отечественную вместе воевали, потому и выстояли. Мой отец с украинцем одним очень дружил, до Берлина дошли, раненые оба. А потом всю жизнь переписывались и в гости изредка, конечно, ездили, не каждый год... А насчёт «резиновой страны»... да потерпим, Семён Михайлович, потеснимся. Не пропадать же людям.

— Но Киев почему сейчас против Донбасса воюет, ты понимаешь?

— А что тут не понять!? Во-первых, Донбасс отделиться хочет. А за ним и другие области потянутся... Во-вторых, Америке война нужна. Чтобы мы с Украиной сцепились. Вот. Ну, и за Крым мстят. Лакомый, конечно, кусок, чего там!.. Я вот чего решил, Семён Михайлович: поеду на Украину, в Луганск, помогать нашим братьям. В армии я БТР водил, не забыл ещё, как им рулить. Вот. Хочу дело своего отца продолжить. Фашистов бить надо, и как можно крепче. Тогда они поймут, что к чему.

— Гм. Интересно. И что — заявление уже написал?

— Написал. В кадрах лежит. Сказали, две недели отработать надо. В общем, ещё дней десять получается.

— А убьют, Геннадий?

— Ну что ж, судьба, значит. Да не убьют, Семён Михайлович. Я везучий. Повоюю, вернусь.

— Понятно.

Уже въезжая в город, Ямпольский сказал водителю:

— Геннадий, я скажу, чтобы тебя не держали. Собирайся. Воюй, раз так хочется.

— Вот спасибо, Семён Михайлович! — искренно обрадовался тот. — Завтра же и уеду. Там, под Луганском, один мой сослуживец воюет... Позвоню ему, чтобы помог на границе...

Дома Ямпольского ждал сюрприз.

Открыв входную дверь, он тотчас услышал звонкий детский смех. Навстречу ему, со счастливым, улыбающимся лицом, шла Регина.

— Ой, Сеня! Наконец-то! Ждём, ждём... На работу тебе звонить не стала. Думаю, придёшь — увидишь.

— И что я должен увидеть? — Ямпольский стаскивал с ног туфли, прислушивался. Детских голосов было два — явно мальчика и девочки. И чей-то взрослый, женский.

— Пойдём, пойдём, они там в зале. — Регина тянула его за руку.

— Да кто «они»? — Он невольно уже стал злиться, но Регина не отвечала.

В просторном зале большой их квартиры с дивана, навстречу Ямпольскому с улыбкой поднялась молодая русоволосая женщина. Одета она просто — в джинсы и белую футболку, облегающую её невысокую грудь. Ноги — в домашних тапочках Регины.

— Здравствуйте, Семён Михайлович, — сказала она грудным бархатным голосом с тем мягким акцентом, с которым говорят на Украине и в южных областях России. В карих блестящих глазах женщины Ямпольский увидел некую вину и тревожное ожидание.

— Здравствуйте. А вас как зовут?

— Олеся.

— Да вы садитесь, садитесь.

Олеся села, к ней тотчас, с двух сторон, подсели дети: кудрявый, очень похожий на мать мальчик лет пяти, и курносая девчушка лет четырёх с русыми косичками и смышлёнными, смелыми глазами.

— Это детки мои, Семён Михайлович. — Олеся прижала детей к себе, девочку поцеловала в макушку. — Это Элинка. Мы её так в честь Элины Быстрицкой, артистки, назвали. Она моя любимица. Знаете её?

— Знаю. Аксинья из «Тихого Дона», — кивнул Ямпольский.

— Да, она. А это Никита.

— А его в честь кого назвали? Хрущёва? Или Михалкова? Олеся засмеялась.

— Да нет, в честь дедушки. Он у нас заслуженный человек был. А Олег, муж мой, там остался, в Славянске.

— Вот как?! Значит, вы... Регина, поясни.

Жена услышала, конечно, в его голосе плохо скрытые нотки недовольства.

— Сеня, я... Ну, в общем, я пошла сегодня на пункт приёма беженцев... Вот. — Регина заметно волновалась; перевела дух. — Привела их к нам пожить. Квартира у нас большая, пять комнат, места хватит. Пусть будут в той, дальней... где библиотека.

Наступила неловкая, тяжёлая пауза.

— Они же наши земляки, украинцы, — добавила Регина. — Плянь, детки какие славные — красивые, послушные. Никитка, иди ко мне, маленький.

Мальчик охотно откликнулся, подошёл, забрался к Регине на колени. Серьёзно, в упор смотрел на Ямпольского.

Регина продолжала:

— Мы их с Олесей накупали, переодели. Я кое-что из детского купила.

Молчать больше было неприлично. Ямпольский спросил:

— А муж ваш, Олеся...он кто? Чем сейчас занимается?

— Простой шахтёр, — отвечала женщина. — Он на хорошем счету на работе, его хвалили, портрет на доске почёта был. Премии часто получал. У нас в Славянске двухкомнатная квартира... была. На улице Артёма. Теперь нет, снарядом разбило. Бахнули из какой-то гаубицы, всё развалилось, посыпалось. Соседи пожилые, муж и жена, погибли. А нам повезло: папа наш на работе был, а я с детьми в магазин ходила. Вернулись — полдома нету. Всё горит, дымит... Потом, правда, пожарные приехали, залили огонь. Документы у меня не пропали, они в «стенке» лежали, закрытые... Вот.

— А муж сейчас где? — настойчиво спрашивал Ямпольский.

— В ополчении он. С фашистами воюет.

— С кем?

— Ну, с этими, кто в украинских войсках.

— А почему они «фашисты»?

— Да... — Олеся поперхнулась словом. — Если они простых, мирных людей изводят, то кто же они? Наши ребята, ополченцы, они не в жилых домах сидят. А били именно по домам. По мне с детишками. А если бы я была в этот момент дома?..

— Олеся, а как вы думаете: порядок в государстве надо наводить?

— Да, конечно. Но не бомбами и ракетами. С народом говорить надо, убеждать, слушать, что люди говорят... Ой, знаете, Семён Михайлович, мне Олег перед самым отъездом звонил на мобильный: они со своими ребятами у фашистов пушку отбили и БТР. Танк этот, или как его правильно назвать, немного покалеченный, но Олег сказал, что они его отремонтируют и будут на нём ездить.

— Вы, Олеся, кто по профессии?

— Медсестра я, операционная. Медучилище окончила, у меня диплом есть. Я в больнице работала. Полтора года с Элинкой сидела, а потом на работу вышла. А тут война... Спасибо, что приютили, Семён Михайлович. Регина Иосифовна обещала мне помочь устроиться. Я, как устраюсь на работу, квартиру или комнату сниму, мы переедем.

— Да живите, сколько надо, Олеся! — воскликнула Регина — само радушие и доброжелательность были в её го-

лосе. — Я так рада с твоими детишками повозиться. Всю жизнь ведь в школе, своих наследников нет.

«Ну вот, уже о наследниках заговорила, — мрачно думал Ямпольский, слушая жену. — Ангел с крылышками!»

— А отчего ваш дедушка такой хмурый? — спросил вдруг мальчик.

— Он не хмурый, а строгий, — с улыбкой сказала Регина. — Он большой начальник, у него много дел и забот.

Ямпольский поднялся.

— Живите, Олеся. Все вопросы — с Региной Иосифовной. У меня действительно много дел и забот. Регина, я ужинал, может, потом чайку попьём.

— Хорошо, Сеня. Спасибо.

Он понял, за что она благодарила его. Но хмарь с его лица не сошла, не мог он заставить себя улыбаться и быть парнем-рубашкой.

...Он лежал на диване у себя в кабинете, когда вошла Регина, аккуратно, без стука, прикрыла дверь.

— Сеня... прости.

— Ты могла бы посоветоваться со мной, — твёрдо сказал он. — Чужие люди, ты приводишь их в дом, что-то обещаешь... Отец в ополчении, «с фашистами воюет». Ха! Нарочно не придумаешь.

— Ну, дети в чём виноваты, Сеня? Ты посмотри, какие славные ребятки — милые, воспитанные. Никита читать уже умеет, Элинка...

— Да что ты заладила: дети, дети! Я найду им в городе или в области место. По квартирам этих беженцев никто, наверное, не разбирает?!

— Разбирают, Сеня! На моих глазах, я сама это видела... Я не могу их выгнать, я их полюбила. Всей душой, Сеня! Как своих родных.

Ямпольский рубил словами:

— Регина! Я тебе говорил. С чужими детьми не хочу жить. Тем более, с детьми ополченца. Это же враг! Ты в своём уме? Ты понимаешь, что творишь? Опомнись!

— Враг?!! — Регина сидела на стуле прямая, с бледным лицом. — Дети тоже враги?.. В общем так, Семён Михайлович: Олеся с детьми останется здесь, в твоей и м о е й квартире, понял? Я, ты хорошо это знаешь, имею право так говорить.

— Да, имеешь. К сожалению. Законы ты знаешь. Но эту квартиру я купил, я заработал...

— Я! Я!.. Моё!.. И я работала, не сидела сложа руки... Короче: не хочешь помочь людям, давай разъедемся, разменяем наши хоромы. Но я буду жить с Олесей и её детьми.

— Даже так?

— А ты что думал? Я тебе, вижу, больше не нужна — старая, большая. Где-то ночуешь, с кем-то встречаешься. Во сне меня то Викой называешь, то Ларисой Ивановной... Я всё понимаю, Семён Михайлович. Живи как хочешь.

Регина ушла, хлопнув дверью.

Мрачный Ямпольский лежал на диване. Такого пассажира от жены он не ожидал. И что теперь делать?

Вошла вдруг девчушка, Элина. Подошла к дивану, спросила:

— Дедушка, а ты тут живёшь?

— Живу, — буркнул Ямпольский.

— А бабушка?

— А бабушка в своей комнате живёт.

Элина подумала.

— Одному жить нехорошо. Папа с мамой всегда спали вместе. Потому мы с Никитой и родились.

— Тебе рано о таких вещах говорить.

— Ну, это я так, к слову. — Она вздохнула. — Теперь я буду с тобой жить, чтобы ты не скучал. Ты мне будешь сказки читать или рассказывать, вон у вас сколько книжек. Ты знаешь сказки?

— Знаю, знаю.

Снова открылась дверь, с виноватым, извиняющимся лицом заглянула Олеся.

— Ой, вот она где! А ну, иди сюда. Мешаешь дедушке дышать. Элина, кому сказала?!

Ямпольский молча наблюдал, как женщина уводила своего ребёнка, что-то ей внушала уже за дверью. Конечно, можно было сказать что-нибудь нейтральное, мол, да ничего, она не мешает, пусть побудет, мы тут насчёт сказок договариваемся... Но он промолчал.

Думал:

«Вот, шахтёр пошёл против власти. Идут бои. Дальше что? Сегодня БТР отбили, завтра Луганск... На Киев пойдут, президента сбрасывать? Народ, если его в узде не держать... О-о, не удержишь потом. Обиделись они, войну затеяли. Наша земля, наши дома... Сидели бы тихо. А то — Новороссию им подавай, самостоятельно жить захотели. А шахты, предприятия — чьё это? Хозяев, что ли, нет?

Так что, Пётр Алексеевич, поддавай жару Донбассу, лупи их!»

И уже засыпая, решил: «Надо ещё денег «больным детям» перечислить. Пусть Порошенко автоматов да орудий подкупит. А то его шахтёры и вправду одолеют...»

— Вова, — сухо сказал Ямпольский в очередной беседе с редактором «Качелей». — Я полистал твою газету...

— Вашу, Семён Михайлович.

— Помолчи, не перебивай. Тематически ты страницы разнообразил, не спорю. Но нет забойных материалов. С критикой местных и московских властей. Их разве не за что критиковать?

— Думаю, есть.

— И я так думаю. Есть люди, оппозиционеры, они высказывают вполне здравые мысли. Люди эти на виду, они не прячутся, говорят то, что думают о нынешней власти. Их тоже надо привлечь, с кем-то из наших корреспондентов связать для постоянного сотрудничества. Мы с тобой говорили, чтобы подыскать такого парня или девушку. Нашёл?

— Пока нет, Семён Михайлович. Яковлев из местного выпуска «Комсомолки» отказался, из двух других газет — тоже. Они все хорошо получают, в редакциях их ценят. Люди с именем... Буду искать.

— Хорошо, ищи. Теперь вот что: через три месяца в области выборы губернатора. Макеева, нынешнего главу, поддерживать печатным словом однозначно. Сопровождать его в поездках, писать обо всём, к чему он приложил руку: картинную галерею открыл, помог мост построить в райцентре, аварийный дом расселил... Ну, и так далее.

— Мы это делаем, и я...

— Дальше! — перебил Ямпольский редактора. — В числе кандидатов коммунист Афонин. Причём, по предварительному опросу, он набирает много голосов. Его — мочить. За что бы он ни взялся — всё подвергать критике, сомнению, опровержению. Коммунисты время от времени выпускают агитационные листки, Афонин в них — ангел с крыльями. Всё обещает, всех убеждает: некоторые налоги отменить, детям войны добиться льгот, снизить плату за ЖКХ. Афонин даже кулинарные советы даёт.

Ямпольский засмеялся

— Я понимаю, это сейчас модно, по всем телеканалам учат варить, жарить, печь... Но будущий губернатор и — жареная картошка как-то не вяжется, согласись.

Жерехов кивнул: «Конечно, Семён Михайлович. Несолидно это. О государственных делах надо говорить».

Ямпольский на эту тему порассуждал ещё несколько минут, потом, отпустив Жерехова, углубился в свои мысли. Сердце его заныло, когда он вспомнил о Регине и её поступке — взяла вот и привела беженцев. Что ты будешь с ней делать?! Жену он узнал теперь с другой стороны, она проявила не то

что строптивость, но характер, причём недюжинный. И если он будет настаивать, потребует этой Олесе с её детишками уйти, Регина поступит так, как пообещала, возьмётся делить квартиру. Половина жилья её, да, тут не поспоришь.

Но как будет выглядеть он, Ямпольский? Выгнал на улицу бедных людей, оставшихся без жилья, денег, будущего?! Богатый человек, которого хорошо теперь знают в Придонске, который заслужил признание и авторитет у начальства, да и у своих подчинённых. Ведь эта история с беженцами обязательно станет известна, «Вестник Придонья» постарается изобразить шефа холдинга «Независимый полёт» таким монстром, таким бессердечным жлобом, что мало не покажется. Достаточно сказать журналистам одну фразу: «Семён Михайлович выгнал беженцев с Украины из своей громадной квартиры...»

Вот старая кляча!

Придётся смириться. Сделать вид, что в самом деле не возражает против проживания на своей территории матери с детьми. Что кое-кому следует последовать его примеру. Это поднимет его в глазах окружающих. Можно даже написать об этом в «Качелях»...

Пусть поживут, пусть. У Олеси этой ходовая специальность, медсёстры нужны в любой больнице. И квартиру, глядишь, найдёт. А с детишками её Регина пусть возится, раз хочет.

Кляча упёртая! Коза безрогая. Тьфу ты, господи!

...Дверь в кабинет Ямпольского полуоткрыта, видно, Жерехов, уходя, неплотно закрыл её, и Ямпольский слышит то, что происходит в приёмной. Судя по голосу, пришёл Веретенников, спросил, у себя ли Семён Михайлович?

— Так точно! — был военный ответ секретарши.

— Мне нужно к нему зайти.

— Без моего доклада не положено.

— Хорошо, доложите.

«Ну, баба! — усмехнулся Ямпольский. — Мёдом её не корми, только дай покомандовать».

Он сдержанной улыбкой встретил своего заместителя, показал на стул. Веретенников пришёл с хорошей идеей: продажу книг можно увеличить за счёт хорошей рекламы — в книжных магазинах выставить красочные плакаты с фотографиями как самих книг, так и их авторов. И немного сбавить цены, пусть и в некоторый ущерб, но зато книги не будут лежать мёртвым грузом на складе. Рекламу можно давать и в «Качелях», и в остальных газетах холдинга. Стоит прове-

сти встречу с потенциальными читателями, своего рода пресс-конференцию, позвать тех же авторов, пообещать автографы читателям, напечатать забойные, привлекательные отрывки из произведений...

— Ну, правило, Петро, ты знаешь: кто идею подаёт, тот её и осуществляет. — Ямпольский говорил и в то же время думал о своём — о гвоздём сидящей в мозгу домашней проблеме. Это мешало ему сосредоточиться целиком на разговоре с Веретенниковым, но тот сориентировался в настроении шефа, ему важно было получить одобрение в принципе, а детали, конечно, он проработает сам.

— Пора и расценки на наши типографские услуги увеличить, — продолжал Веретенников. — Мы в городе становимся монополистами, крупных типографий больше нет, мелкие нам не конкуренты, они печатают всякие бланки, афиши... в общем, ерунду.

— Давай, повышай. Согласуйте это с Ларисой Ивановной.

Потом они заговорили о ситуации на Украине, Ямпольский заметно оживился, слушал Веретенникова более внимательно. Тот развивал мысль, что со стороны незалежной грядёт какая-то большая провокация, американские советники, что сидят в Киеве, наверняка ломают над этим голову.

— А ты откуда знаешь? — спросил, усмехнувшись, Ямпольский.

— Предчувствие, Семён. Порошенко и его окружение в некоем тупике, жечь свой город и уничтожать людей — это не в их пользу. Мы, Россия, как бы во внутренние дела Украины не лезем, доказательств никаких. А вот обрушить на нас большую международную беду..

— А что бы ты предложил? — Ямпольский в упор, с интересом смотрел на своего заместителя.

Веретенников невольно дёрнулся.

— Семён, ты что? Я же не террорист! Американцы сами придумают, не сомневайся.

— Да я шучу, шучу. Просто...сам думаю: какую ещё пакость можно России ввинтить.

Веретенников озадаченно посмотрел на шефа — понял он что сказал?.. Впрочем, не надо так буквально толковать его слова. Он же не о себе говорил — об американцах.

На проходной холдинга Жерехов разговаривал с какой-то молодой женщиной. Увидев выходящего Ямпольского, шагнул ему навстречу.

— Семён Михайлович, вот, познакомьтесь...Коллега наша, журналист.

В другое время Ямпольский фыркнул бы на Вову, мол, занят, на ходу не привык знакомиться и прочее. Но женщина сразу привлекла его внимание своей внешностью: на голове её, как у Тимошенко, лежала русая коса, и вообще она была немного похожа на Юлию.

— Ну, давай, знакомь, — нейтрально проговорил Ямпольский. — Меня зовут Семён Михайлович.

— Юля, — она подала руку.

— Может, у вас и фамилия «Тимошенко»?

Юлия улыбнулась.

— Нет, фамилия у меня русская — Дубовик.

— Понятно.

— Юля хочет нам предложить свои услуги, Семён Михайлович. — Жерехов явно симпатизировал молодой женщине.

— Ну что ж, я, в принципе, не против. Вы с каких к нам небес?

— Я из Сибири, из Томска. Работала в областной газете. Член Союза журналистов. Когда разменяли с мужем... с бывшим мужем квартиру, я переехала сюда, в Придонск. Здесь климат мягче и люди хорошие.

Это был, конечно, лёгкий, но вполне понятный комплимент мужчинам, которые стояли рядом, и Ямпольский не удержался с ответом:

— Спасибо на добром слове.

Теперь он повнимательнее разглядел женщину: скромно, в джинсы и белую блузку одета, цепочка на белой шее, макияж в меру, а синие её, большущие глаза и вовсе в нём не нуждались — так они были выразительны и глубоки.

— В ваших глазах, Юля, можно утонуть, — не удержался Ямпольский.

— Тоните, — с тонкой усмешкой проговорила она. — Только спасательный круг я с собой не ношу.

Ямпольский жестом отправил Жерехова по делам: дескать, я сам побеседую с претенденткой, а когда тот удалился, предложил Юлии:

— Давайте мы продолжим беседу в другом месте. Например, в кафе? А?

— Кто бы возражал!

Юлия вела себя раскрепощённо и в то же время с достоинством человека, знающего себе цену. Так ведут себя журналисты, артисты и вообще публичные люди.

Уже в машине она продолжала отвечать на вопросы Ямпольского. Скоро он знал, что у неё здесь, в Придонске, однокомнатная квартира на юго-западе города, что в газете она работала более десяти лет, муж полюбил другую, детей у них

нет. Что ещё? Профессию свою она ни на что другое не меняет, местные газеты читала, предпочтение отдала «Качелям», еженедельник ей нравится — хорошо, по-современному верстается, цветная печать, разнообразные темы...

— А что не нравится? — спросил Ямпольский. Они уже сидели в кафе, ждали официанта.

— Некоторые темы можно давать поострее.

— Вот. Правильно. Это я и редактору, Жерехову, постоянно говорю. А как вы, Юля, насчёт Украины?

— А что конкретно?

— Там война идёт...

— А-а... Я против, конечно. Хотя нынешнюю их власть можно понять: Крым Россия к себе переманила, Луганск с Донецком народными республиками провозгласили. А у самой России такая же ситуация была — в Чечне. Как не воевать?

— Да, да, правильно, — кивал Ямпольский. — Но мир в Чечне нам дорого обошелся.

— Зато теперь живём спокойно. Кадыров — друг Путину.

— Дай бог, дай бог. Может, и Порошенко с Путиным подругаются.

Подошёл официант с подносом, они некоторое время молчали, закусывали.

— Юля, давайте мы так поступим: вы напишете материал... Ну, скажем, на предвыборную тему. В сентябре выборы губернатора в нашей области, претендуют на эту должность пять человек, в том числе и действующий губернатор, Макеев. Но меня интересует одна личность — коммунист Афонин. Напишите о нём. Что за человек, чего хочет, какая у него предвыборная программа. Вектор очерка я вам не указываю — как напишете.

— Проверяете мою политическую платформу, Семён Михайлович?

— Можно сказать и так. Интересно. Но материал покажет и ваш литературный, профессиональный уровень.

— Я вам могу показать вырезки из газеты, где я работала.

— Не надо. Напишите для нас. Строк триста-четыреста.

— Хорошо, поняла.

Они простились у порога кафе: Юлия сказала, что ей надо захватить в полицию, в паспортный стол, это в другую сторону, а Ямпольский, пожелав женщине удачи, укатил на работу.

Перед этим она спросила у него, уже на пороге кафе:

— Вы украинец, Семён Михайлович?

— Да. А как вы догадались?

— У вас лёгкий, едва заметный акцент. Слова украинские вставляете, ударения бывают не те... Я лингвист, поэтому заметила. Простите.

— Да зачем извиняться?! Всё правильно. Хохол я в прошлом, да.

...Юлия накупила местных газет, внимательно просмотрела предвыборные материалы, уяснила, что самый высокий рейтинг у действующего губернатора, Макеева; выдвиженец КПРФ, Афонин, был на втором месте, ещё три человека были как бы фоном, для массовости. Очерк у неё получился завидным — и по форме, и по содержанию. Коммунист Афонин выглядел в нём во всей красе — и умный, и образованный, и радеющий за народ, это сквозило в каждой строчке его предвыборной программы. Ямпольский подивился мастерству Юлии Дубовик — как это она смогла столько вытащить из человека?! Он, ведь, тоже читал программу Афонина, но ничего такого, что привлекло бы внимание масс, не заметил. И если этот очерк напечатать, то неизвестно ещё, сумеет ли Макеев набрать нужное количество голосов.

Он подготовился к разговору с автором; Дубовик, явно талантливый человек, нужна была ему в другом качестве, бойкое её перо должно писать иные вещи.

— Юлечка, — ласково сказал он, когда по звонку она явилась в его кабинет. — Такие хвалебные очерки — в прошлом. Афонин в своей программе явно опирается на работы товарища Зюганова, я кое-что читал в «Советской России» или в «Правде»... не помню точно. Это коммунистическое мышление, оно зовёт назад, в прошлое. А мы живём в двадцать первом веке и в новом государстве. И пресса наша другая. Сейчас нужны сенсации, разоблачения, критика коррупционеров, прежде всего чиновников. И не всё у нас благополучно в стране, да. В России есть много людей, думающих по-другому, нежели власть.

— Вот Афонин и Зюганов как раз и думают по-другому, Семён Михайлович, — возразила Юлия.

— Юлечка, — Ямпольский не менял ласкового тона. — Коммунисты не просто оппозиционеры, они — ярые сторонники возврата социалистического строя. И будут биться за это до конца. За социальную справедливость, за лозунг «отнять у богатых и поделить», за народовластие и прочее, что мы уже проходили. И кончили эту эпопею с позором. Сейчас мы живём в капиталистическом обществе, и лично я, честным трудом создавший со своими единомышленниками этот вот холдинг! — он постучал авторучкой по крышке стола, — не желаю, чтобы у нас всё это отняли. Ты понимаешь меня?

— Да, понимаю.

— Замечательно! И раз ты пришла ко мне наниматься на работу, ты должна разделять мою точку зрения на жизнь и окружающий мир. Я бы не стал так подробно говорить с то-

бой, — продолжал он после небольшой паузы, — если бы не увидел в тебе талантливую человека. И я хочу, чтобы ты у нас работала.

— Но разве нельзя писать очерки о хороших людях?

— Да ради бога, пиши! Сколько угодно. О бизнесменах, людях, добившихся успеха и признания в обществе своим трудом, начавших с нуля, с торговой палатки, а теперь состоявшихся, разбогатевших, помогающих другим. Вот, есть в нашем городе известный бизнесмен, депутат Государственной Думы — Моржов. Я его имел в виду, когда рассказывал о человеке, начавшем с торговой палатки. Сколько он людям помогает, больницам, школам! О нём писали, да, но всё как-то куце, заметками. А ты бы могла о нём могучий очерк замастырить, а то и книжку написать. Я чувствую, это у тебя получится. Или другой депутат Думы — Легостаев. Тоже, кстати, из КПРФ, как и полюбившийся тебе Афонин. И тоже меценат. Это теперь другие люди, они мне, как издателю, интересны. О них хочу читать, их труд и жизнь пропагандировать.

— Буду иметь в виду, Семён Михайлович.

— Да, имей. Что же касается этого очерка, — он подвинул листки на край стола, — оставь у себя в архиве. На работу я тебя возьму, с испытательным сроком. Жду от тебя и вот каких материалов: в Москве есть люди, которые думают о нашем правительстве и президенте... как бы это помягче сказать... нестандартно. Читаешь центральную прессу?

— Читаю, — кивнула Юлия, берясь за авторучку.

— Да тут нечего записывать, так запоминай... Это певец Макаров, писатель Быковский, артистка Жакова, ещё артист из Питера, Басилов... Ну, и так далее. Хорошо, если бы ты время от времени брала у них интервью. В Москву мы тебя сможем командировать. Но и тут, в Придонске, такой народ поищи. Пусть говорят. Для всех полезно.

— А... с цензурой как?

— Да нет сейчас в России никакой цензуры, Юля. Наш холдинг — самостоятельная хозяйственная единица. Мы с тобой, наша совесть и наши убеждения и есть цензура. Кто мне сможет сказать — что печатать, а чего нельзя? Я же не призываю напрямую к государственному перевороту, межнациональным конфликтам, не прославляю воров и бандитов! Я приветствую только свободу слова, свободную прессу. А ты будешь всё это реализовывать печатным словом. Окей?

— Окей, — Юлия подавила вздох. Что-то ей в разговоре явно не нравилось, Ямпольский заметил это. Сказал: «Я могу дать тебе день-другой на размышление».

— Да нет, я согласна!

— Послушай, — он потянулся было к переговорному устройству, чтобы вызвать Жерехова, помедлил. — Ты из какой семьи? Как журналистом стала?

— Да из простых я, Семён Михайлович. Родители обыкновенные, из рабочих. Отец на железной дороге машинистом был, мать — на почте служила. Сейчас оба на пенсии, там живут, в Сибири, в Томской области. А журналистом я по призванию стала. Со школьных лет. В стенгазету писала, потом в молодёжную газету, потом в партийную.

— Я это почувствовал. Будем тебя переделывать, Юлечка. — Ямпольский добродушно засмеялся, засмеялась и Юлия, но смех у неё получился какой-то неестественный, глухой.

Пришёл по звонку Жерехов, Ямпольский велел ему оформлять Юлию Дубовик на работу внештатным корреспондентом с испытательным сроком на два месяца, кивком головы попрощался с обоими. Смотрел вслед женщине, думал: «Придётся из тебя, голубушка, выветривать социалистический дух. Кобылка ты с норовом, вижу. Но ничего, объездим. Будешь дифирамбы петь нашему строю, будешь!..»

На пороге кабинета возникла секретарша, вытянулась по стойке «смирно»:

— Разрешите доложить, Семён Михайлович?

— Докладывайте. — Он спрятал невольную улыбку.

— Эта женщина, что была у вас в кабинете, сфотографировала покрышки и мешки с песком, то есть, майдан, у меня в приёмной.

— Это ещё зачем?!

— Она сказала, что просто так. Забавно.

— Гм. Хорошо, идите. И принесите мне чаю.

— Есть!

Секретарша ушла, а Ямпольский позвонил Звереву:

— Георгий, убери с ребятами майдан. Поиграли, хватит.

— Понял, — был краткий деловой ответ.

Мобильный телефон, который Ямпольский держал во внутреннем кармане летнего лёгкого пиджака, позвал его хриплой песней Высоцкого: «И думал Будкеев, мне челюсть кроша: и жить хорошо, и жизнь хороша!»

Он нажал кнопку.

— Слушаю. Алло!

— Здорово, Сэмэн!

Знакомый уже ступор овладел всем его телом — голос был знакомым, давно забытым, из прошлой, далёкой жизни.

— Вы... вы куда звоните? — только и нашёлся он сказать.

— Да тебе, тебе звоню, Рогач! Не прикидывайся. Брыль это, Яшка. Вспомнил?

И всё же Ямпольский попытался вильнуть:

— Мне кажется, вы ошиблись номером.

— Ничего я не ошибся, Рогач. Слушай сюда: в семь вечера жду тебя в ресторане «Русь». Покормишь меня, попоишь. Не придёшь — хуже будет. Ты меня знаешь. Всё!

Ямпольский глянул на часы — 18.05. Время ещё есть. Надо собраться с мыслями, надо решить, что делать.

Руки его дрожали.

Он бестолково перекладывал на столе бумаги.

В который уже раз зачем-то проверил — на месте ли мобильник?

Да, телефон был на месте. Впрочем, он понял, зачем хотел убедиться в этом: если что — нужно будет позвонить Регине. Но какой будет прок от его звонка?

Зверев нужен, вот кто!

Ямпольский выбежал в приёмную. Секретарша собиралась уже домой.

— Вы... вызовите мне Георгия Вахтанговича! Срочно!

— Если он не ушёл...

— Найдите! Срочно ко мне!

— Есть!

«Дура эта со своими «есть!», «так точно», — Ямпольский метался по кабинету. — И переучивать её поздно...»

Зверев, на счастье, не успел уехать, звонок застал его на проходной. Вернулся.

Ямпольский усадил Зверева на диван, сел рядом, потом вскочил, снова выбежал в приёмную — секретарша сидела на своём месте. Выпалил:

— Вы почему здесь?

— Я подумала, что могу вам понадобиться, Семён Михайлович.

— Нет-нет, идите отдыхать. Шофёру скажите, пусть ждёт.

Он захлопнул и дверь в приёмной. Теперь им никто не мешал.

Ямпольский сел рядом со Зверевым.

— Георгий... у тебя фотоаппарат есть?

— Да, конечно.

— Вот что... Меня, можно сказать, шантажируют. Назначили стрелку в ресторане, в семь. Я должен ехать. А ты... бери фотоаппарат, пару крепких ребят, и — за мной. Оружие у вас есть?

— Травматика.

— Ничего, сгодится. Сядете неподалёку от стола, где я буду сидеть. Наблюдайте. Щёлкнешь типа, с которым я буду разговаривать. Но так, чтобы он не заметил.

— Семён Михайлович, спокойнее, прошу! Что случилось? Что это за человек? Чего он хочет от вас?

— Сам пока ничего не знаю. Позвонил, назначил встречу. Это мой старый знакомый, с Украины.

— Понял. Давайте положим вам в карман пиджака диктофон.

— Не надо. Я и так всё запомню. Без моей команды ничего не предпринимать, ясно? Человек этот очень опасный.

— Это... Брыль? — спросил вдруг Зверев.

Желваки волнами заходили по испуганному лицу Ямпольского.

— Да, он.

— Езжайте спокойно, Семён Михайлович. В обиду не дадим.

Брыля он сразу не узнал. Сидел в углу ресторана какой-то невзрачный лысый мужик в клетчатой рубашке с коротким рукавом и через очки изучал меню. Ямпольский прошёл было мимо него, но Брыль бросил властное:

— Сюда садись.

Когда Ямпольский сел, поднял на него глаза:

— Сам пришёл? Или «хвоста» привёл?

— Сам.

— Гляди. Вольна у меня вот тут, под салфеткой. Первого тебя уложу, если что. Мне терять нечего.

— Понял. Не дёргайся. Ты же пришёл просто побазарить, так?

Поросшее недельной щетиной лицо Брыля передёрнула злобная гримаса.

— Ага, просто побазарить. Охота мне по всей России рыскать. Десять лет тебя, суку, искал. А ты, оказывается, вывеску сменил, из Рогача в Ямпольского превратился, бороду отпустил, попробуй найди. Как это я сообразил, что ты «замуж за свою жену, Регину Ямпольскую, вышел»?! В Россию укатил... Молоде-ец!.. Так, давай хавку заказывай, жрать хочу. Всё самое лучшее: мясо, рыбу красную, икру, вино белое... Ямпольский кивнул, жестом подозвал официанта, потыкал пальцем в странички меню: «Это...это...это...»

Незаметно, как ему казалось, оглянулся: Зверев с двумя парнями сидел неподалёку. Брыль заметил его телодвижение, усмехнулся:

— Вон те, три мордоворота, твои?

— Я же сказал, Брыль... сам пришёл.
— Не забыл, как меня зовут?
— Не забыл, Яша. Ты сбавь обороты, давай спокойно по-
базарим.

— Спокойно?! Может, обнять тебя прикажешь? Как брата? А ты, сука, денюжки наши общие умыкнул и слинял из Львова. А меня закрыли на шесть лет. И все эти годы баланду тюремную хлебал, тебя, гада, вспоминал... А когда вернулся, Рогача, своего поделщика, не мог найти. А он вон где — в России. Миллионером стал, большим начальником!

Голос у Брыля низкий, сиплый, шея его от натуги покраснела, лицо дышало злобой, ненавистью.

Ямпольский молчал. Слушал, почти ничего не ел, дрожащие руки время от времени совал между колен — так они тряслись, выдавали его волнение и страх.

— Куда грабли прячешь? — Брыль хорошо понимал состояние своего визави, в душе торжествовал, но слова у него были направлены в одну точку: он бил, уничтожал сейчас своего компаньона по грязному делу, который оказался двойным кидалой, двойным шулером. Это бесило его больше всего.

— Да я... Я... — Ямпольский не знал, что говорить.

— Сиди и слушай.

— Слушаю, Яша.

— Я в Придонске уже недели две ошиваюсь. — Брыль выпил вина, пожевал мяса. — Хатку снял, о тебе справки навёл. Неплохо ты, Рогач, устроился в России, неплохо. Богатым человеком слывёшь. Как же: генеральный директор издательского холдинга. Уважаемый человек... Сука! А я гнил на нарах, у меня хавки хорошей не было, курева.

— Я не знал, Яша.

— Не знал он! Ты и не хотел знать, что со мной сделали, когда я после Киева во Львове снова объявился. На меня сразу же кольца на лапы нацепили. Дольщики к ментам пошли, к прокурору.. А кого брать? Где люди, которые обещали дом построить, деньги с людей собрали? Да вот он, правда, один. А другой где? А другой задрал хвост, бабки на карман и — вон где!.. Это я потом, после зоны, тебя стал искать. Ищу Рогача Семёна Михайловича, а такого нет нигде, не существует на белом свете. А Ямпольский Семён Михайлович — жив, здоров и процветает. Сколотил на наши общие бабки состояние и... Сука ты, Семён, Сволочь и падла. Убить тебя мало.

— Убивай. Ты же за этим приехал?

— Нет, не за этим. И на зону снова не хочу, и бабки мои мне нужны... И как это мне в голову пришло, что ты фамилию сменил?!.. Здесь-то я тебя быстро вычислил. Адрес твой уз-

нал, про холдинг в местной газетёнке прочитал... «Качели», что ли, называется. Там твоя морда, интервью какое-то про русских людей. Мол, самая великая и честная нация, своих не обижает и не бросает... Я смеялся, когда читал. Надо же, брехло ты какое! Даже не думал. Хотя ты на телевидении этому у нас во Львове научился, это я потом понял... Ну, я адрес твой узнал, телефон домашний. С Региной твоей разговаривал. Она-то баба порядочная, сказала, как ты Ямпольским стал, «замуж за неё вышел...».

Брыль засмеялся булькающим, хриплым смехом, рот его блеснул жёлтым металлом.

— Регине... это ты зря рассказал, Яша.

— Ничего не зря. Пусть знает, с кем живёт. Ты мне пакость сделал, я — тебе, бумерангом. Глотай теперь. А Регина даже в гости меня приглашала. Понимает, что теперь вам кирдык, многого придётся лишиться.

Брыль снова хлебнул вина, затянулся сигаретным дымом, наслаждался набитым дорогой едой желудком. Со стороны могло показаться, что за дальним этим ресторанным столом — два добрых приятеля, которые давно не виделись, соскучились друг по другу, мирно беседуют о каких-то делах, что у них всё хорошо и прекрасно, жизнь удалась. На самом деле напряжение за столом росло, Ямпольский нервничал, не находил себе места — Брыль не сказал пока, чего он хочет, на что претендует.

— Что ты хочешь, Яша? — не выдержал он.

Брыль докурил сигарету, замял в пепельнице окурок.

— Я навёл справки, чем ты тут владеешь: две типографии, магазины, транспортный цех... Короче, половина моя. Иначе... — он кивком показал на бугорок под салфеткой, где лежал пистолет.

Ямпольский судорожно сглотнул.

— Яша, наш холдинг — это закрытое акционерное общество. Мои акции — это одно, а люди... как я с ними?

— Да плевать мне на людей, Рогач! Я отдал тебе в руки кучу гривен. Посчитай, сколько это в рублях и долларах. И подели пополам. А потом прибавь проценты, которые набежали за эти годы. Вот это и будет сумма, которую ты мне должен. Будешь чего-то вякать противное моему уху, придётся разговаривать с ним. — И теперь он открыто, не таясь, приподнял салфетку, под которой тускло блеснул в свете люстр ресторана «макаров».

Ямпольский тупо, не мигая, смотрел на руки Брыля — худые, жилистые, с неухоженными, грязными ногтями. Да, такие руки могут сделать всё, что угодно.

— У меня сейчас нет таких денег, Яша! — взмолился он. — Я должен что-то продать, в том числе акции, может быть, квартиру...взять кредит...

— Продавай, покупай, меняй...Срок — десять дней. Я позвоню. И предупреждаю, Рогач: со мной не шути. Теперь ты от меня никуда не денешься. Пока!

Брыль допил вино из голенастого бокала, жевнул балыка, сунул пистолет в карман брюк и ушёл.

Ямпольский обернулся к Звереву, помотал головой, мол, ничего не надо предпринимать...

Потом, с глазу на глаз, они долго говорили о ситуации.

Зверев был категоричен:

— Семён Михайлович, возиться с ним нечего. Человек в нашем городе чужой, искать его никто не будет.

— На что ты намекаешь, Георгий?

— На то и намекаю — чужой, приезжий, временный...

— А если он не один здесь?

Зверев хмыкнул

— Да, это верно. Надо будет походить за ним, понаблюдать.

— Вот. Походи, понаблюдай: где живёт, с кем встречается...А я пока потяну время...

И снова, как каждый теперь вечер, из глубины квартиры донёсся звонкий детский смех, веселье. На появление Ямпольского — соответствующая реакция:

— Дедушка пришёл! Дедушка Сеня! Ура-а-а...

Элинка выбежала в прихожую, бросилась к Ямпольскому, и он вынужден был подхватить девочку на руки.

— Ишь, шалунишка! Тебя из коридора слышно. Чем вы занимаетесь?

— А мы с Никитой в разбойники играем. Он сыщик, а я — разбойник. А ты хочешь с нами поиграть? Будешь прятаться, а мы тебя искать...Вот, смотри: это мешок с деньгами, ты его украл...

— Нет, Элинка, я чужого не беру.

— Ну ладно. Тогда покатай меня верхом. Но-о, лошадка! Поехали-и...

Вышла в прихожую Регина, по её лицу Ямпольский понял, что Брыль не врал — он звонил сюда, общался с его женой.

Регина взяла девочку на руки, сказала:

— Элинка, хватит на сегодня играть. И дедушке надо отдохнуть, он с работы. Никитка, идите мыть руки и — за стол. Быстренько, быстренько!

Дети убежали в ванную; там зашумела вода, Элинка явно бедокурила, брызгалась, Никита её одёргивал: «Не балуй! Ты не дома». «А вот и дома! — задорно отвечала девочка. — Мне здесь нравится, и я всегда здесь буду жить, с бабушкой и дедушкой».

— Они нам не родные.

— А мне родные, понял?

У Регины в измученных глазах стояли слёзы.

Они сидели на кухне, молча смотрели друг на друга. Наконец у неё вырвалось из самой души:

— Что ж ты натворил, Сеня? Как теперь быть? Он ведь не успокоится, я это поняла. Столько агрессии, злобы в голосе! Он и убить может.

— Может, — печальным эхом отозвался Ямпольский. — Уголовник, что с него взять!?

— Что ж ты мне ничего не сказал, когда вы с ним затевали ту аферу со строительством. И зачем ты присвоил чужие деньги? Прожили бы на свои.

— Свои, чужие... Жалко было их отдавать. Я знал, что Брыля посадят, думал, не выживет там, на зоне. Он же большой насквозь...

— Сначала людей столько обманули, потом ты Брыля... Совсем как на киевском майдане. Политики же обманут тех, кто там собрался. Им надо было Януковича сместить, показать, что они с народом, за народ. А на самом деле... Там наших много, львовских. Поверили, побросали дела. А потом их всех разгонять будут, попомни мои слова!

Ямпольский молчал. Что ему было говорить? Регина права, но задним умом и он силён. Можно было уехать из Львова и с половиной той суммы, которую они собрали с Брылем, но чёрт вот попутал, соблазнил! Эх! Ломай теперь голову.

— Ты не вздумай Олесе что-нибудь сказать, — уронил он в пол.

— Да ну что ты! Об этом и речи быть не может! — Регина глубоко, протяжно вздохнула.

Они снова умолкли — дети явились из ванной, и Регина взялась накрывать на стол.

В прихожей коротко звякнул звонок, Элинка бросилась туда с криком: «Мама! Мама пришла!»

В самом деле, Олеся. У неё — заплаканное, расстроенное лицо.

— Что случилось, Олеся? — Регина тревожно заглядывала квартирантке в глаза.

— Папку нашего ранило. Звонили сегодня из Луганска... В больнице он.

— Серьёзно?

— Да, наверное. Врач сказал, что он без сознания. О подробностях ранения не стал ничего говорить. Сказал: надеяться.

— О, господи! Час от часу не легче... Ну, иди, переодевайся, ужинать будем.

— Крепитесь, Олеся, — произнёс и Ямпольский.

История с ранением незнакомого человека его не тронула: человек понимал, что делает — там, где стреляют, там и убивают, ранят. И вообще, новую жизнь часто начинают с потерями. Чего шахтёры Луганска и Донецка добиваются? Самостоятельной богатой жизни. А это не всем дано, надо понимать...

Где взять те миллионы, которые он должен отдать Брылю?

И надо ли их отдавать? Своё же теперь, горбом и умом заработанное. По живому ведь резать, с кровью рвать.

Жалко. Нельзя отдавать.

Диван в кабинете Ямпольского — его место отдыха, его молчаливый советчик, его проверенный кореш. Он мог с ним разговаривать, доверять ему тайны.

Одним из кандидатов на предстоящих выборах губернатора был некто Мануйлов, крупный бизнесмен. По совету Ямпольского Юлия Дубовик написала о нём очерк, и сейчас Ямпольский читал еёopus.

Читал с удовольствием: Дубовик, безусловно, хорошо владела пером. Она в подробностях, с художественными деталями, рассказала о жизни Мануйлова, о трудном его пути наверх, к большим деньгам и общественному признанию, к авторитету в деловых кругах; автор особо сосредоточилась на целеустремлённости героя и его упорстве в достижении поставленной цели.

Ямпольский узнавал в очерке и себя, свой путь здесь, в Придонске, когда точно так же начинал с нуля, с попыток знакомиться с нужными ему людьми, с удачами и поражениями. И маленькими поначалу ступеньками вверх — к авторитету и признанию.

Мануйлов тоже многое преодолел — занимался и благотворительностью, и помогал в благоустройстве города, и ремонтировал одну из школ в районе, в котором жил. Кроме того, он оказался хорошим семьянином, любил жену и двух своих дочерей, всегда был расположен к людям... Хорошо ориентировался в экономических процессах, писал докторскую диссертацию, владел английским языком. Словом, Мануйлов, как будущий губернатор, вполне соответствовал требованиям.

Ямпольский похвалил Юлию, она, слушая, цвела.

Потом он положил рукопись на стол, сказал вдруг неопределённое, тягучее: «М-да-а...»

Дубовик насторожилась.

— Знаешь, Юля, всё-таки у меня какое-то странное ощущение... Читаешь — всё вроде хорошо, а в душе остаётся некий осадок.

— Какой, Семён Михайлович?

— Да такой, что этот Мануйлов — сволочь.

— ?!

— Ты, дорогая, владеешь подтекстом, умением строить в материале второй, невидимый поначалу ряд, который заставляет делать определённые выводы на подсознательном уровне.

— Не понимаю. — Дубовик опустила глаза.

— Да не прикидывайся, не надо. Мануйлов у тебя будто бы хороший — и то он умеет, и это у него хорошо получается. И с людьми он запанибрата. А приглядишься — жулик и махинатор. Обманывал своих компаньонов, спекуляцией занимался ещё в советские времена, брал и давал взятки, «откатами» промышлял. Потому и разбогател. А?

Юлия опустила глаза.

— Семён Михайлович, да я... Я вовсе к этому не стремилась. Так, наверное, получилось. Мануйлов — открытый, прямой человек, не скрывал ничего, рассказывал, как было. А я только записывала.

Ямпольский, наблюдая за журналисткой, расхохотался.

— Да ладно тебе, не переживай. Напечатаем твой материал. Наш он, этот Мануйлов, наш человек. Все мы такой путь прошли, или почти все. Но губернатором ему, конечно, не быть — у Макеева большая поддержка в народе, заслуженный авторитет. Пусть работает... Вот что, Юля: хочу попросить тебя об одном одолжении — прочитай небольшую повестушку моего знакомого. Дело это, разумеется, уже писательское, но поскольку ты лингвист, имеешь специальное образование...

— Да я с удовольствием. Давайте.

Ямпольский вынул из нижнего ящика стола свою рукопись, ту самую детскую повесть, которую читала Регина, некоторое время держал её на руках, словно размышляя — отдавать ли?

Юлия тут же развязала тесёмки, глянула первую страницу, заметила:

— Слог хороший. Просто, образно... Ладно, почитаю. Заметно, что писал украинец.

— Почему заметно?

— Слова украинские употребляются, интонации...

— Это плохо?

— Да нет. Наоборот, определённый колорит передаётся, слышится украинская речь, в лучшем своём виде

— Да, да, — соглашался Ямпольский. — Читай.

...Она прочитала повесть довольно быстро, в два дня, позвонила Ямпольскому, и тот предложил ей встретиться в ресторане, в обеденный перерыв.

За столом Юлия вела себя свободно, легко, ей было комфортно с Ямпольским, он это чувствовал, видел.

Повесть она похвалила, сказала, что её вполне можно печатать.

— Можете передать это своему другу, — с улыбкой сказала она, и Ямпольский понял, что она догадалась об авторстве.

— Правильно: моя эта вещичка, моя. Просто я сомневался. И жене моей она не понравилась.

— Нет, ничего, ничего, — Юлия говорила вполне искренне. — Хоть и не новая тема, послевоенное детство, но сделана вещь вполне достойно, оригинально. С удовольствием получила бы от вас книжку с дарственной надписью.

— Обязательно подарю.

Весь этот разговор, синие большие глаза Юлии, в которых он видел подлинный интерес к себе, потянули Ямпольского на откровенность, чуть ли не на исповедь. Он рассказал Юлии о жене («Не понимает она меня, Юля, не понимает...»), о том, как устраивался в своё время в Придонске, как создавал свой бизнес. В откровениях он был всё же избирателен, знал, что можно говорить, а что не стоит... И она разоткровенничалась: рассказывала о своей жизни в Томске, о бывшем муже, о его похождениях и неверности. Ямпольский слушал со вниманием, сочувственно, время от времени брал её руку в свои, и она не противилась.

Прощаясь, Ямпольский коротко приобнял женщину, она ответила встречным телодвижением, и они расстались.

Уже в маршрутке Юля достала из сумочки диктофон и выключила его. То, что в нём было записано, она прослушает дома.

...Через несколько дней Юлия пригласила его к себе домой.

Лёжа в постели, поглаживая шёлковое её плечо, Ямпольский на какое-то время забыл обо всех проблемах, которые на него свалились в последнее время, слушал жаркий шёпот изголодавшейся по ласкам женщины, и сам упивался этим мгновением жизни, открываясь всё больше. Кажется, не ос-

талось уже никаких тем, на которые бы они не говорили. И семейные, и о делах, связанных с холдингом, и о событиях на Украине. Ямпольский совсем потерял осторожность, неодобрительно высказался по поводу Крыма — мол, зря Россия взяла на себя ответственность за раздел независимой, помянула Луганск и Донецк, а теперь — что? Приходится и нам, российским бизнесменам, помогать Украине, её патриотам, не одним только сочувствием...

У него едва не сорвалось с языка о перечислениях «большим детям», Юлия обязательно спросила бы: что это за дети? Где живут и прочее. Глазастая эта талантливая журналистка сумела бы выпытать у него нечто лишнее, что нельзя было говорить посторонним, что могло обернуться для него крупными неприятностями, если не сказать о большем.

Молодец, вовремя остановился.

Всё же он сказал, что «н а ш и х хлопцев выручают денежные люди»; Юлия, потянувшись в истоме ладным, крепким телом, как бы нейтрально, незаинтересованно, заметила, мол, да, Америка поддерживает Украину, это всем теперь известно, чего об этом говорить?! Он возразил, что не только Америка финансирует украинских военных, и местные олигархи содержат целые батальоны, и...

Снова у него вовремя сработал внутренний тормоз, хотя на языке вертелось: «Да и я лично на пару-тройку БТРов подкинул...»

Потом они снова занялись любовью тел, им обоим было хорошо, часы летели незаметно. Юлия старалась выполнять все пожелания Ямпольского, он это оценил; оглушённый ласками, совсем не замечал её игры, ненатуральных стонов, страстных вздохов: «О-о... Как хорошо—о... Я никогда такого не испытывала-а...»

— Где же ты была всё это время? Почему я не встретил тебя раньше? — бормотал Ямпольский, ненасытно целуя её распухшие уже от лобзания губы и широко раскрытые синие глаза. — Тону же я, Юлечка, тону! Что ты со мной делаешь?!

Она же в это время думала о диктофоне, в катушке которого кончалась плёнка. В конце записи диктофон щёлкал, сигналила о том, что пора плёнку перематывать, катушку менять... Но слава богу, Ямпольский встал, пошёл в туалет, и она успела сделать то, что надо.

— Послушай, Юлька, — уже по-свойски, благодушно сказал он, вернувшись. — А зачем это ты майдан наш в прихожей фотографировала?

— Да так, ради хохмы, — улыбнулась она. — Я скорее, эту мымру, что сидит в приёмной, сняла. Сидит, как... мамонт. «Я

доложу, без доклада не положено...» Гав, гав!.. Где вы такую нашли?

— Нашёл вот, — он притянул её к себе. — Чтобы не отвлекала...

— А-а... поняла.

«Пакость» для России, о которой когда-то мысленно по мечтал Ямпольский и пожелал ей этого, случилась: 17 июля четырнадцатого года над Украиной был сбит «Боинг» малайзийских авиалиний с почти тремястами пассажирами. Упал он (вернее, то, что от него осталось) в пятидесяти километрах от российской границы, и это больше всего сокрушало Ямпольского.

— Ну, как же так, хлопцы?! Каких-то пятьдесят километров... Надо было чуток повременить, потянуть какую-то хвильну...

В телевизоре развернулась баталия: Киев обвинял Россию и ополченцев, утверждал, что это именно они сбили самолёт. Российские генералы у карты в полстены доказывали обратное; ополченцы говорили, что у них нет такого оружия, которое доставало бы самолёты на высоте десять километров; ещё две бабы из деревни, где рухнули обломки «Боинга», клялись корреспондентам, что видели в момент взрыва два самолёта — второй самолёт, поменьше, пустил ракету, а потом улетел; но его тоже сбили, и упал он вон там, за лесом.

В свою очередь, Киев показывал какую-то карту, где стояли его войска и где не видно было никаких ракетных комплексов...

Короче, все отрещивались от бандитского этого происшества, никто не хотел брать на себя вину.

Слетелись было в столицу Украины с разных сторон эксперты и дипломаты, все хотели видеть обломки самолёта и останки людей, но попасть на место катастрофы им долгое время не удавалось, потому что бои не прекращались, а кому охота подставлять свою голову под осколки мин и снарядов?!

Время от времени куски разрушенного самолёта показывали; люди в марлевых повязках собирали тела погибших и их останки, российские дикторы сетовали на жару, на то, что Киев не прекращает кидать близ места крушения «Боинга» мины и снаряды, а ополченцы, мол, согласны перестать стрелять, надо же быть людьми, отдать погибшим должное.

Наконец «чёрные ящики», самописцы с «Боинга», были вручены малайзийским представителям, те передали их голландским экспертам, международная комиссия взялась расшифровывать записи и переговоры с землёй. Киев почему-

то не давал записи разговоров своих диспетчеров с бортом, и расследование затянулось. Версий падения самолёта было несколько — от поражения борта ракетой «земля—воздух» или с борта другого самолёта ракетой «воздух—воздух», — до взрыва бомбы внутри «Боинга», то есть теракта.

Многим было ясно: самолёт сбита Украина, но доказать это было не так-то просто — вмешались в это дело большие политические силы. Они тянули время и всё запутывали.

«Пусть теперь морочат друг другу головы, — радовался Ямпольский. — Найди виновного. Главное, сразу же обвинили Россию — это тоже кое-что значит. А майдан — он и есть майдан, на земле и в небе — кто кого вокруг пальца обведёт... И каких-то пятьдесят километров!.. Тьфу, чёрт! Упал бы «Боинг» на российской территории — вот был бы подарок!»

С плохо скрытым раздражением он у себя в кабинете смотрел следующие кадры: плачущая седая женщина из Луганска заламывала руки на фоне разбитого дома: «Да что же ты делаешь, Порошенко? За что убил мою дочь и внука? Чего ты хочешь, чего добиваешься?»

— Прожила жизнь и так не поняла ничего, — сказал ей Ямпольский и выключил телевизор.

Да, Брыль приехал в Придонск не один.

Парни Зверева ходили за Брылем, скоро выяснили, где он и его напарник сняли квартиру. Второй этот гражданин был очень осторожным, расчётливым человеком, выследить его оказалось непростым делом. И Брыль, и этот второй, появлялись на улице в париках, загримированные, вместе не ходили, использовали все правила конспирации.

И всё же ребята Зверева их теперь знали.

... — Ну что будем делать, Георгий? — нервно спрашивал Ямпольский у Зверева. — Время поджимает...

Сейчас Ямпольский был полностью зависим от начальника службы безопасности.

— Знаешь, — продолжал он, — я в таком состоянии, что готов отдать этому ублюдку сумму, которую он требует, только бы он оставил меня в покое. Давай соберём узкий круг акционеров: ты, я, Веретенников, Лариса Ивановна... Я объясню ситуацию. Продадим одну типографию...

— Семён Михайлович, не паникуй, не надо. — Зверев в эти дни властно и профессионально распоряжался организацией слежки за Брылем и его напарником, командовал и шефом. — Ты что — хочешь, чтобы о твоём прошлом узнали все в холдинге? И в городе?

— Нет, не хочу.

— Тогда помолчи. Я даже парням своим ничего лишнего не сказал. Велел им просто походить за этими «брюлями»... А там видно будет.

— Неделя прошла, Георгий. Надо что-то решать.

— А я думаю, думаю, не беспокойся. Но как акционер не собираюсь ничего терять. Ни копейки. Да и другие то же самое тебе скажут. И вообще, захотят ли видеть тебя гендиректором?

— Но у меня контрольный пакет акций!

— Да хоть два пакета. Народ соберётся и переизберёт тебя, если узнает... Возможно, во Львове на тебя не закрыто уголовное дело, Рогач Семён Михайлович в розыске, и если Брыль даст знать украинской милиции, что Рогач-Ямпольский жив и здоров, и проживает там-то...

— Ладно, не продолжай. Всё понятно.

Ямпольский со Зверевым сидели в его загородном доме, говорили уже часа три, но никак не могли прийти к общему мнению — что делать дальше? А решение подсказывала сама ситуация: Брыль должен замолчать. И хорошо ещё, если он действительно не оставил во Львове какое-нибудь заявление.

— Он ведь может, и получив деньги, сдать тебя, — напирал Зверев.

— Ты думаешь?!

— Да такая мразь на всё способна, Семен Михайлович! Просто отомстит тебе за отсидку. Так сказать, моральная компенсация.

— Да, может, может, — кивал расстроенный вконец Ямпольский. — Тогда мне просто вешаться.

— Вот, придумал!

— Но их же двое, Георгий!

— Надо подумать, как их ликвидировать, вот и всё. А такие дела, нераскрытые, сплошь и рядом. Поверь моему опыту. Сколько у нас было мёртвых всяков! Годами, помню, бились, ничего не могли нарыть. Нет свидетелей, нет зацепок. Труп есть, а толку-то? Кто убил, за что, при каких обстоятельствах — глухо.

— А этих... Брыля... как думаешь?

Зверев пожевал губами, сказал неохотно:

— Ну, заказчику не обязательно всё знать...

— Я — заказчик?

— А кто же?! Я, что ли? Моё дело с парнями переговорить... Да ты не переживай. Статья на всех одна будет, если что. А вот этого «если что» допустить нельзя. Всё нужно тщательно,

до самой последней мелочи продумать. Как вариант, давай обсудим: вызвать Брыля сюда, ко мне на дачу, по дороге его встретить, в лесу..

— Не годится, он сюда не поедет. Потребуется перечислить деньги и всё. Никаких личных контактов, он не дурак.

— Да, я бы тоже так поступил.

— Парням своим что скажешь?

— Найду что сказать. Но им заплатить надо...

— Само собой. Тебе я тоже хорошо заплачу.

— Годится. Операцию я продумаю. Они снимают квартиру на окраине города, квартира однокомнатная, на первом этаже. Они в основном сидят дома, пьют, колотятся. Форточки на кухне и в комнате ночью открыты... Пара бутылок с «коктейлем Молотова» и...

— Они, если выскочат, вызовут пожарных, полицию.

— Они не выскочат. Не успеют.

— Ладно, действуй.

Судьба Брыля и его напарника была решена.

Чтобы усыпить бдительность жертвы, Ямпольский сказал Брылю, когда тот позвонил:

— Яша, назови мне реквизиты твоего счёта.

— Ты сначала назови сумму.

— Та, которую ты сам назвал.

— Ладно. Реквизиты будут у тебя сегодня вечером.

— Яша!

— Да?

— Надеюсь, больше не будешь беспокоить?

— Не буду. Прощай.

Телефон Брыля отключился.

...И в самом деле, Брыль дураком не был. Подбросив в почтовый ящик квартиры Ямпольских бумажку с реквизитами, он, уже с улицы, позвонил Регине:

— Регина Иосифовна, если что со мной случится здесь, в городе, имей в виду, что к этому твой муж приложил руку. И за меня вам отомстят. Пока!

Из пресс-службы ГУВД: «27 июля этого года на улице Шинников в однокомнатной квартире заживо сгорели двое мужчин. Пожарный расчёт и следственно-оперативная группа выезжали на место происшествия. Как выяснило следствие, мужчины были в сильном алкогольном опьянении, найдены также использованные медицинские шприцы и множество пустых бутылок. Личности граждан устанавливаются».

Пришёл встревоженный чем-то Веретенников, сел у стола Ямпольского.

— Семён, — глухо сказал он. — Что-то меня «Качели» наши донимать стали. Читаю, читаю, многое не стал понимать. Вернее, я понимаю, конечно, что написано, но зачем так написано?

— А что именно, Петро? — Ямпольский всматривался в лицо своего заместителя. В руках Веретенников держал свежий номер их еженедельника.

— Я, разумеется, производственник, моё дело — техническое состояние типографий. Но я — и читатель нашей продукции. И жена моя читает, и дети, и соседи...

— Вот и хорошо. Так ты о чём, Петя?

— О том, что мальчик наш, Вова, печатает.

— Ко мне какие претензии?

— Ты его наставляешь, я знаю об этом. Крен какой-то в газете появился. Нехороший, я бы сказал. Певцы, писатели, артисты... Почему им столько внимания уделяется?

— Потому что они общественные люди, на виду, их жизнь, их высказывания интересны многим. В том числе и по политическим вопросам.

— Семён, ты помнишь дедушку Крылова: «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...»

— Ну, помню.

— А вывод какой из этой басни: «...кто за ремесло чужое братья любит... посмешищем становится... у света...» Я по памяти, может чего в словах и путаю, но смысл этот. Не берись за чужое дело.

— Так. Дальше?

— Вот, слушай. Жерехов цитирует певца Макарова: «...В Крыму было насилие над Украиной. Зверское, лицемерное насилие над страной, которая пытается вырваться из лап русской цивилизации. Да и цивилизация ли это, тоже вопрос. По мне — нет. Это просто территория, много веков диктующая своим соседям, как надо жить. А соседи не хотят и всё тут. Они хотят жить как Бельгия, Франция и Швеция. Если крымчане не хотят возвращаться в состав Украины, то это не должно нас волновать. Люди могут быть и не согласны, но земля чужая. Её надо вернуть и забыть всё, что произошло, как страшный сон. Только тогда Россия вернётся в состав цивилизованных государств...» Ты это читал, Семён? В наших «Качелях» напечатано, не где-нибудь.

— Пока не читал, не успел.

— Семён, мне кажется «Качели» наши слишком раскочкались. Ты позволяешь Жерехову лишнее. Макаров этот и рань-

ше, в центральной прессе, высказывался подобным образом, с неприязнью к России, к стране, в которой живёт, которая его вознесла к вершинам славы.

— Люди имеют право высказываться.

— Да, имеют. Но зачем нам, провинциальной газете, подхватывать всякий политический бред, перепечатывать, будоражить народ, нацеливать читателя на протесты, бунт против власти?! Против очевидных вещей: Крым был нашим, его волюнтаристским путём Хрущёв подарил Украине. Сейчас полуостров вернулся в состав России, за это проголосовал девяносто процентов его населения.

— А сейчас он вернулся волюнтаристской волей президента России.

Веретенников некоторое время ошарашенно смотрел на Ямпольского.

— Семён! Я тебя не узнаю. Два месяца назад ты говорил иные вещи.

— Петро! А я начинаю узнавать в тебе бывшего обкомовского работника. Мы давно уже живём в демократическом государстве, где каждый имеет право говорить то, что думает. В том числе и певец Макаров, и писатель Быковский, и политический деятель Немченко, и актриса Жакова. Ты что: хочешь, чтобы Россия повернула вспять? В своё коммунистическое прошлое?

— Я хочу, Семён Михайлович, чтобы мы с тобой не помогали некоторым личностям раскачивать государственный корабль с помощью наших «Качелей». России и так достаётся со всех сторон: Америка, Брюссель, НАТО... Как только мы стали более или менее на ноги, так и началось. Развязана война у нашего порога, объявлены санкции.

— Мы с тобой, Петро, не можем остановить войну.

— Не можем, но мы не должны подбрасывать в костёр поленья, помогать «пятой колонне», которая существует в стране, печатает такие вот заявления жирующих, пиарящих самих себя людей. — Веретенников потряс газетой. — Которые ненавидят Россию, наш с тобой родной дом. Ты что — с ними, Семён?

— Скажешь тоже! Россия — мой второй дом.

— А как тебя понимать, в таком случае?

— Я — за демократию. Народ, читатель разберётся сам. Он у нас умный, образованный.

Веретенников помолчал, сказал со вздохом:

— Я, Семён Михайлович, начинаю жалеть, что в своё время помогал тебе.

— Что ж, имеешь право. Забери свои акции, продай. Если тебе невмоготу.

Уже от двери, повернувшись, Веретенников бросил:
— Лучше бы наоборот, ты сложил с себя полномочия генерального. Ты, я теперь это отчётливо чувствую, — враг России. Скрытый, давний и очень опасный.

— Пошёл вон! — заорал Ямпольский. — Нашёлся мне... судья. Квасной патриот. Не твоя ли партия развалила СССР? Не ты ли сам бегал тут, в Придонске, на митинги в поддержку Ельцина?.. Вон!

В дверях показалась секретарша, Ямпольский заорал и на неё: «Я занят! Потом! Завтра, послезавтра! Все вопросы — вот к нему, Веретенникову! К Звереву! К Ларисе Ивановне!.. Вон!»

...В таком вот взвинченном состоянии Ямпольский зашёл после работы в ближайшее кафе, залпом выпил высокий бокал коньяка, сидел потом оглушённый алкоголем, растерянный, раздавленный обстоятельствами, фактом убийства Брыля и его напарника. Такого конца он, разумеется, не желал Брылю, но бизнес есть бизнес, у него свои законы, и ничего тут не попишешь.

Ладно, дело сделано, Брыля нет, как и его напарника-наркомана, царство им небесное. Главное, чтобы они не оставили какого-либо намёка ментам, мол, так и так, господа хорошие, в вашем городе проживает некто Ямпольский, он же Рогач Семён Михайлович... Ну, и так далее.

Подумав об этом, Ямпольский заказал ещё бокал, выпил его уже не торопясь, чувствуя, что успокаивается, что разговор с Веретенниковым куда-то удаляется, не кажется опасным, тревожным. Ну, полаяли они друг на друга, ну, наговорил этот бывший партийный функционер всякий вздор — ничего. Во-первых, публикации в «Качелях» — дело легко поправимое: скажет что надо Жерехову, и тот сейчас же изменит курс. Во-вторых, Петру можно будет сказать, что он прав, что в самом деле есть некий перегиб, поправим...

Так. Ноги держат, голова ясная, можно двигаться домой.

Пошли, Семён Михайлович! Держи себя в руках. Всё хорошо, прекрасная маркиза! Всё хорошо...

...В прихожей его в этот раз никто не встретил. Дети были где-то в глубине квартиры, а из комнаты, которая была занята квартирантами, доносился незнакомый мужской голос.

Вышла Регина. С чужим каким-то лицом смотрела на него; когда он покачнулся, пытаясь развязать на туфлях шнурок, взяла из его рук портфель, заметила с укоризной:

— Чего это ты?

— Что «чего»?

— Выпил, что ли?

— А... Ну, выпил. Захотелось. Подчинённые кровь попортили. Спорят всё, доказывают. Де-мо-кра-тия! Поняла?.. А там кто? — Он глазами показал в сторону комнаты квартирантов.

— Погоди... Сейчас скажу. Тут важный звонок был.

— От кого?

— От Брыля.

— Что—о?.. И что же он сказал? Когда?

— Позавчера звонил. Я сразу тебе не стала говорить, думала... Дословно не помню, что он сказал, но смысл такой, если с ним что-нибудь случится здесь, в Придонске, нам с тобой отомстят.

Ямпольский медленно, чувствуя полное бессилие в ногах, опустился на узкий диванчик, стоявший в прихожей. Сердце его охватило железный ледяной обруч. Смертельная бледность покрыла лицо.

— Олеся! — крикнула Регина. — Помогите!

Прибежала Олеся, за ней дети, появился в дверном проёме и мужчина с забинтованной левой рукой.

— Сердце, Олеся! У Семёна Михайловича приступ. Прошу тебя!

Олеся сразу же включилась в дело: бросилась в свою комнату, вернулась со шприцем и лекарством, вколола его в руку Ямпольскому; потом все вместе они помогли ему подняться, и он, не теряя над собой контроль, виновато бубнил:

— Ч-чёрт... лишнего выпил. Вы п-простите меня... Коньяк хороший, а вот... подвёл.

Его положили в кабинете на диван, Олеся дала ещё какие-то таблетки, Регина сняла с него пиджак и туфли, накрыла пледом. Скоро они остались одни.

— Что это за мужик? — спросил Ямпольский.

— Это муж Олеси, Юра. Он только сегодня приехал. Его отпустили из больницы, дома долечиваться. А дома нет. У него не только рука... Живот весь шит-перешит. Ранение тяжёлое было.

— Но... у нас-то он что делает?

— Он поживёт у нас, Сеня. Куда ему идти, больной весь. Квартиру Олеся пока не нашла.

Стона, невольно вырвавшегося из груди, Ямпольский сдержать не мог. Снова прокололо, схватило сердце, и он потерял сознание.

...Очнулся он от настойчивого мужского голоса и похлопывания по щекам. Сильно пахло нашатырём

— Семён Михайлович! Возвращайтесь. Слышите?

Над ним склонился врач «скорой», держал его руку, щупал пульс.

— Ну вот, молодец, очнулся... Давление снизилось, пульс приличный, можно сказать нормализовался.

Ямпольский увидел, что он по-прежнему у себя дома, на диване, в окружении домочадцев. Элинка, добрая душа, стоит рядом, подаёт ему большой оранжевый апельсин.

— Съешь, бабушка, а то у тебя сил мало.

Он попытался улыбнуться, взял апельсин, погладил девочку по голове.

Врач и фельдшер «скорой» ушли, пожелав больному выздоровления; подошёл муж Олеси, сказал несмело:

— Здравствуйте, Семён Михайлович. Меня зовут Юрий. А фамилия у нас весёлая — Колядкины. Знаете, что такое «колядки»?

— Знаю. Здравствуй... Что у тебя с рукой?

— Была рука... Хорошо хоть правая цела, есть чем работать.

— Сядь, Юра, давай поговорим. Девушки, оставьте нас.

Регина с Олесей, подхватив детей, торопливо ушли, прикрыв дверь кабинета.

Ямпольский смог теперь получше рассмотреть своего нового квартиранта. Юрий был невысокого роста, темноволос, широк в плечах и с ясными голубыми глазами. Лицо его, взгляд сразу же располагали к откровенной беседе, доверию, Ямпольский подумал, что этот человек никогда не врал, не обманывал людей, мыслит просто и ясно.

— С рукой-то как вышло? — участливо спросил он, глянув на толсто забинтованную культю.

— Да как, — кашлянул Юрий. — Мы на блокпосту с ребятами стояли. Недалеко от Славянска, Андреевка там такая есть. Можно сказать, пригород. Темнеть уже стало. Ну, думаю, день прошёл и слава богу. Сегодня из наших никого не убило, не покалечило. Ребята — кто в окопе сидел, кто за бетонными блоками. Толкуем о том о сём, в основном о семьях: как они там, без нас, жёны с детишками... Да что будет, если Славянск украинская армия возьмёт..

— Ну, а какие версии были? — Ямпольский приподнялся на постели, Юрий поправил ему подушки, лежать теперь было удобнее.

— Версии? В смысле — что могло быть?

— Ну да.

— Они же, в Киеве, не скрывали: зачистка будет среди населения, проверки. У кого мужья в ополчении, или, там, родственники, тех — в резервации, то есть в концлагеря. Или в расход.

— Да кто вам это рассказывал, Юра? Это же бред.

— Ничего не бред, Семён Михайлович. Нацгвардия, особенно банда Яроша, «Правый сектор», если к ним наши ребята попадали, били их, пытали, а то и стреляли. Рассказывают, что врачей казнили за то, что они наших лечили... А с жителями сёл чего они вытворяли! Ужас! По их домам лупили беспощадно. А зачем? Ты по нам стреляй, по ополченцам. Давай один на один сойдёмся, кто кого. Нет, они в атаки боятся ходить, а всё миномётами да артиллерией. А снаряд — он дурак, летит, не зная куда.

— А тебя как ранило?

— Вот я и говорю: вечер, сидим на блокпосту. Всё, думаю, стрельба на сегодня кончилась. Им же тоже поспать надо. Вдруг лёгкий такой шум, вроде как большая птица летит. И — ба-бах! Я сначала боли не почувствовал... А Геннадий, водила БТРа... Он, кстати из вашего города, шофёром в типографии работал.

— Синякин, что ли?

— Он самый! Вы его знаете?

— Знаю. Он у нас и работал.

— Ага, понял. Ну вот. Он кричит: «Юрка, у тебя рука в крови! И броник... глянть. Тоже кровь». Тут я понял, что ранило. Кисть руки разбитая висит, на животе кровь, жжёт внутри. Думал, не доеду до Славянска. Меня в машину и — в город. Там, в больнице, не спрашивали: на стол, врач маску на лицо, говорит считай до десяти... А когда я проснулся — кисти нету. Врачи сказали, мол, нечего было спасать, все косточки осколками перебиты. Ну, в животе тоже покопались. Полжелудка вырезали, кишку какую-то укоротили.

Юрий задрал рубашку, обнажились на животе несколько розовых швов, нож хирурга поработал классно.

— Да-а, кроили тебя.

— Зато живой! — Юрий снова сел у дивана, смотрел на Ямпольского с весёлой искрой в глазах, почти радостно.

— Юра, а ты за что воевал?

— Как за что, Семён Михайлович!? Хунта эта, киевская, чего хочет: чтобы меня на Донбассе не стало. Вместо нас западенцев переселят, послушных. Чтобы по-русски не говорили и на митинги не ходили. Чтобы шахтёр простой скотинкой был: спустился в шахту, порубал уголёк до седьмого пота, потом вылез, поспал дома и — опять под землю.

— А ты как хотел бы?

— А чтобы человека во мне видели. Как при Советской власти было. Я немного захватил той жизни. И на Доске почёта висел, и в газете про меня писали. А нынешние хозяева они что — рубай уголёк и молчи. А не будешь молчать — мы из миномёта тебя, из пушки. А дом твой — в пыль, в щёбёнку!

— Ну, а что вы будете делать, если победите?

— Да что... — Юрий задумался, морщил лоб. — Шахта наша пусть народная будет, раз Луганская народная республика стала. Я вообще не понимаю, Семён Михайлович, как шахты, земля может кому-то принадлежать, как собственность. Ну, машину ты купил — да, твоя. Дачу построил... Но земля! Кто её купил? Почему её продают? Она же всегда была, её никто не строил, не создавал, деньги не платил. Я просто живу на ней.

— У тебя какое образование, Юра?

— Да десять классов. Сразу после школы работать пошёл, потом женился, дети появились, кормить надо. Мечтал моряком по морям-океанам поплавать, да какой там!..

«Ну вот, вдолби ему, простолюдину, рабочей этой скотинке, что такое частная собственность и почему за неё люди уничтожают друг друга. Равноправие и социальную справедливость он хорошо усвоил... Быдло».

— Что дальше делать думаешь? — Ямпольскому как-то уже и не хотелось называть этого человека по имени.

— Рука заживёт, я назад вернусь, на фронт. Там делов надолго. Хоть с этой культурой много не навоюешь, но ничего, приспособлюсь. Вон, лётчик Маресьев без обеих ног на самолёте летал, бил фашистов до победного конца. И я тоже буду этих бандеровцев мочить. И одной рукой. Приспособлюсь! Ногами топтать, зубами грызть!.. В крайнем случае, ребятам помогать буду. Пока фашистов с земли нашей не выгоним.

Теперь это был другой человек — решительный, убеждённый в своей правоте, сильный и злой. И он, подлечившись, — конечно же! — поедет снова на войну, в Донбасс, это однозначно.

Ямпольский поёжился — дохнуло на него чем-то незнакомым, суровым и — чистым... Неужели они все там такие, ополченцы? Откуда в них такая силища? Руку ему изуродовали, живот изрезали — инвалид же! А он снова — воевать. Можно такого победить, заставить жить по-другому?

И вместе с этими мыслями в нём поднималась ярость ненависти к этому откровенному, бесхитростному человеку, который доверился ему, Ямпольскому, считал его своим, раз жил в России, приютил его семью, слушал его и, кажется, сочувствовал...

Ямпольский прикрыл глаза, попросил:

— Позови Регину Иосифовну, я устал что-то.

— Да, конечно!.. — Юрий, извинившись, торопливо ушёл.

Регина знала, конечно, о чём будет говорить муж. Сидела у постели, молча ждала.

— Значит, Брыль припугнул?

— Не то что припугнул, а прямо сказал. Сеня, надо что-то делать.

— Что?

— Я не знаю. Но я боюсь. Поняла, что от этого человека всего можно ожидать. Верни ему деньги.

— А ты знаешь, сколько он потребовал? Это минимум одна из моих типографий. Но я не могу её продать, потому что имею дело с акционерами.

Регина стояла на своём (упёрлась, как коза... Коза и есть!):

— Тем людям, во Львове, деньги надо вернуть. Объясни своим акционерам.

Ямпольский задохнулся от гнева, всё в нём бурлило, клокотало, требовало выхода — хотя бы в матерных, плохих словах, в бурном объяснении того, что это невозможно, что это дело двадцатилетней давности: нет списков тех людей, нет денег. И вообще...

— Ты что — в тюрьму меня хочешь посадить?! А? Ты что несёшь?

Регина заплакала. Худые её плечи вздрагивали, голова мелко тряслась, голос срывался.

— Я с ума схожу, Сеня. Ночь не спала после звонка Брыля. Всё думала, думала...А тут ещё Юра приехал. Я понимаю, чувствую — тебе всё это не нравится. Но я не могу поступить иначе. Не могу, Сеня!

Некоторое время Ямпольский молчал, думал, как бы помягче ответить Регине, а потом стал рубить сплеча:

— Не то что мне это не нравится. Я этого ополченца возненавидел. Как он ненавидит нас... Но — пусть живут, пусть. На улицу эту семейку я не выгоню. Даже скажу своим журналистам — пусть напишут, мол, Ямпольский пустил к себе беженцев. Это... надо так.

— Хорошо, хорошо, — Регина вытирала слёзы, благодарно кивала. — Я и его, Юру, пропишу, пусть. Вот получит паспорт...Ему же надо и лечиться, и пособие по инвалидности получать.

— Он воевать потом поедет, — мрачно, даже зло уронил Ямпольский. — Только что сказал.

Регина всплеснула руками.

— Да он с ума сошёл! Какой из него воин?!

И какое-то потом время качала в недоумении головой, приговаривала: «Ой, что делается, что делается...»

— Брыль должен мне завтра звонить, — Ямпольский старался говорить как можно увереннее, спокойно (Хорошо, что

на глаза Регины не попала газета с сообщением о сгоревших на улице Шинников, она газеты не любит, а по телевизору, видно, об этом не говорили...). — Я ему предложу сумму, которую могу заплатить. Кредит возьму.

— Да, да! Отдай! Пусть уедет, пусть забудет о нас.

Регина поправила на муже плед, Ямпольский поблагодарил её глазами, всем своим видом давая понять, что устал и хочет спать.

Но он долго потом не спал. Воспоминания унесли его и на двадцать лет назад, когда они с Брылем проворачивали афёру со строительством дома, и ещё в более ранние времена, в середину шестидесятых, когда Семён Рогач, тогда ещё студент Львовского университета, окунулся в мир Степана Бандеры, знал имена зачинателей украинского националистического движения — Коновальца, Мельника и самого Бандеры; узнал позже и имя Романа Шухевича, с которым Бандера в сороковые прошлого тепер века активно действовали при фашистах на Западной Украине, помогали немцам и в составе карательной дивизии «Галичина», украинской повстанческой армии (УПА) и позже, воевали с Советской властью разрознёнными бандами вплоть до 1947 года. Резали, убивали, сжигали всех — советских милиционеров и чекистов, поляков, евреев, украинцев — за то, что люди не были согласны с их бандеровскими взглядами на будущее Украины. А будущее это виделось Бандере с Шухевичем так: Украина — это самостоятельное, унитарное, с единым языком государство, с единым мышлением. Украина — только для украинцев. Всех, кто не будет этого признавать, — убивать, уничтожать в концлагерях. По примеру немецких лагерей.

В Лондоне есть музей Бандеры. Там его вещи, одежда, обувь, предметы быта. Мечтой Рогача-Ямпольского было съездить в Лондон, побывать в этом музее...

А война на юго-востоке Украины разгоралась.

Бои шли с переменным успехом: то украинские силовики громили ополченцев, выбивали их из населённых пунктов, то ополченцы дружно наваливались на силовиков, уничтожая как живую силу противника, так и овладевая их вооружением и боеприпасами.

Российское телевидение показывало кадры разбитых городов и сожжённых сёл, кладбища уничтоженной военной техники, украинских солдат, перебежавших через границу России и попросивших убежища.

Руководители же восстания, не пряча лиц, отчитывались перед телезрителями о боевых успехах и взятых в плен «наци-

ональных гвардейцах» Украины, о сбитых самолётах и вертолётках, о танках и БТРках, которые украинские вояки побросали на поле боя. Теперь у ополченцев были и пушки, и миномёты, и установки «Град», и даже пара самолётов.

Потери личного состава росли с обеих сторон, счёт шёл на тысячи погибших. На запад страны из Донбасса нескончаемым потоком везли гробы со вчерашними солдатами украинской армии, а то и простые бумажки-сообщения: мол, ваш сын пропал без вести.

Поднялись матери Львова, Ивано-Франковска, Житомира, Одессы, Винницы... Устраивали митинги протеста, блокировали дороги, взывали к президенту Порошенко, кричали и требовали прекратить войну... Но их никто не хотел слушать: войне нужно было «пушечное мясо». А лично Порошенко должен был оправдать доверие тех, кто поддержал его на президентских выборах.

На Донецк и Луганск сыпались снаряды и мины, били «Грады» и баллистические ракеты по жилым домам, электростанциям и водопроводу, заводам и шахтам, по самым важным системам жизнеобеспечения городов и населённых пунктов Донбасса. Цель этого зверского, целенаправленного разрушения была ясна: уничтожить инфраструктуру городов, сами города, чтобы русское население покинуло Донбасс.

Сдан был Славянск; в руины превратился Краматорск, Мариуполь, Горловка, Алексеевка, Красный Лиман... Да и Луганск с Донецком пострадали не меньше. Из всех этих и других городов и сёл тысячами, сотнями тысяч бежали, в основном, в сторону России женщины с детьми, старики, инвалиды — простые жители некогда спокойной, жившей в мире и согласии Украины.

В Верховной Раде шли бои местного значения: то депутаты мутузили у трибуны лидера коммунистов Украины Петра Симоненко, то депутат Шевченко отправлял в нокдаун депутата Ляшко, то спикер Турчинский или премьер Яценюк объявляли о какой-нибудь новой санкции против России.

Российские политики, парламентарии, писатели, журналисты, вообще, умные, образованные люди, пригласив на телевидение украинских лидеров Новороссии, вели с ними душераздирающие споры о том, надо или не надо вводить российские войска на Украину, что из этого может получиться. Все хорошо понимали, что из этого выйдет Третья мировая война, но украинские парламентарии доказывали, мол, вслед за поверженным Донецком и Луганском будет Крым, а там и поход на Москву...

Катился август четырнадцатого года, явились новые события в мире и на Украине: вступили в действие санкции Евросоюза в отношении России — польские яблоки, испанские персики, молдавский виноград... западные страны теперь не знали, что делать со своими фруктами и овощами, по экономике был нанесён сокрушительный удар. Российские предприниматели, фермеры воспрянули духом — своей продукции открывалась дорога на прилавок.

В Вашингтоне и Брюсселе ломали голову над тем, какие бы ещё санкции придумать этим непотопляемым русским.

О сбитом над Украиной «Боинге» как-то забыли. Погоревали в Малайзии, погоревали в Голландии... Нет точного ответа — кто же и зачем так безжалостно распорядился жизнями 298 человек?

Забыли о снайперах с евромайदानа, отправивших на тот свет «небесную сотню».

Постарались забыть и об «Одесской Хатыни» 2 мая 2014-го...

8 августа взялись за киевский майдан, гнилым зубом торчавший в центре столицы. Виталием Кличко, мэром Киева, был объявлен субботник, он лично, одетый по-рабочему, кидал в кузов грузовика покрышки и всякий мусор. Аборигены майдана, привыкшие уже к праздной столичной жизни, попытались было отстоять его, чёрный дым снова поднялся над Крещатиком, над площадью, видевшей за эти минувшие месяцы многое, но так и не дождавшейся подлинной люстрации, краха власти олигархов, победы над коррупцией, вступления в Евросоюз. И снова тощий, небритый, в камуфляже хохол орал, обращаясь к толпе, которую напористо и решительно теснили милиционеры: «Нас же обманули, хлопцы! Неужто вы не бачитэ?»

Майдановца спихнули с асфальта поливальной машиной, а Площадь независимости вымыли.

Майдан-2 перестал существовать...

24 августа, в День независимости, в Киеве прошёл военный парад с участием ракетной техники и молодежато маршировавших в новеньком обмундировании «коробок» пехотинцев, моряков, курсантов...

В этот же день в Донецке по улицам, под проклятья горожан провели пленных украинской армии — совсем как в своё время это сделали в Москве в 1944-м...

Жизнь шла своим чередом.

...Ямпольский-Рогач радовался, что время бежит своим порядком, щёлкают дни, меняются недели, холдинг трудится и ничего в его личной жизни не меняется. Глядишь, и канет в Лету вся эта неприятная история с Брылем...

...По лицу Ларисы Ивановны было видно, что пришла главбух с нехорошей вестью.

— Очень серьёзный вопрос, Семён Михайлович, — сказала она без всяких вступлений и даже традиционного «Здравствуйте!» — Я поинтересовалась вашими перечислениями «больным детям». И выяснилось, что первое перечисление попало в руки Яроша, это организация «Правый сектор» на Украине, а второе получил в Москве некто Багарадзе Георгий Вахтангович. Я решила вам это сказать. Деньги же ваши, Семён Михайлович. И немалые.

— Багарадзе?

— Да, он.

— Так, понял. А где сейчас наш Георгий Вахтангович?

— Числится в отпуске. За границей. Кажется, в Германии. И думаю, он не вернётся.

— Почему вы так говорите?

— Он продал свои акции нашего холдинга, человек, их купивший, уже приходил ко мне.

— Почему вы сразу не сказали?!

— Вот, пришла, говорю.

— А почему вы думаете, что он не вернётся?

— Он и квартиру продал, машину, загородный дом... Короче, уехал. Нет его в России.

— Вот оно что-о...

Это известие не то что поразило Ямпольского, оно его шокировало. Зверев, прикарманил его миллионы, не погнушался взять даже то, что предназначалось украинцам, и смылся тихой сапой за рубеж. Да, он не вернётся, Лариса Ивановна определила точно.

Ямпольский отпустил главбуха, никаких распоряжений относительно своих перечислений не высказал, бросил лишь: «Я подумую», сидел потом неподвижно, с растерянным лицом.

Может, это и хорошо, что Георгий дал дёру; деньги... да бог с ними, заработает ещё. Главное, чтобы и те, кто помогал ему по делу Брыля, исчезли, растворились. Тогда можно спать спокойно.

Мужской незнакомый голос вежливо произнёс в трубку:

— Семён Михайлович? Здравствуйте.

— Добрый день.

— Мы бы хотели с вами встретиться.

— Вы — это кто?

— Я заместитель начальника управления ФСБ по Придонской области, полковник Филиппов.

— ФСБ?!

— Да, именно так.
— А чем, простите, я обязан вашему ведомству?
— Да вы не волнуйтесь, Семён Михайлович. Надо встретиться, поговорить. Дело касается вашего холдинга. У нас есть вопросы.

— Ну.. приходите.

— Нет, лучше вы к нам. Знаете, где наше управление?

— Да, конечно. Через час, можно? У меня несколько неотложных дел.

— Хорошо, жду. Пропуск на вас будет заказан.

Ямпольский положил трубку, сердце его встревоженно билось. Что за звонок? Почему ФСБ? Отчего это служба безопасности заинтересовалась его холдингом?

... Филиппов, седой, с усталым лицом мужчина, в аккуратном сером костюме, по-военному подтянутый, со строгими глазами встретил Ямпольского у входа в свой кабинет — довольно просторного, с большим столом и двумя кожаными креслами у его торца, пожал руку, представил: «Иван Николаевич». Ямпольский кивнул; внимание его было рассеяно и по обстановке кабинета, и по висящему на стене портрету Путина, и целой батарее разноцветных телефонов, стоящих на приставном столике справа.

— Садитесь, — пригласил Филиппов радушным жестом.

Сам он обошёл стол, сел в чёрное, с высокой спинкой кресло, нажал клавишу переговорного устройства, сказал кому-то: «Зайдите».

Молча потом сидел, ждал. Естественно, молчал и Ямпольский.

Высокая тяжёлая дверь наконец открылась, и в полной форме сотрудника ФСБ с погонами старшего лейтенанта в кабинет вошла... Юлия Дубовик. Собственной персоной. Только разве без косы вокруг головы. Волосы у неё уложены на затылке в тугой узел.

У Ямпольского перехватило дыхание.

— Юлия... вы? — только и смог он сказать, попытавшись встать.

— Я вижу, вы знакомы, — усмехнулся Филиппов. — Да вы сидите, сидите, Семён Михайлович. Разговор у нас долгий будет. Юлия, и вы садитесь.

Добавил, повернувшись к Ямпольскому:

— Должен всё-таки представить: это наш сотрудник, Юлия Сергеевна Дубовик.

— Очень...приятно. Рад.

— Сразу скажу, Семён Михайлович, что Юлия Сергеевна, претендующая на работу в вашем холдинге, выполняла наше слу-

жебное задание. Ей нужно было внедриться в ваш коллектив. Легенда её, то, что она вам рассказывала о себе, близка к истине.

— Да, понял... А какое ко мне это имеет отношение?

— Самое непосредственное. Вы — руководитель, идейный вдохновитель ваших изданий, к примеру еженедельника «Качели». В каждом номере этой газеты — скрытый призыв к смене власти, недовольство ею, размышления разных авторитетных в стране людей о несостоятельности высших руководителей страны — президента, председателя правительства, членов кабинета министров. Единственно, кого вы наглядно поддерживаете, это исполняющий обязанности губернатора области, Макеев. Увлекаетесь перепечаткой пасквильных материалов из некоторых центральных газет, печатаете спорные, я бы сказал, разрушающие государственность Российской Федерации материалы.

— Наша газета представляет собой свободную прессу. Цензура у нас отменена.

— После прочтения любого номера «Качелей» хочется брать в руки автомат и идти крушить наше правительство. Материалы вызывают у читателя злобу, ненависть ко всему русскому, российскому, воспевают насилие, украинский национализм, даже фашизм. Это с какой-то стати?

— Может...может быть, редактор газеты в чём-то и перегнул палку. Я обращу на это внимание.

— Да, обратите. Юлии Сергеевне за время пребывания в качестве внештатного корреспондента газеты «Качели» удалось установить: вы лично оказываете весьма большое влияние на то, что в этой газете печатается. Некоторые перепечатки — прямое ваше указание редактору. К примеру, вот эта... — Филиппов взял в руки газету: «...к слову будет сказано, что если бы самолёт президента России Путина постигла участь сбитого над Украиной малайзийского «Боинга», Запад по этому поводу не очень бы расстроился». Авторство принадлежит некоему Мейеру, бывшему американскому разведчику... Это то же самое, что и призыв одного из лидеров киевского майдана стрелять в нашего президента, если бы он вдруг оказался в Киеве. Помните такой факт?

— Нет, — поспешно сказал Ямпольский, хотя хорошо знал, о чём речь. — Полагаю, за такую публикацию в Советское время я был бы осужден?

— Да, конечно, — кивнул Филиппов. — И я лично считаю, что верховная наша власть слишком терпелива, слишком толерантна к такого рода высказываниям и публикациям. В конце концов, есть пределы. Мы проанализировали кадро-

вый состав журналистского корпуса ваших изданий, Семён Михайлович, — продолжал Филиппов. — Установили, что вы, лично, — выходец из Западной Украины, что в своё время поменяли фамилию, подлинная — Рогач... Так?

— Так, — кивал Рогач-Ямпольский, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног.

—...что вы, ещё учась во Львовском государственном университете, увлеклись биографией Степана Бандеры, его философией, а позже посещали в одном из львовских кафе тайные сборища этого фашистского прихвостня. Позже вы переехали в Россию, взяв фамилию жены. Зачем?

— Ну... Рогач... какая-то неблагозвучная фамилия, в России она привлекала бы внимание. Вы, вообще, знаете что такое р о г а ч?

— Знаю, — невольно улыбнулся Филиппов. — Это ухват по-русски. Моя бабушка из печи доставала им чугулки. И чего же тут «неблагозвучного»? Украинские фамилии вообще отличаются оригинальностью. Правящие на Украине паны в своё время потешались над простыми людьми, присваивая им и смешные, и часто оскорбительные имена и фамилии. Например, «Перебийнис». Или «Кабысдох»... А Рогач — вполне даже достойная фамилия. Это орудие труда... Хорошо, давайте на сегодня завершим. Подумайте над тем, что вы здесь услышали. Юлия Сергеевна, проводите Семёна Михайловича.

— Есть!

Они молча шли по коридору третьего этажа здания, где располагался кабинет Филиппова, потом ждали лифт, спустились в нём, и, наконец, уже в вестибюле, у стола дежурного прапорщика, Ямпольский сказал:

— А у меня, Юлечка, всё же остались о вас приятные воспоминания.

— У меня тоже, — сухо, без улыбки, ответила она. — Служба.

—...Ну что, жена, суши для меня сухари, — ровно проговорил Ямпольский, вернувшись домой. — Вызывали в ФСБ, всё про меня знают.

— Что знают? — Регина с изменившимся лицом села на диван в его кабинете.

— Всё. Нет, думаю, не всё. Зверев уехал, молодец. Спрашивать теперь кого?... Могут, конечно, тебя спросить. А ты скажи, что Брыль звонил, угрожал...

— Не буду я ничего говорить. Зачем ты ёрничаешь, Семён?

— Ладно, это я так. Твоё дело. Можешь и вспомнить обиды... А что это тихо в доме? Где квартиранты?

— Погулять пошли. Вечер хороший, тёплый. Город им нравится. Кажется, в цирк отправились.

— Ну-ну. Дай мне выпить, поесть...

— Хорошо, сейчас.

Регина ушла, а Ямпольский переоделся в домашнее, посмотрел на себя в зеркало, висевшее в ванной, брызнул в лицо туалетной водой. Он понял, что шансы избежать тюрьмы у него есть. Филиппов даже не намекнул ему о сгоревших мужиках на улице Шинников, не связал городское происшествие с Брылем. То ли в голову чекистам это не пришло, то ли они намерены копать дальше. А пока...

А пока он будет продолжать руководить холдингом.

Печатать в «Качелях» то, что сочтёт нужным. Правда, с лёгкой поправкой на сегодняшний разговор в ФСБ. Зачем лезть на рожон?

По-прежнему станет переводить деньги украинской национальной гвардии. И морально поддерживать тех, кто помнит и чтит Степана Бандеру.

В середине сентября четырнадцатого года в Придонске прошли выборы губернатора. Народ проголосовал за Макеева; коммунист Афонин тоже набрал приличное количество голосов, но всё же приблизиться к заветным процентам ему не удалось. Так же, как и ещё одному кандидату, Мануйлову.

Власть в регионе осталась на месте.

С чем нового-старого губернатора и поздравили по телевизору и на первой полосе еженедельника «Качели». И фотографию напечатали.

Спустя неделю, лично гендиректор холдинга «Независимый полёт» Ямпольский С.М. получил благодарственное письмо за подписью Макеева. С тёплыми словами за поддержку в предвыборной кампании и с пожеланиями новых успехов «...в деле укрепления государственных и моральных устоев нашей любимой Родины».

Письмо это, взятое в красивую деревянную рамку, Семён Михайлович повесил у себя в кабинете, на стене.

Номер одного из мобильных телефонов, который Ямпольский называл «молчи-молчи», знали немногие: Регина, Зверев, Жерехов и Лариса Ивановна. Дал он его и новой секретарше, наказав звонить только в особых случаях. Именно этот телефон и запиликал у него в кармане домашней куртки, когда Ямпольский, растянувшись на любимом диване, смотрел вечерние новости.

— Слушаю, — сказал он, недоумевая: кто бы это мог быть?
— Здравствуй, Семён Михайлович. Прошу прощения за поздний звонок. Это — Савик, твой бывший начальник из Львова.

О, господи! В памяти Ямпольского мгновенно возник родной город, местное телевидение, режиссёр Савик Морденко, монтажная студия... Как нашёл? Зачем?

— Морденко?! Ты?

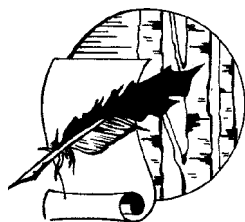
— Я, я. Слушай, Рогач-Ямпольский. Буду краток. Я в Киеве, на одном из ведущих телеканалов, зам главреда. В курсе твоих перемещений... Лишних вопросов задавать не буду. Как-то на глаза попался твой еженедельник. Молодец, хорошая газета, нужная Украине. Спасибо тебе за материальную помощь нашим бойцам. Хотелось бы скоординировать наши усилия. О тебе знают высшие руководители, поверь на слово. Ценят. Мне поручено встретиться с тобой лично. В Киев можешь приехать?... Ладно, давай на нейтральной территории: Москва, Воронеж, Ростов...

— Давай в Москве, Савик. Для меня это удобно.

— Ну, тогда до встречи! Созвонимся.

— Пока!

Ямпольский выключил телефон, поразмышлял. В его жизни открывалась какая-то новая страница...

Татьяна ГРИБАНОВА

ДУШИСТЫЕ ЗОРИ

* * *

Скатёрка льняная, с малиною ранней лукошко.
Веранда в плену у докучных, прожорливых ос.
В полевой дали — разглядеть из окна невозможно —
Скрипит и скрипит вдоль просёлка натруженный воз.

Июнь надломил духовитые первые соты
И снова на липы кропит в палисаде меда.
Просыпалась таволга пшёнкою за поворотом,
Где славят лягушки в купавах и рясах пруды.

В просвирник атласный шмели золотые слетели.
Из венчиков манной небесною сыплет пыльца.
В садах соловьиные всё ещё плещутся трели.
И верится: лету вовеки не будет конца.

И ягодкой тает за свежими копнами солнце.
И воздуха манят и тайнами веют из рощ.
Ах, бабий наш век! И всего-то осталось на донце
В лукошке пригоршня малины да реденький дождь.

А мне бы обнять эти сизые, вольные дали,
А мне бы прильнуть к косякам обездоленных хат,
Чтоб (дай-то Господь!) мои дети со мною впитали,
Как пахнет в деревне малиной и мёдом закат.

НА РОДИНЕ

Там ранней весною токует глухарь,
Там квасят капусту с калиною,

И «Барыню» «с выходкой» жарят, как встарь,
Справляя престол с именинами.

Там хаты пропахли вишнёвым дымком,
Там топчутся лоси под окнами,
И словно душистым парным молоком,
Берёзоньки доятся соками.

Нагрянешь на Пасху — начнут зазывать,
Обидятся — станешь раздумывать.
И каждый прохожий там — брат или сват,
А дети — свои или кумовы.

* * *

Разве может быть так: за сто вёрст, а я всё-таки слышу,
На Успение в мальвах, в отцовском заросшем саду
Осыпаются груши, грохочут по шиферной крыше,
Мягко шмякают оземь, где осы их жадные ждут.

И горою гора, на сносях, в рыжих бархатных латках,
Кошка Муська на стёжке лежит, будто дедов трех.
И пеструхи, как бабы, судачат на луковых грядках.
И бранится на них на чём свет заполошный петух.

Это дивное времечко в липовых, гречневых сотах!
Снова семечки-звёзды роняет подсолнух луны.
То ль от спелых плодов, а быть может, ещё от чего-то
Сладко-сладко воркуют над хатой душистые сны.

* * *

Я не скопила в сундуках богатства,
И бриллианты в сейфах не горят,
Но я владею тридевятым царством —
Найди попробуй, кто, как я, богат!

Я дорожу, как сказочной жар-птицей,
Рябиною у дедова крыльца,
Гречишным полем, хутором, криницей,
Где через край плеснулись небеса.

А по ночам я звёзды собираю,
На дно колодца сыплю под окном,

И солнце из сарая выпускаю,
И на закате прячу за гумном.

Люблю церковей к вечеру перезвоны,
Нагретый за день у ручья песок
И тополей серебряные кроны,
И утром Гришки-пастуха рожок.

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!

* * *

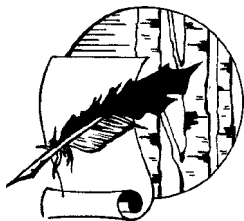
Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О, край июньских сенокосов!
И синь прудов... и тишина...

Вишняк за тыном полудикий,
Горой сосновые дрова,
Пучки сушёной костяники,
Иван-да-марья, трын-трава,

Далёкий скрип телеги в поле,
И вновь — анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле,
До неба здесь подать рукой.

Толпой бегут под горку сливы,
И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый,
Дед спорит с кем-то за избой...

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам,
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

НА БЕРЕГУ МЕНЯ ВСТРЕЧАЮТ...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Плачут балконы и крыши
В Нижнем, Рязани, Москве.
Юный, задумчивый, рыжий
Лезет в окошко рассвет.

В это воскресное утро
Я наблюдаю за ним.
Видится мне почему-то
Город Иерусалим.

То ли на улицах верба
Снег растопила и лед,
То ли окрепшая вера
В сердце осанну поет.

* * *

Солнце утром из своей кровати
Выпало и завалилось набок...
Я сегодня еду по «канатке»
На Бор.

Наготой, чаруя, Волга ляжет.
Подо мной изгибы ее тела.
Никогда такого не покажет
Телик.

Я не пил, не нарывался вроде,
Но сегодня не на шутку взвинчен,
Как в руках у девушки напротив
Пинчер.

Мне бы не дойти до сумасбродства,
Не попасть в хитросплетений невод,
Задирая нос, как некто Бродский,
В небо.

Ветер наш вагончик раскачает.
Голову от радости закружит,
Там на берегу меня встречают:
«Нужен!»

* * *

Мы леса вырубам под стройки,
Под шоссе вырезаем луга.
Превращаем, простите, в помойки
Заболоченных рек берега.

В парках больше не веет прохладой,
Дым шашлычных в аллеях застыл.
Прорастает серебряный ландыш
Через пластиковую бутыль.

Мы бесстрастны, — природе по силам
Не погибнуть от нашей руки.
Льются горькие слёзы России,
Обвиненьем её, — родники.

* * *

Был я однажды в кругу
Литературной гостиной.
Тихо скучал. На беду
Девушка-критик спросила:

— Знаете Брюсова?
— Нет.
— Бальмонта, Белого?
— Нет же!
— Боже, какой вы поэт,
Прямо скажу вам — невежда!

Как же я мог лично знать
Тех, кто в двадцатом отжили.
Дал ей стихов почитать,
Малость слукавил — чужие.

Над эшафотом стола
Слиплись упрямые брови:
— Вижу, что это талант,
Вам, безусловно, не ровня.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Нашёл её в серванте,
Распухшую от пыли.
Ждала, когда захватят,
Надеялась... Забыли!

Открыл — страницы в клетку,
Исписанные ручкой:
Фамилии, заметки
И цифры-закорючки.

До злости непонятный
Врачебный почерк деда,
Но все-таки приятный,
Как скрип велосипеда.

Год нет его; от мрака
Нам никуда не деться.
Как варежка, бумага
Хранит тепло владельца.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Он упал на город разом,
Превратив асфальт в железо,
Обесточив автобазу,
Перекрыв мосты и съезды.

Чтобы не тонуть в трясине,
Гнуть отбойники в заносах,
Нам пришлось менять резину
На ногах и на колесах;

Раньше застилать кровати,
В пробках дергаться с работы...
Первый снег, похоже, кстати
Только детям беззаботным.

Антону Щеплягину

Снег сырой, дорога скользкая.
Пробки, ничего не сделаешь.
Я возьму бутылку «Окского»,
Чтобы вспомнить вкус безденежья.

Я пойду к друзьям прошаренным,
С кем не надо лживо чушь нести.
Я сыграю на гитаре им,
Чтобы вспомнить песни юности.

Аутсайдеры капустников —
Рокэнрольщики избитые
На залапанной «акустике»
Мы заткнем любого битника.

Пусть у нас дипломы синие
Не из Кембриджа и Оксфорда,
Все мы критики и циники,
Все употребляем «Окское».

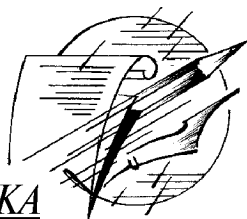
Не заманишь нас айфонами,
Местом, удостоверением.
Мы последнее свободное
Творческое поколение.

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
академик РАН

ПЕРЕД ГРЯДУЩИМ СУДОМ ИСТОРИИ

Историческое и национальное беспамятство, массовое невежество и политическая слепота чреватые сокрушающей смутой. Мы видели это недавно на примере Киева. Там под «знаменем свободы» орудовали главари «правых» сил, профессиональные провокаторы, руководимые и поддерживаемые зарубежными спецслужбами Запада, и бандеровские бандиты. Они действовали уверенно, потому что задолго до того активно и широко проводилась мощная информационная диверсия: упорно распространялась по всей «незалежной Украине» самая настоящая сплошная самоубийственная ложь, замешанная на ненависти чужебесия. Ложь о «древнейшей Украине», которой не было, ложь и нарочитые умолчания о подлинной достойной истории Малороссии, ложь о России, о русских (великороссах и малороссах), ложь о литературном языке великого триединого русского народа...

В утверждении вражды и ненависти немалую роль сыграла антинаучная, насыщенная исторической, политической неправдой и множеством фальсификаций книга Л. Кучмы «Украина — не Рос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сия», в которой автор, в сущности, призывал всю Украину переделать под «западэнску» Галицию, к слову сказать, до XIV века входившую в единое русское государство.

Старательно пропагандировались в народе обманные, фальшивые, будто бы «исторические» сведения. Искусственно насаждалось шовинистическое чувство фальшивого национального сепаратизма. Откровенная ложь распространялась (за немалые деньги, отпущенные организаторами разрушительной смуты!) — через СМИ, через администрацию и учреждения, через музеи, через сфальсифицированные «учебники», через школу и даже — детские сады.

Государственная власть на Украине не только уклонялась от противодействия лживой и ложно-провокационной информации, но содействовала ей. Киевский майдан стал жертвой этой лжи, жертвой исторических мифов и политической слепоты, спровоцированной глобалистами.

«Глобализация, — проницательно писал В.Г. Распутин, — это все вместе и против всех... могила всего индивидуального и заповедного, окончательная инфильтрация души и воли... И вот в этот-то оголённо циничный мир, где идёт торгашеский промен духовных даров на дары вещественные, где шантажируют хлебом и выдают индульгенции на жизнь, где «нет преступления, а стало быть, и нет греха», а права человека выше прав народа, в эту плавильную печь, где из всякого своеобразия, и прежде всего из национального, вырабатывается стандартный продукт, — вот туда-то и вталкивается теперь торопливо Россия (и ныне уже втиснута Украина. — В.Т.) для соответствующего обжига и формирования» ...

Стратегия информационной войны строится на широком и настойчивом внедрении лжи совершенно по «формуле» Геббельса: «Ври как можно больше, что-нибудь да останется...» По наглости этой массовой откровенной лжи, нечеловеческой жестокости — нынешний «правый сектор» и «щирые западэнцы» во главе с Яценюком и Ярошем сопоставимы с фашистским висельником.

Вместе с тем проводилась системная «обработка» населения через СМИ. «Активность» и «пассивность» частей населения поддерживалась хорошо разработанным планом психологического внедрения, казалось бы, «нейтральных» идей в разные группы общества, вызывая у одних — «запланированное» возбуждение, у других — апатию и желание отдалиться от происходящего. При этом организовывались, образно говоря, «десятины влияния», которые служили источником лавинообразного распространения идей, «нужных» организаторам смуты, идей, внедряемых с помощью известных бихевиористских технологий.

Западные службы широко использовали известные способы нейро-лингвистического программирования, подталкивая политически слепых или купленных обывателей или агентов к распространению «бытовых» личных писем с чётко отработанной «внутренней» целью: внедрить в сознание всё большего количества граждан заведомую и несомненную политическую и фактическую ложь, воспринимаемую «от своих» с доверием.

Майданом двигали исторические и политические мифы, то есть ненаучные образные представления эмоционально настроенного сознания, включающие тенденциозно подобранные реальные детали и факты, создающие черты правдоподобия, выдаваемого за всю полноту истины, но в сущности истине противоположные. Представления, составленные в основном из ложных, ложно толкуемых, недостоверных или односторонне представленных посылок и фактов. В таком изложении знание подменяется вымыслом, имеющим некоторые черты правдоподобия, вымыслом, которому должны поверить. Так истина подменялась «прозападными» мифами, распространение которых было заранее поддержано беспринципной, безнравственной, проворовавшейся властью и продажной прессой, значительная часть которой находится под контролем и «на обеспечении» антинародных сил.

Вслед за тотальной ложью неизбежно следует тотальное повреждение здоровых духовно-нравственных основ жизни общества. «Дезинформационная подготовка» давала возможность «верхам» отвести от себя справедливый гнев и перенести его на неких «проклятых москалей», которые, мол, всегда и во всём виноваты...

Тех самых «проклятых москалей», за помощью к которым своею волею обратились предки малороссов, гнетомые выскомерною и жестокою польскою шляхтою. Тех самых братьев-«москалей», с помощью которых совершилось историческое воссоединение Левобережной и Правобережной Украины и возникла обширная, славная Малороссия (Украина), в XVII и XVIII столетиях знаменовавшая мощное развитие экономики и национальной культуры.

Тех самых «проклятых москалей», которые душевно любили Украину, а малороссов искренно считали братьями, вполне и во всём равными себе по правам в единой России и всегда занимавшими ведущие места в руководстве вплоть до XX века (как в составе ЦК КПСС, так и в советском правительстве).

Тех самых «проклятых москалей», которые по призывам партии участвовали в великих украинских стройках, а во

время Великой Отечественной войны, когда там зверствовали немецко-фашистские захватчики, проливали за освобождение Украины кровь, жертвуя жизнью.

Нужно вспомнить и тех «проклятых москалей», которые в ущерб РСФСР многие годы отдавали УССР непропорционально большую долю государственного бюджета. При этом во всех школах (в границах УССР), естественно, изучался в обязательном порядке украинский язык, на котором преподавались все школьные дисциплины. Украинский колорит во всём получал поддержку.

И ныне, даже в период «озлобленного» майдана, не довелось мне слышать в России от соотечественников слов злобы и ненависти по отношению к тяжко больной Украине и украинцам. Слышал я лишь искреннее сочувствие о захватившей народ «политической эпидемии», слова несомненной веры в грядущее его отрезвление и горькой боли за погибающих собратьев... Один же из достойнейших известных мне украинцев, живущих в России, в разговоре о майдане однажды сказал: «Глядя на всё это, мне иногда становится стыдно, что я украинец».

Что же случилось?.. Утверждение национальной идеи становится ложным, как только «неправо связывается с эгоизмом народным или когда понятие нации смешивается с понятием государства». Это и произошло на Украине.

«Ошибочно было бы думать, — писал выдающийся филолог А.А. Шахматов, — что великорусы перестали быть русскими в той суровой школе, которую они прошли одно время почти оторванными от культурного мира в борьбе с татарами, в колонизационных своих движениях и после столкновения с финнами. Ошибочно было бы думать, что малорусы стали менее русскими в тяжких условиях борьбы с татарами и поляками, когда им приходилось с оружием в руках отстаивать каждую пядь родной земли, охраняя вместе с тем свою веру и свои святыни. Не утратили своей русской народности и белорусы, несмотря на сложность тех влияний, в которые они попали благодаря политическому союзу с Литвой, бросившему их в объятия Польши...»

Для этого учёного было очевидно, что разумение под русским только великорусского наречия «было бы тяжким преступлением против государства, созданного и выношенного всем русским племенем в его совокупности». О том же свидетельствует выдающийся славист академик Б.М. Ляпунов: «Русский литературный язык никоим образом не может считаться исключительно великорусским; не может считаться вполне великорусским и общерусский разговорный язык.

Ясно, что русский литературный язык есть общерусское достояние. Это великое достояние, в создании которого принимали участие предки нынешних украинцев, пытаются отнять у них сегодня нынешние псевдонационалисты.

Преступление нынешних нацлжецов и в том, что у малороссов отнимают великую русскую культуру, наше общее великое достояние, созданное представителями всех трёх ветвей единого народа. Эта культура мирового уровня и значения, культура, которой украинец может гордиться точно так же, как и великоросс.

Прошлогодние страшные трагедии в Киеве, Одессе, Мариуполе и иных местах убедительно свидетельствуют о фашистском характере украинского «правого сектора». Эти кровавые преступления никогда не будут забыты. Ни в нынешнем, ни в будущем веке. И вина за них ложится не только на их «исполнителей», но и на тех, кто сеял откровенную ложь и возбуждал противоземственную ненависть к ближним, к своим, к родным. Озверелая самостийность не имеет никакого отношения к истинному и святому чувству любви к своему народу и отчизне. После таких преступлений невозможно верить их пособникам, власти, не осудившей совершённые зверства и, в сущности, поддерживающей их сегодня!

У киевского майдана было «конфессиональное лицо». И оно проявлялось в исторически типичном греко-католическом и униатском насилии над православными, предшествовавшем событиям 2014 г. Насилием, весьма напоминающим характерный для политики Западной церкви кровавый террор, выдаваемый с гнуснейшим иезуитским лицемерием за так называемый «цивилизационный» путь единения западной и восточной церквей. Но это путь грубого тиранства, проводимый ещё апостолом насилия архиепископом Иосафатом Кунцевичем, по распоряжению которого закрывали и сжигали православные храмы. В 1623 году в Витебске сей «поборник христианской веры» отдал распоряжение выкапывать тела умерших православных христиан и бросать их собакам. Таков был этот варвар, канонизированный католической церковью как «святой». Таким террором осуществлялся иезуитский церковный раскол и сеялась рознь в среде белорусов и малороссов. Не забудем, что в начале гитлеровской агрессии Ватикан запланировал послать в Россию 200 католических священников-миссионеров. Гитлер разрешил это только католикам! И на захваченных землях католики и униаты активно сотрудничали с оккупантами...

Неудивительно, что нынешние украинские события спланированы, разработаны и профинансированы прежде всего

США, возникшими некогда на трупах уничтоженных ими коренных жителей страны — индейцев. Ещё А.И. Герцен писал об этой стране: «Америка, как сказал Гарибальди, — «страна забвения родины»; пусть же в неё едут те, которые не имеют веры в своё отечество». Ведь не кто иной, как американец Збигнев Бжезинский, известный русофоб и ненавистник России, с 1960 г. посвятил себя разработке независимого статуса Украины. При этом он делал ставку прежде всего на борьбу с общерусским литературным языком, на изоляцию от русской культуры и вообще на «самостийность» без берегов. По раскладу Бжезинского, отторжение областей «этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими», не позволит «превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу».

Наконец, «руководящей» политической силой, скрытой от глаз наивного обывателя, является сионистский олигархат, уже скупивший всё, что можно было скупить на Украине в период «самостийного безвременья», глубоко равнодушный ко всему, кроме своих корыстных денежных и политических интересов, жаждущий сохранить и умножить награбленное и окончательно утвердиться во власти на Украине в продолжающейся «самостийной» смуте.

Поколения наших отцов и дедов хорошо знали гоголевского «Тараса Бульбу» и отлично помнили пророческие слова (в его речи о товариществе) о язве подлого национального предательства, случавшегося в малороссийской истории:

«...Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли басурманы, всё пропало; только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же, как и мы, земля наша!.. Знаю, подло завелось теперь в земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные мёды их; перенимают чёрт знает какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чёботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками,

схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело...»

Инициатива русского национального и общеславянского предательства, коренящаяся в отречении от родных корней, могла быть поддержана прежде всего врагами и криминальной частью бунтовщиков, составляющих «бродило» гражданской войны. Это отметил ещё в конце 30-х годов прошлого века И.А. Ильин, передавая слышанное от собеседника:

«Гражданская война — это взрыв ненависти, за которым следует всеобщий пожар... Гражданская война подобна эпидемии; это психоз ненависти, распространяющийся всё дальше и захватывающий всё новые слои общества... Враг в интернациональной войне никогда не достаивается такой ненависти, как враг-земляк в гражданской войне... Это — время всеобщего предательства и грубого сведения счётов.

Это время всеобщей потери нравственности. Законы молчат или беспрестанно меняются. Уголовники открыто выстчат и беспрепятственно бесчинствуют. Они стремятся присоединиться к обоим фронтам, что им и удаётся; они проникают повсюду и увлекают нравственно слабых. Поэтому это время малого и большого авантюризма. Этих людей, авантюристов гражданской войны, надо было наблюдать непосредственно, чтобы понять их природу: честолюбивые и алчущие власти, совершенно лишённые корней, деморализованные, они делают из гражданской войны профессию; бедность собственного народа им ни о чём не говорит; всеобщую разруху страны они даже не замечают; разрушение национальной культуры им безразлично. Это безродные карьеристы, которые привыкают купаться в крови и которым всё равно, где добывать деньги...»

В этих обстоятельствах «украинство» не что иное, как местечковое западничество, находящее своё выражение прежде всего в польской культуре, католической церкви и немецкой государственности, черпающее свои идейные предпочтения из польско-католического мировоззрения.

Все, кто действует вопреки разумной консолидации и исторически сложившемуся и завоёванному национальному единству, являются очевидными врагами мира и России и на деле поддерживают интересы международного сионо-американского лобби. Массовая профессионально подготовленная дезинформация затуманила сознание большей части украинцев. Дымовая завеса майдана заслонила ясность их видения и повредила политическую трезвость.

И теперь смотреть, как одна часть родного народа, заражённая чудовищной беспросветной ложью исторического и

духовного чужебесия фашистского толка и повреждённая ложной националистической шизофренизацией, убивает другую, незаражённую часть того же родного народа, вызывая естественное сопротивление, — невыносимо. Это национальный садомазохизм, это боль всего славянского мира. Тут страдания всех ложатся на чашу весов осуждения смуты. Между тем преступная ложь продолжает плодиться...

Здоровый национальный инстинкт значительной части масс во время смуты оказывается грубо повреждённым. В основе всего этого — глубокое невежество. Национализм с намерением толкуется неграмотно и извращённо. В переводе «национализм» означает: народность. Неверно придавать этому слову иной смысл. Подлинная народность — основа всякой личности. «Национализм, — писал И.А. Ильин, — есть *любовь* к историческому облику и творческому акту своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть *вера* в истинную духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвёл в Божием саду... Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви. из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство (подлинное, а не извращённое! — **В.Т.**) есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к духовному расцвету. Это и есть некий восторг от созерцания своего народа в плане Божием и дарах его благодати. Это есть благодарение Богу за эти дары, но в то же время и скорбь о своём народе и стыд за него, если он оказывается не на высоте этих даров...»

Итак, национализм — это любовь, вера, воля и система поступков, вытекающих из любви! Утверждая достоинство своего народа, истинный националист требует достойного к нему отношения. Требование это может опираться только на уважение националиста к любому другому народу.

Подлинный националист — враг всякого шовинизма, нацизма и фашизма. Национализм — это духовное достоинство. Шовинизм, нацизм, фашизм, унижающие отношение одного народа к другому, — это мерзость, тяжкий грех и преступление перед человечеством, достойные отпущения.

Проявления этой мерзости разнообразны. Нередко она выражается в заведомой клевете на какой-либо народ. Так, недруги России упорно говорили о якобы её агрессивности. Да, немало пришлось воевать русскому народу! Но (и это главное!) «подавляющее число русских войн всегда были войнами оборонительными. Те же, которые можно назвать наступательными, велись с целью предотвращения нападе-

ний и для уничтожения международных разрушительных сил, с конца XVIII века непрерывно грозивших Европе страшными потрясениями».

И сейчас ещё те, кто лелеет свои агрессивные планы, разглагольствуют на Западе о якобы угрозе от России. Эта старинная выдумка с умыслом навязывается Западом даже правдолюбивым славянам, профессионально отравленным прививками провокационного эгоцентризма и политического безумия. «...Россия на протяжении веков, — писал поэт и литературовед Е.Н. Лебедев, — во всеоружии моральных и материальных факторов отстаивает себя от внешних посягательств и, отстаивая себя, неизбежно несёт вовне, на Запад, не только политическое, но и духовное освобождение от тех цепей, которыми он всякий раз оказывается скован по собственной воле. И всякий раз в таких случаях (Карл XII, Фридрих II, Наполеон) Россию ожидает на западе глухое или явное, затаённое или воинствующее непонимание, в конечном счёте ненависть. Запад на протяжении веков пугает себя призраком некоего чудовища с Востока, которое поглотит его. Призрак этот не что иное, как фантастическое отражение ущербно-экспансионистских устремлений (политических и волевых) Запада. В действительности всё оказывается наоборот: именно из недр самой западной жизни появляется на свет чудовище, которое поглощает в себя все государственные и национальные частности Европы (все Франции, Италии, Германии, Австрии), то есть ведёт себя как псевдорусский призрак из страшной сказки. Путь к мировому господству лежит через Россию, которая не даёт себя победить. Когда же она, добывая чудовище, гонит его вспять и раскраивает наконец его чрево, из которого выходят на свет и устремляются к новой жизни некогда поглощённые чудовищем государственно-национальные организмы, вновь обретшие свою частность, они при виде русского войска в Европе содрогаются от страха: вот оно и сбылось! пришло чудовище-то! Со временем страх обращается в ненависть, и новая безумная, самоубийственная экспансия на Восток, в общем, становится неизбежной. Нежелание и неспособность понять Россию коренным образом связаны с нежеланием и неспособностью Запада противостоять своим собственным экспансионистским устремлениям».

Вражда сеется врагами рода человеческого в едином народе, получившем историческое духовное окормление в лоне Православного крещения Руси. Ибо исторически сложившаяся единая Россия сегодня — единственное надёжное препятствие на пути европейской и мировой смуты. Ибо Россия

есть не случайное нагромождение территорий и племён и не искусственно слаженный «механизм» областей, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной ещё в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена. Это понимали и понимают трезвые защитники славянских народов. Так, в проекте Обращения к славянам Белоруссии, России и Украины в ноябре 1997 года говорилось, что идея единства должна быть путеводной звездой в отношении между славянскими государствами: «...Как можно и зачем отделять Украину от Сибири и Крым от России? Всё это кажется особенно странным и вредным на фоне нынешнего и быстрого объединения совершенно разных стран и народов Европы».

Политическая авантюра славянского разлада подготовлена преступным нарушением результатов всенародного референдума о сохранении единства страны, предательским Беловежским сговором и прозападной сепаратной политикой украинских «самостийников», хотя «самостийная Украина только и может быть трамплином, ведущим немцев к мировому водительству».

Страшные последствия такой авантюры провидчески обозначил в середине прошлого века в своих историко-стратегических размышлениях гениальный И.А. Ильин: «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейская, азиатская и американская) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчёты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и

«опорных пунктов»; мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое (! — **В.Т.**) аннексирование неустроенных и незащищённых новообразований (Германия двинется на Украину и в Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т.д.). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры»); все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчленённая Россия станет неизлечимую язвою мира». «Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами»... Взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению».

Совершенно ясно, что всякий, действующий вопреки мирной консолидации и традиционному единству, является очевидным врагом мира, ибо защищает интересы провокаторов смуты — международного сионистско-американского лобби.

Заметим, насколько правдоподобно мнение умного поляка, приводимое тем же И.А. Ильиным. Этот поляк (отнюдь не патриот России!) говорил: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи с востока и с запада». Этого не желают понимать апологеты предательства и вероотступничества, подготовленные врагами убогие ненавистники России, рабелепствующие перед хищным Западом, культивирующие сочинённый миф об утерянном украинцами «золотом веке», их сказочном былом процветании.

Никакой «колонизаторской политики» по отношению к украинской части России и украинской «оппозиции российскому царизму» и «москалям» не только не было, но и не могло быть. Было единое государство, развивавшееся во взаимодействии всех своих частей, всей его территории. «Развесистая клюква» лжи современных бессовестных «учёных», вдалбливающих в головы молодёжи историческую ложь, с первого взгляда видна всякому грамотному и честному специалисту-историку.

«Мировая закулиса хоронит единую национальную Россию... — писал И.А. Ильин. — Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безадёжно на века. Россия — не

человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своём призвании... Не хороните же его преждевременно! Придёт исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!» «...Только восстановление России во всей её испытанной международной лояльности (от Ярослава Мудрого до Калки, от Непрявды — до Чёртова моста, от Аустерлица, Бородина и Лейпцига до героической смерти императорской семьи) умиротворит вселенную». Как бы то ни было, но рано или поздно — Божья правда восторжествует и виновники славянской смуты будут посрамлены.

В одной из статей председатель Союза писателей России В.Н. Ганичев упомянул встречу писателей с учениками современной украинской школы. Встречу, на которой так в сущности и не удалось «расшевелить» ни школьную аудиторию, ни учителей: «все они сидели с пустыми глазами». Недоумение выступавших рассеяла одна школьная учительница, сказавшая Валерию Николаевичу: «...Они же ничего не знают, ничего не чувствуют, они не читали письмо Татьяны к Онегину, они не знают про Тараса Бульбу...» Они не знают. Но они думают, что правы в своём незнании. И это — несчастье...»

Наши отцы и деды, и малороссы, и великороссы, и белорусы, вынесшие на своих плечах тяжесть невыносимых испытаний России XX века, победившие в Великой Отечественной войне, с гордостью за великую русскую литературу мирового значения читали и изучали её в полноте, достойной школы независимой страны, возрастая умом и возгораясь сердцем.

Они осваивали великую русскую классику не по «отрывкам», не галопом по Европам, но внимательно читали изучаемые произведения, а многие стихотворные тексты знали наизусть. В главном и целом они представляли себе историю отечественной литературы. Ибо имели счастье учиться по полноценным программам школы независимой державы, по программам, в которых на изучение родной словесности отводилось время, соответствующее смыслу и значению учебного материала.

Нашим отцам и дедам, например, в старших классах средней школы на изучение «Слова о полку Игореве» отводилось 7 классных часов (теперь отводится — 3), на изучение творчества М.В. Ломоносова — 5 (ныне — 2), на знакомство с произведениями Д.И. Фонвизина — 8 (сегодня — 3), на А.С. Грибоедова — 12 (сейчас — 7), на творчество А.С. Пушкина — 40 часов (в настоящее время — 15), на М.Ю. Лермонтова —

24 (в наши дни — 9), на И.С. Тургенева — 15 (в современной школе — 9), на творчество Н.А. Некрасова — 15 (по нынешним программам — 6), на творчество Л.Н. Толстого — 30 классных часов (в настоящее время — 17) и т.п.

За отведенное ныне учебное время невозможно достичь нормального освоения даже жалкого количества оставленных в программе произведений, не говоря уже о должном для гражданина независимой державы, базовом знакомстве с русской классикой — на уровне нормальной (полноценной) средней школы...

Неполноценное, убогое ознакомление молодёжи с отечественной литературой в сегодняшней школе, определяемое нынешними «стандартами», — это государственное преступление!

Наши отцы и деды в молодости жили в благодатной аудиосреде: по радио неизменно и постоянно транслировались высокохудожественные классические литературные и музыкальные произведения, а мусор массовой культуры в СМИ не допускался.

Какие же знания приобретает ныне молодёжь в школах России, не защищённой от активной массивированной информационно-психологической агрессии?

Произведения, отрывки из которых здесь приведены, ныне изъяты «пятой колонной» врагов полноценного образования из программ школьного изучения!.. «Это потому, — с иронией разъяснял мне один из учителей, — что хорошо работает ОТПАД (Общество тайных последователей Алена Даллеса)». Эта шутка, если посмотреть на результаты разрушительной деятельности в области образования в России, очень похожа на правду.

Урон, нанесённый современной школе умалением литературного образования, чреват подрывом культурного потенциала страны. Приведённые «изъятия» из школьных программ, как и многие другие, здесь не приведённые, вполне отвечают разрушительным задачам тех, кому, по их словам, «угрожала» некогда система образования в России. Нынешний учащийся лишён той полноты знания русской классики, которая необходима для первоначального формирования культурного потенциала гражданина России. Ведь освоенная в школе классика становится на всю жизнь материалом для осмысления и духовного роста.

От современника, лично знавшего учёных, я слышал: «Когда академик В.И. Вернадский приходил в гости к академику Н.Д. Зелинскому, они садились у камина. Иногда один из них начинал наизусть читать страницами «Войну и мир», а другой — продолжал...» Достоинство изученная класси-

ка становится на всю жизнь родной и необходимой. Раньше **учили** читать художественные произведения. При нынешних обкраденных реформами программах по литературе и отнятых разрушителями школы учебных часах на её освоение — это стало невозможным.

Так осуществляется духовный геноцид, ибо народ лишается возможности нормально утвердиться в своей культуре, усвоить необходимый для этого объём её наследия.

Враги отечественного образования намерены ныне закрепить «успехи разрушения». Поэтому очередные действия «пятой колонны» нацелены на снижение уровня отечественного педагогического образования, на окончательную замену его педагогическим образованием колониального уровня.

Одним из главных «приёмов» такого разрушения стало в последнее время (на филологических факультетах) произвольное и никак научно не мотивированное, варварское сокращение «сверху» лекционных и семинарских часов по русскому языку и русской литературе с изъятием целых относящихся к ним дисциплин и разделов учебных курсов. Специалисты знают, что для успешного освоения филологических дисциплин «традиционные» формы обучения никакими другими заменить нельзя. Зная это, «реформаторы» сокращают часы, преследуя свои разрушительные цели ради так называемой успешной «экономии». Это «успешно» снижает уровень знаний будущих специалистов. Зловещий успех таких преобразований широко распространяется в последнее время. Всё это уже довело вузовскую систему в гуманитарной её части до стадии неизбежного саморазрушения.

Но этого им мало. «Пятая колонна» стремится подсесть под корень сколько-нибудь приемлемые для независимой страны педагогические вузы.

Банальное сравнение учителя и ученика с сообщающимися сосудами не утратило смысла. Чем больше у учителя (и преподавателя вуза) основательных научных знаний по специальности и по смежным дисциплинам, тем больше у него возможностей «поднять» ученика над обыденными задачами и возбудить творческое мышление, а значит, обеспечить достойное овладение им специальностью и профессиональный рост. Чтобы успешно трудиться в своей сфере, и учитель, и преподаватель вуза, профессор — должны быть высокообразованны, должны обладать широким объёмом знаний и полётом мысли. Снижение объёма и уровня знаний будущих учителей, неизбежно будет снижать общий уровень образованности и культуры в стране. Какой успех сулит это врагам отечественной культуры — трудно даже представить!

«Вывешенный» в конце прошлого года на сайте Министерства образования проект: «Концепция поддержки развития педагогического образования» по содержанию и смыслу является установкой на запланированное снижение уровня базовой подготовки педагогов и превращения педагогических вузов в учебные заведения более низкого класса (нечто вроде техникумов). При этом предполагается сократить срок обучения до 4 лет и «ужать» теоретические (то есть базовые) курсы, увеличив время на «школьную практику». Иными словами, планируется внедрение в школу учителя, скудно образованного в своей специальности и в иных базовых предметах и «воспитываемого» изначально в среде малообразованных учащихся (всё это неизбежно при ослаблении образования учителя по специальности и снижении познаний в теоретических педагогических дисциплинах).

Как не вспомнить слова из не так давно полученного мною письма сибирского коллеги, остро болеющего за своё дело (прошу прощения за цитирование личного документа): «...По новой университетской программе лекционный курс русской литературы сокращён в два раза. На последнюю треть XIX века — Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Успенского, Чехова, Короленко — отводится теперь лишь 30 лекционных часов. Это гибель университетского филологического образования. Такая беда!».

Согласен. Действительно — беда! Восполнить лекционный способ освещения истории художественной литературы невозможно ничем (такова особенность этой гуманитарной дисциплины): ни «дистантным» обучением, ни компьютерными программами и прочими «новациями», выдуманными чиновниками-невеждами от образования или же — прямыми его разрушителями...

В этом году враги народа (есть полное право называть их так по существу их разрушительной деятельности!) подняли руку на ведущий педагогический вуз страны. По инициативе «пятой колонны» запланировано и осуществляется «сверху» превращение ведущего педагогического университета (МПГУ) в учебное заведение колониального уровня и типа. Планируется и осуществляется «сверху» резкое сокращение теоретической (то есть базовой предметной) подготовки студентов, уменьшение в 1,5—2 раза содержания курсов важнейших дисциплин. Так, в условиях ведущейся ныне информационной войны запланировано предательски сократить на несколько семестров курс современного русского языка. Ликвидируется курс русской литературы XVIII века, а курс литературы XIX века сокращается до непристойно-абсурдных размеров и т. п... Нетрудно по-

нять, что эти откровенно разрушительные «реформы» являются по масштабам их последствий государственными преступлениями, а осуществляющие их де-факто — по содержанию и направленности своей деятельности — государственными преступниками, подрывающими и уничтожающими образовательный и культурный потенциал страны.

За подобные безусловно разрушительные, преступные «деяния» их инициаторы и «проводники» в правовом государстве (при наличии известного потенциала честных специалистов-руководителей и патриотически мыслящих правозащитников) давно бы сидели на скамье подсудимых как обвиняемые в государственном преступлении!..

Невежество, примитивизм, ограниченность — неперенные содействователи рабства. Невежды, не обладающие истинным знанием, — арсенал армии бунтарей, сторонников смуты, стихии и разрушения. Людей такого «духа» готовит нам «на смену» «пятая колонна» в нашем образовании.

К ней принадлежат обольстительно-красноречивые представители глобализма и нанятые им «исполнители», вроде Г.Грефа. Сей субъект без стеснения заявил, что высокая образованность и подлинная информированность народа недопустима, потому что образованным обществом невозможно манипулировать. Это высказывание Г.Грефа — мракобесие в чистом виде. Подлинное образование, необходимое независимому государству, — основа созидания материальных и духовных ценностей и предпосылка защиты созидателей от тех, кто живёт за счёт чужого труда.

Недрузи, паразиты и предатели не желают восстановления у нас подлинного массового образования высокого уровня. Но такое образование насущно необходимо России для государственной независимости и защищённости.

«Пятая колонна» в российском образовании во время перестройки перехватила инициативу его усовершенствования и главную ставку сделала на его реформирование «через администрацию» под предлогом смены идеологии. И прежде всего навязала деидеологизацию без берегов. Нелепая установка на обесмысливание (идея — значит: *мысль*; деидеологизация — значит предметно: отказ от *мысли*) сменилась разрушением школьных программ по базовым дисциплинам, катастрофическим снижением их содержательности и методического обеспечения. Одновременно настойчиво велись разговоры о модернизации, которая по всем статьям превращалась лишь в модернизацию разрушения.

Понимали всё это иные руководящие образованием? Понимали.

К одному из них, немного знакомому мне ранее (всем известную фамилию не называю, ибо не в ней суть), я в начале перестройки «напросился» на приём, наивно надеясь начистоту поговорить о том, как воспрепятствовать вредным изменениям в образовании. Разумеется, толку не вышло: «высокий начальник» принадлежал к «пятой колонне». Одну из сказанных им тогда откровенных фраз я запомнил дословно: «А чего вы хотите? Березовскому и Гусинскому не нужен народ, а нужно быдло». Впоследствии на своём посту сей руководитель никак не мешал тому, что, по его же словам, выгодно «власти, ограбившей народ» и упорным бездействием послушно потворствовал разрушению отечественного образования...

Какое же образование стремились разрушить? В XX веке крупнейший американский военный специалист вице-адмирал Г.Дж. Риквер заявил: «Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования». Запомните эти слова: «угрожает системой образования». Значит, отличной была эта система!..

Эта система образования отличалась ориентацией на научную фундаментальность (полноценное изучение суммы базовых предметов школьного курса), на приобщение к рационально-логическому, эмоционально-образному и духовному опыту, на формирование целостной личности, обладающей первоначальной основой знаний. Всё это и подлежало организованному разрушению во время пресловутой «перестройки».

Бывший министр образования Э.Днепров, создавший предпосылки для резкого снижения уровня знаний в отечественной школе, исповедовал (цитирую!) «пробуждение самостоятельности, субъективности в каждом участнике образовательного процесса», кроме того, «устранение государственной монополии на образование и превращение школы из госучреждения в социальный институт». За этими словами скрывалось разрушение единого образовательного пространства России, навязывание плюралистических взглядов, создание многообразия, уводящего от нормы и истины. При помощи активно проповедуемого академиком РАО А.Г. Асмоловым плюрализма в школьном деле всё это легло в основание первого этапа разрушительных «образовательных» реформ.

Вопреки всякой логике и научным представлениям министр В.М. Филиппов заявлял, что политика в области образования будет опираться не на знания «профессионалов,

пусть даже самой высокой квалификации», а на мнение масс. Каких масс — министр не пояснял. Одновременно он признался, что реформирование проводится под руководством «закулисы» и что раз в четыре года программу ЕГЭ будут нам давать иноземцы.

Министр А.А. Фурсенко подтвердил **колониальную политику** в нашем образовании и её противоположность задачам школы независимой державы. Он заявил: «...Основная школа у нас провалена» (Комсомольская правда, 22.08.2011); выпускник школы «не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили для получения конкретного результата».

В те годы из руководящих министерских документов перед утверждением были изъяты такие положения: «Образование должно войти в состав основных приоритетов российского общества и государства». Были удалены предложения о духовно-нравственных требованиях современности, оказались вычеркнутыми сведения об убогом финансировании образовательных учреждений и предложения о необходимости увеличения финансирования образования (с 3,5% до 4,5% ВВП) и др.

Из проекта закона исчезла установка: «...при разработке минимальных социальных стандартов особое внимание уделить вопросам, связанным с обеспечением конституционных прав граждан на получение бесплатного образования...» и т.д. Был снят абзац, определяющий существо школьного дела: «Основная цель общего среднего образования — подготовка разносторонне развитой личности гражданина, ориентированной в традициях отечественной и мировой культуры, в современной системе ценностей и потребностях современной жизни...»

«Пятая колонна» сразу определила место стратегического удара. Он сосредоточился прежде всего — на словесности. Ведь недруги понимали преимущество советского гуманитарного образования. Не случайно в XX веке, принимая во внимание изучение гуманитарных предметов в советской школе, верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг заявил: «...Сила нации заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её достижениях в области физики, химии и электроники. Тот, кто полагает, что знание мировой поэзии и классической литературы не является существенным не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого».

США активно ведут информационно-психологические, в том числе «культурные войны». Цель таких войн — повре-

дить духовный код народа, ослабить и растлить его историческое сознание, разрушить крепящую мощь национальной культуры и тем самым сделать народ неспособным к активному противостоянию.

Репетиция этой «методы» была успешно проведена на Украине. В России же «пятая колонна» в образовании вот уже 20 лет системно и целенаправленно отнимает у молодых граждан то, что существенно важно «не только для качества, но и для жизнеспособности нации». Так возможно ли считать происходящее 20 лет в нашей школе невинным реформированием, «экспериментом», а не сознательным предательским разрушением важнейшей государственной сферы — образования?!

Под знаменем деидеологизации с помощью фонда Сороса (сейчас он в той же роли подвизается на Украине) в своё время было издано множество книг, значительная часть которых была на деле остро идеологизирована и направлена против формирования в школе нормального, созидательного, национально-государственного и патриотического сознания. Например, в книге С.А. Шульца «Гоголь. Личность и художественный мир» (М., 1994), автор, пренебрегая истинным предметным содержанием творчества великого писателя, навязывал читателю умозрительные «схемы», доводя до абсурда толкование замысла и сущности ряда произведений классика, искажая смысл и пафос гоголевского творчества. В книге «доказывается», что предательство Андрия («Тарас Бульба») — это всего лишь свободный выбор человека, отказавшегося от предусмотренной системы ценностей и утверждающего личную самостоятельность вопреки общности порождцев. Так открыто пропагандировалось дезертирство, предательство, измена товарищам и Родине.

Упомяну ещё об одном издании (из немалого ряда подобных, выпущенных в то время). Оно рекомендовано (!) Министерством образования России. Интересно — для чего оно рекомендовано? На деле — для повреждения и растления сознания школьников. Это антинаучная и беспрецедентно безнравственная по отношению к великой русской литературе книга под фальшивым названием «Родная речь. Уроки изящной словесности» П. Вайля и А. Гениса (1994). Книжонка эта — комок грязи, брошенной в чистые воды русской классики её ненавистниками и невеждами. Она отличается ёрническим стилем, легкомысленно безответственными, а более точно — умышленно кощунственными оценками, нарочитым «примитивизмом» в толковании произведений и тоном наглой безапелляционности. Одобрение этой книги для школы — несмы-

ваемый позор Министерства образования! И ведь сколько было выпущено книг такого «духа»!..

В то же время достойнейшие учебники, отвечающие создательным образовательным, воспитательным научно-методическим задачам школы, бракуются находящимися в фаворе у власти «рецензентами».

В преддверии 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина, несмотря на многочисленные протесты учёных, был ликвидирован в Министерстве образования Отдел русского языка, обеспечивавший стратегическую работу и координацию усилий в важнейшем деле языковой государственной политики. «Пятая колонна» в образовании поддержала эту разрушительную акцию.

Но ведь русский язык открывает путь к стратегически важной для жизни страны русской культуре. Русский язык обеспечивает возможность целостного становления личности гражданина России, жизни страны в целом.

Далеко ли ушли в овладении истинными знаниями от тех, сидящих «с пустыми глазами» украинских юношей и девушек, школьники современной России, изучающие в редкие часы на уроках «совмещённого филузла» («занятиях по словесности») жалкие «остатки» того, что с огромной пользой для себя приобретали на всю свою жизнь наши деды, победившие в Великой Отечественной войне?

Преподаватель факультета журналистики МГУ несколько лет назад так оценивал положение: «По сути дела, в этом году, мы набрали инопланетян, они не умеют не только писать, но и читать: просьба прочесть коротенький отрывок из книги ставит их в тупик. А это значит, что мы идём к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным» (МК, 03.11.2009).

Не лучше обстоит дело с формальной грамотностью. Диктанты в московских школах дают (по представленным мне учителями 3 московских школ сведениям) до 47—70 % двоек. Примеры можно умножить. Впрочем, постоянно демонстрирующий своё бескультурье и отсутствие образованности министр образования Ливанов заявил, что не нужно строго спрашивать грамотности с учеников, надо дать им возможность свободно самовыражаться. Но из-за снижения культуры языковой среды, убогого содержания школьных программ по литературе и русскому языку и преступного сокращения количества учебных часов владение родной речью «среднего» школьника в России намного ниже допустимого в обществе, считающем себя цивилизованным. Дальше ехать некуда!..

В одобренной ещё в 1999 г. программе по литературе для средней школы изучаемые писатели были представлены вне исторического рассмотрения, как конгломерат творческих личностей, не связанных между собой ни единством в развитии русской духовной культуры, ни единством исторической судьбы России. Был практически отброшен научный принцип историзма в преподавании литературы в школе. Фольклор и русскую литературу Средневековья на этом этапе катастрофически «ужали». Это исключало возможность сформировать у школьников даже самое приблизительное представление о месте этих сокровищ в русской словесности, ранее достойно представленных в школьных программах.

Известный учёный, академик Украинской Академии наук А. И. Белецкий, в своё время ратовал за более широкое изучение в школе литературы русского Средневековья; он назидательно писал: «Не должна ли школа готовить прежде всего граждан, не только любящих Родину, но и знающих, за что её нужно любить, какие накопленные в ней долгими веками ценности нужно охранять и отстаивать?»

В 1999 году В. М. Филиппов подписал Приказ, содержащий обязательный минимум содержания среднего полного образования. Этот список рекомендованной обязательной художественной литературы для школы непригоден для полноценного образования с научной, историко-литературной, воспитательной и др. точек зрения. Он был направлен, в сущности, на подрыв национально-исторической и культурной памяти молодого поколения.

История русской литературы была в нём «обрезана» на 700 лет. Тем самым учащуюся молодёжь России лишили возможности представлять (хотя бы минимально!) литературу русского Средневековья. Приказом было узаконено изъятие из обязательных произведений патриотического «Слова о полку Игореве», «Поучения Владимира Мономаха», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Жития Александра Невского», а также «Повести о Горе-злосчасти» и других литературных памятников.

В число обязательных авторов в обязательный список не вошли: М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин (его именем В. Г. Белинский назвал целый период русской словесности), А. Н. Радищев, И. А. Крылов, который, по словам того же В. Г. Белинского, «один мог бы быть главою и представителем целого периода литературы», ибо «первый внёс в русскую литературу элемент народности». В списке отсутствовали автор известных исторических дум К. Ф. Рылеев, а также А. С. Грибоедов, плоть от плоти народной, поэт А. В. Кольцов, самый «хресто-

матийный» некогда поэт А.Н. Майков и другие. Из перечня произведений крупнейших писателей были изъяты в названном списке — многие наиболее значимые и важные (и в историко-литературном и в воспитательном отношении).

Например, в нём отсутствовали произведения А.С. Пушкина «Деревня», «Арион», «Анчар», «К морю», «К Чаадаеву», «Клеветникам России», «Я памятник себе воздвиг», поэма «Медный всадник» и трагедия «Борис Годунов». Среди лермонтовских произведений были изъяты стихотворения «Смерть поэта», «Нет, я не Байрон...», «Два великана» и др.

Не было в этом списке «Ревизора» Н.В. Гоголя и ряда известных его произведений, ранее неизменно изучавшихся в школе. Был «изъят» роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», необходимый для понимания истории русского общественно-литературного движения (с ним спорили Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.). Из списка исчезли едва ли не самые значительные (и злободневные!) стихотворения Н.А. Некрасова «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»), «Родина», поэма «Кому на Руси жить хорошо» и т.д.

Заметные «успехи» в разрушении образования в школе были достигнуты в 2007 г. Во-первых, «официально-экспериментально» было отменено обязательное итоговое сочинение по литературе. Это практически уничтожило возможность обучения грамотно рассуждать и выражать свои мысли в письменной форме. Во-вторых, экзамен по русскому языку «перевели» на тесты. Формализация проверки языковых знаний неизбежно изменила содержание и способы преподавания предмета, требующего живого, творческого отношения, усугубила деформацию языкового сознания учащихся и значительно снизила грамотное владение родной речью. В-третьих, усердные «новаторы» (хотелось бы употребить здесь соответствующее обличающее слово!) ввели в 9-м классе «малый ЕГЭ», чем увеличили опасность срыва на старте заключительных школьных экзаменов. В-четвёртых, изучение иностранного языка было увеличено до пяти часов в неделю (за счёт русского!), начиная с младших классов. И всё это при том, что учащиеся младших классов ныне владеют русским языком совершенно недостаточно и что современная языковая обстановка в стране в ужасном состоянии.

По московскому базовому учебному плану образования на русскую словесность отводилось в старших классах 204 часа, а на английский язык — 408 часов!

Руководители российского образования не могли не знать, что отечественные и зарубежные классики педагогики пре-

достерегали от раннего перенасыщения сознания детей иностранными языками, обращая внимание на главную задачу: изучение родного языка поставить «во главе гуманитарного образования». И убедительно настаивали: в противном случае может случиться, что ребёнок «откажется навсегда от своей части в драгоценном наследии народа, от той части, которая только и усыновляла его родине и народу...». Руководство Российского образования не противостояло этой оккупационной политике.

Наконец в марте 2008 года было объявлено, что литература официально исключена из списка предметов, проверяемых на выпускных экзаменах, то есть практически не обязательна. Одновременно в неблагополучной языковой среде министерством было предписано сократить количество учебных часов, отводимых на словесность. И всё это при постоянных информационных диверсиях против России, всё это — при постоянном активном снижении культурного уровня школьников усилиями врагов полноценного образования, не встречающими никакого сопротивления.

Сокращение программ по русскому языку, преступное сокращение времени на его изучение привели к тому, что значительная часть учащейся молодёжи в России сегодня не владеет русским языком на культуuroбеспечивающем уровне. Вместе с тем «новаторы» активно стремились свести изучение родного языка к обучению орфографии и пунктуации. С этой целью все темы историко-культурологического содержания, ранее изучавшиеся в школе, были выброшены из программ. Например, были сняты темы: «Богатство, красота и выразительность русского языка», «Роль церковнославянского языка в развитии русского языка», «Понятие об этимологии», «Этимологические словари русского языка», «Основные толковые словари русского языка» и многое другое.

Все названные антипедагогические и антикультурные изменения не вызвали возражений «руководителей образования», судя по всему, определяющих политику в этой сфере. Вредоносные установки новых программ стали внедряться в школах.

Современные российские программы по русскому языку и литературе, выпущенные и утверждаемые «свыше», достойны не просто осуждения, но наказания: в них нагло ограблены современные поколения русской молодёжи: у неё отняты законно принадлежащие ей сокровища русской национальной культуры, получившей всемирное признание; в них нередко включается то, что к программам обязательного изучения не имеет отношения.

Вдумчивому и честному читателю нетрудно придти к однозначному выводу о проводимом разрушении школьного дела: образовательная политика в России организовано изменилась: от образования, присущего независимой стране, к образованию колониального уровня и типа.

Убийственные результаты этих изменений окончательно обнаружатся, когда со сцены сойдут поколения, получившие полноценное образование в учебных заведениях России XX века. Всё это следствие несомненного преступления «управляющих» нашим образованием. Следствие не ошибок педагогического руководства, а несомненного профессионального преступления государственного масштаба! Речь идёт о государственной безопасности, о судьбе страны!

Но в российском эфире (даже в Год культуры!) почти не было слышно того, что должно звучать постоянно: высочайшей русской литературной и музыкальной классики, наших замечательных, берущих за душу народных песен. Даже на радиотранслированных столичных проспектах постоянно демонстрировали псевдомелодии обрыдлой для нормального музыкального слуха западной «массмузыки». Подобное по духу происходит в изобразительной городской рекламе, на «дежурных» афишах и стендах. Так народ пытаются приучить к посредственности, к мусорным продуктам масскультуры.

Всё это подтверждает, что свобода слова не стоит ломаного гроша, если представители власти или равнодушны, или невежественны, или противостоят народным и государственным интересам. Где же ваша культура, ваша совесть и ваша власть, народные депутаты и начальнички?! Или вы считаете, что достаточно объявить «год культуры» и этим ограничиться? Не то ли же самое будет и в Год литературы — в 2015-м?

Если у руля в образовании останутся те, кто поддерживал «секспросвет», «плюрализм в школе», «права человека» вне чёткого представления о его нравственном долге и неперемennых обязанностях, кто ратовал за сдерживание патриотизма, активно ориентировал на космополитическую «всеядность» при позорном принижении сокровищ родной культуры, кто апологетически относился к, мягко говоря, спорной методе «опережающего обучения», нагло, насильно и жёстко навязывал вредоносную систему ЕГЭ, бездумно внедрял тестирование, кто заменил Основы православной культуры свалкой тенденциозно «отредактированных» сведений о «религиях мира», отнеся знакомство с этим курсом в младшие классы, если у руля останутся «западники», на деле позорно и нагло пренебрегающие богатейшим плодотворным наследием русской культуры и образования, — то отечественная школа как

великая кузница культуры и необходимая основа самостоятельного государства будет уничтожена.

Подчеркну: речь идёт о губительной политике, а не об отдельных школах и ещё оставшихся у нас кое-где квалифицированных учителях, и ныне самоотверженно и успешно трудящихся вопреки вредной политике. Речь идёт о том, куда упорно ведут наши враги, враги России, отечественное образование.

Мы видим, как постепенно накапливается критическая масса политически тёмных, необразованных, полубразованных и воистину анархичных «активистов», лишённых созидательных знаний истории родной страны, великой русской литературы и даже достойного владения родным языком. Мы видим, как увеличивается тьма накаченных ложью СМИ, а потому готовых стихийно поддержать «вражий замысел», завёрнутый в привлекательную обёртку западной «независимости», повязанной неременным закабалением в будущем. Так готовят русский майдан.

О результатах этой антинародной, антигосударственной политики, усугублённой тоталитарной бесконтрольностью СМИ, открыто и активно участвующих в информационной войне против России, немало было сказано, написано и заявлено. Но никаких видимых результатов изменений к лучшему почти не наблюдается. И нарождаются, и «тусуются», и группируются толпы необразованных, серых и агрессивных «постмодернистов», не знающих, что такое искусство (постмодернизм — антиискусство), толпы поклонников «звёзд» масскультуры, любителей рока, антимузыки и псевдомузыки, всего, что развращает здоровый музыкальный вкус, не чуждый многообразия, но соприродный истинной духовной культуре. Плодятся невежды, не знающие своего родного языка, великой русской литературы (уж как постарались здесь образованцы-«западенцы»!), недоумки, имеющие искажённое представление о трагическом, но великом прошлом России, о её славных героях, вождях, самоотверженных тружениках, великих мыслителях, учёных, писателях, выдающихся деятелях искусства... Так готовятся «кадры» для русского майдана!

«Мудрецы» будут и здесь разглагольствовать о демократии и свободе выбора. Но благодаря этим «мудрецам» и с их активным участием в нашем образовании прочно утвердился «свобода разрушения» и власть разрушителей. Необходима наконец разумная кадровая политика, препятствующая антигосударственной деятельности облечённых властью людей, явно или скрыто участвующих в разрушительной ра-

боте в образовании и прежде всего — в ущемлении не соприродной этим «деятелям» или их «хозяевам» созидательной русской культуры.

Мы понимаем, этого сегодня стремятся достичь те, кто под прикрытием «глобализации» осуществляет последовательную духовную и антикультурную оккупацию России. Их задача — притупить здравый ум народа, вкоренить безумие, и для этого «стереть грань между безумием и нормой». Негласная «полиция мысли», предназначенная помрачить умы, действует уже давно. И прежде всего это «полицейская мысль» «образованцев».

Это с их помощью и при их участии катастрофически снижен языковой уровень знаний в современных школах России. С их помощью уничтожено «стандартами», ориентированными на минимум знаний, и всевозможными сокращениями программ и изучаемых произведений полноценное изучение словесности. С их подачи «по-новому» искажены умолчанием и подтасовками реальные события прошлого при изучении истории России и русского народа. Та же негласная «полиция мысли» отняла в официальных документах имя у государствообразующего русского народа и других народов России, превратив их в толпу безродных «россиян». А иные сотрудники РАО открыто проповедуют этноцид в отношении государствообразующего народа, советуя ни много ни мало — запретить школу с русским национальным компонентом: это, мол, будет мешать развитию иных национальных школ. Такое невежество даже не достойно публичного опровержения...

Значительная часть учащихся сегодня катастрофически невежественна в представлениях о прошлом своей Родины; они, учащиеся, нередко питают к ней полнейшее равнодушие, а потому — с лёгкостью примут мифы за истину. Так подготавливается распространением невежества почва для майдана в России...

Разрушительное «реформирование» длится более 20 лет... Один из аргументов «реформаторов» — перегрузка учащихся. Но современные программы по объёму материала несравнимы с программами вековой давности. Насыщенность реальной базовой информацией (в расчёте на страницу) многих современных учебных книг — ничтожна.

Тут неплохо бы напомнить об уровне образования начала XX века. Например, на выпускном экзамене обыкновенный гимназист отвечал экзаменационной комиссии на вопросы **одного** билета. Приведу билет № 11 выпускного гимназического экзамена (1903 г.):

«Русская история. Павел I. Новые постановления: меры ограничения помещичьей власти; постановления о цензуре. Итальянский поход Суворова. Александр I. Нашествие Наполеона, отступление Барклая, битва при Бородине. Взятие Москвы, отступление Великой армии. Венский Конгресс. Министерства. Государственный совет. Сперанский. Училища. Крестьяне: свободные хлебопашцы.

Древняя история. Помпей. Серторианская война. Красс; восстание рабов. Спартак. Цицерон, заговор Катилины. Юлий Цезарь и первый триумvirат, борьба с галлами. Борьба Цезаря с Помпеем, победа Цезаря при Ферсале. Александринская война. Диктатура и смерть Цезаря. Исправление календаря. Октавиан и второй триумvirат. Октавий, Антоний и Лепид. Правление Октавиана Августа. Тевтобургский лес.

Средняя история. Византийская образованность. Искусство: византийский и романский стили.

Новая история. Людовик VIII. Конституционная хартия. Июльская революция: Карл X, свержение его. Людовик Филипп. переворот 1845—1849 годов: Гизо, провозглашение республики. Людовик Наполеон, президент республики».

И никто не жаловался, что дети хиреют от перегрузки. Тогда отлично понимали, что учение — благородный труд, а не забава или развлечение, что знание — это несомненное достоинство, а невежество — постыдно.

Тогда и учителя и профессора не были зависимы от начальствующих недоучек, от наглых «комиссаров образования», способных только что «нагружать» учёных и преподавателей многоэтажной канцелярской отчётностью, бесполезно и бессовестно отвлекающей их от истинных и первейших обязанностей... Тогда дух «гуманитарного образования» господствовал в школе.

Говоря о гуманитаризации образования в школах и вузах, объединённых традицией русской культуры, мы должны осознавать, что только эта культура может противостоять космополитам-глобалистам, англоманам или радетелям «сдержанного патриотизма», исподволь содействующим насильственной «европеизации» и американизации, то есть духовному закабалению народов исторической России.

Сейчас в России созидательному образованию открыто противостоит система «новаций», последовательное и циничное разрушение русской школы рычагами реформ (с особым участием кадров Министерства образования и агентуры ВШЭ!), а также разнузданная раскультирующая деятельность СМИ.

И если школа обязана оставаться средоточием духовного опыта нации, должна утверждаться на основах национального достоинства и высокого сознания государственного долга, то нужно научиться распознавать и преодолевать методы духовной оккупации. Честь и слава учителю, который умело противодействует разрушительной политике «руководителей» образования!

Защита чести и достоинства отечественной школы обязывает нас помнить «откуда есть пошла Русская земля», сознавая, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (А.С. Пушкин), что достоинство чести обязывает нас хранить верность традициям, обретённым на тернистых путях истории триединого русского народа, хранить сознание, укоренённое в отечественной вере и восходящее к исторической преемственности русской жизни.

СОБРАТ ПО БЛАЖЕНСТВУ

РАССКАЗ

Впервые за тридцать лет собрались с женой на курорт. Я бы и на этот раз не поехал — какие курорты, если мы живем в ярославской деревеньке Старово-Смолино в трех верстах от Борисоглебского монастыря, основанного по молитвам преподобного Сергия Радонежского. Какие курорты, если возле крыльца нашего дома растут солнцеликие одуванчики! Какие курорты, если возле калитки встречает наших гостей дуб широколиственный! Какие курорты, если к нашей кормушке на дубе одиннадцать видов птиц прилетает! Красногрудые снегири и даже дубоносы... И еще множество раз я мог бы воскликнуть «какие курорты!», но... жена в прошлом году чуть не получила инсульт — она в Москве работает — и я сдался. Да, честно сказать, и сам почувствовал: годы берут свое и надо уже и к медицине прибегнуть. Конечно, медицина — не воздух деревенский, не звезды над дубом, но и она от Бога. Да и курорт Мариша моя, зная как я не люблю далеко отрываться от дома и всем это втолковываю, даже кошкам и собакам, выбрала близенько: в Иванов-

ПРОЗА

ской области. Сели на машину и через три часа вот оно — Оболсуново.

Врачи сразу взяли нас в оборот: кучу процедур, исследований назначили. Пришлось даже на листках дни расписывать, чтобы всё успеть и ничего не забыть. Но уже на другое утро вызывает меня терапевт Ольга Михайловна и, как-то странно глядя, говорит: «Сергей Антонович, у вас гемоглобина 69 единиц». Я безмятежно: «Ну и что?» Она даже выпрямилась: «Как что! Норма у мужчин 140—160. У вас на грани переливания крови. Вы можете упасть прямо на улице! Вам место на больничной койке, а не у нас». Расспросила меня и сразу поняла, почему гемоглобин упал: кровотечение, на которое я не обращал никакого внимания много лет. Да и как обычно у нас, у русских, бывает: сначала, увидав кровь, встревожился, обратился к врачам. Они толком не помогли; и привык, и перестал замечать.

Конечно, Ольга Михайловна опечалила. Я растерянно произнес: «Впервые за всю жизнь вместе на курорте, а тут какая-то больница... Жене просто необходимо здоровье поправить, а одна она не останется...» И мудрейшая Ольга Михайловна сжалилась: «Ладно, кровотечение мы вам на время остановим, назначим мясную диету. В общем, посмотрим на ваше самочувствие. Если что — сразу с вещами на выход».

Маришу я не стал пугать, просто сообщил, что гемоглобин пониженный и придется мне подналечь на мясо.

* * *

Оболсуново расположено на горе. Еловые и сосновые боры. Идешь по тропинке, вдруг перед глазами янтарная чешуя корабельной сосны. Поднимаешь, поднимаешь голову — была бы шапка, слетела бы. Из груди невольно вырывается восторженное: «Ну, сосны! Ну, сосны!» Янтарные свечи выше пятиэтажного корпуса оболсуновского. Конечно, воздух просто пьянящий. Нигде такого нет. Разве что в подмосковной Малеевке — там тоже сплошь еловые боры... Садовники косят траву. Улавливаю знакомые запахи. В молодости я служил на корабле и тут вдруг почувствовал — свежескошенная трава немножко пахнет морем. Мариша очень точно добавляет: «И ложится она волнами».

Люди вокруг тихие, культурные, женский персонал курорта как на подбор: все красивые, заботливые. Так нам стало хорошо, что я даже попытался играть в настольный теннис. Но, увы, гемоглобин, оказывается, вещь для организма архиважная — попасть по шариком было нелегко. А когда-то меня про-

чили в большие мастера... И еще гемоглобин сильно влияет на память, но так мне было хорошо, что я всё запомнил. Особенно вежливость соседей за столом. На курорте, как я заметил, почти все почему-то демонстрируют свою воспитанность, культурность. Даже как бы соревнуются в этом. Ну и слава богу, везде бы так. Даже кошки и собаки, поселившиеся около дверей корпуса, тоже «соревнуются» — за еду не дерутся...

За столом с Маришей сидели две молодые женщины лет сорока. Одна оказалась «белым бантиком» — либералкой, а другая — Таня — горячей патриоткой. Таня торопилась все успеть. И в баню, и на танцы... А торопиться нигде не надо — даже на войне... Я пару раз подкальывал ее при встрече: «А Таня уже на велосипеде... А Таня уже в бассейне...» Она в ответ только улыбалась. Вечером, в день ее отъезда, идем на прогулку, а Таня стоит возле администраторской. Впервые увидел на ее лице грусть, и жалко стало: «А мы думали, Таня уже уехала». Она печально: «Машина задержалась». Тут ее соседка по номеру проходит мимо. Я к ней: «Одна вы остае-тесь?» Таня скромно: «Другую вселят». Я возразил: «Но Таню-то уже не вселят...» Она благодарно глянула на меня: «Счастли-во вам оставаться». Ревнивая моя жена удивилась, с чего это я вдруг заговорил с Таней? Пришлось объяснить, что я ее просто пожалел, что молодые люди ее типа, сами того не со-знавая, на новом месте надеются обрести то, чего им не хват-ает. И не обретают, потому что не знают, что им нужно. А Таня через мои ласковые слова: «но Таню-то уже не вселят», может, и обрела наконец. Душа-то ищет любви и ласки. Осо-бенно у нынешней деловой молодежи. Любви и ласки им не хватает, но они этого не понимают. А Таня, думаю, поняла: так она благодарно глянула на меня...

* * *

После Оболсунова поехали в столицу заниматься лечени-ем по-серьезному. Конечно, в Москве нынче жить тяжело. Сразу состояние мое резко ухудшилось. Шатало из стороны в сторону, вновь кровотечение открылось. Пошел я в нашу православную богадельню, поликлинику-больницу имени святителя Алексия, где подвизается легендарная Нина Григорьевна. Когда кого-нибудь из многочисленных больных, которым она помогла улечься в стационар, пройти нужное обследование, спрашивают, кем она работает, они сначала теряются — она не заведующая, не главврач — но потом мно-гие с улыбкой отвечают: «Ниной Григорьевной». Да, такого сердобольного заботливого человека поискать! Она всего лишь сестра-администратор, но через свое любящее сердце

обрела в клинике святителя Алексия такое влияние, что к ней все прислушиваются... Вот и я по совету старожиллов богдельни направился к Нине Григорьевне. Терапевт, понимающая, что остановить мое кровотечение можно только хирургически, не знала, что со мной делать, — в клинике такие операции не практикуют. Но Нина Григорьевна решительно настояла на немедленной госпитализации. Позднее я понял, медицински была права терапевт, но Нина Григорьевна, душа христианская, почувствовала, что мне надо сначала пройти свой путь у них...

На другой день Мариша с моим младшим братом Валерой привезли меня в святителя Алексия. От слабости я чуть не падал. В приемном покое сумрачно, старая женщина по нескольку раз переспрашивала одно и то же, осматривали как-то очень долго, и на душе стало мрачнее, чем вокруг. Так мне не хотелось оставаться, что я чуть не сказал Марише: «Поехали домой — не хочу в больнице умирать». Но, пожалев жену, промолчал: ей-то как тогда жить... Мне казалось, что домой я уже не вернусь. Гемоглобина 65, кровь остановить не могут. Я безразлично думал: книги свои написал, радости-счастья вкусил немерено, так что пора и честь знать...

Мариша с братом уехали — сумерки совсем сгустились. Обреченно оглядел палату. Три пустые казенные кровати, на которые не хочется даже садиться, не то что лежать на них много дней. На двух — больные, даже не шевельнувшиеся при нашем появлении. Один старик лицом к стене, второй чуть не с головой укрылся одеялом. Но его я сразу узнал. Этого монаха несколько раз встречал недалеко от нашего дома. Однажды даже кивнул ему. С первого раза он заинтересовал меня. Очень захотелось узнать, кто это такой. Сейчас по улицам Москвы ходит много православных людей духовного звания. Обычно глянешь — и все; ну, иногда, проходя очень близко, поклонись — уважая священный сан. А с этим монахом хотелось познакомиться. Спросил Маришу, что бы это значило — у нее очень быстрый ум, — но на сей раз и она не помогла мне.

И вот вижу его в палате... Даже на сердце немножко посветлело — я уже знаю, случайного ничего нет, всё промыслительно. Однако на мое осторожное приветствие монах никак не откликнулся, и я обреченно лег на свою койку, не зная, когда теперь встану с нее и встану ли вообще... Единственное, что как-то обнадежило, — окна в палате большие, просторные и неба много видно. Больше всего в жизни люблю глядеть на небо. Но тут и небо не помогло. Глядел, глядел и увидел высоко-высоко ястреба и вдрут почувствовал себя

упавшей на землю птицей. В «Песенке вагантов» я писал, что на большой высоте крыльями взмахивать уже не надо; надо парить и ловить потоки восходящего воздуха. Я всегда чувствовал, что летаю там, где орлы парят... А тут всем своим бессилием ощутил: лежу не просто на земле, а на больничном одре, и крылья мои поникли... Первые двое суток я, как мой знакомый монах, лежал, укрывшись одеялом чуть не с головой, ничего не ел и даже в окно не глядел — боялся снова увидеть ястреба. Потом пришла на смену бойкая, разбитная разносчица еды, судя по выговору и характеру — хохлушка. Их нынче много в России работает. Войдя в палату, она весело воскликнула: «Мужики, ну-ка давайте кто-нибудь помогать». А кто помогать? Сергей Иванович, восьмидесятилетний старик после инсульта — половина тела неживая, да семидесятишестилетний отец Иоанн с целым букетом болезней. Все это я узнал после, а тогда глянул на их застывшие под одеялами тела и понял: придется мне подняться. В обед я уже без приглашения помогал ей. И соседям своим немощным взялся всячески прислуживать... Помните, апостол Петр пошел ко Христу по воде, как по суше, но, только вспомнил о себе, сразу начал тонуть. А я, начав помогать другим, забыл о себе и поднялся. Почувствовал, крылья мои начали крепнуть. Сразу сообразил: монах-то мой уже двое суток голодный валяется, да до меня неизвестно, сколько валялся. Конечно, инокам поститься не привыкать, но все же и они люди, а не ангелы... Привезла веселая хохлушка еду, я и схитрил: «Отче, может, вы прочитаете нам молитву перед трапезой, а то мне при вас как-то неудобно старшим быть». Он молча встал. На груди у него оказались два больших креста-мощевика. Потом рассказывает, что участвовал в обретении мощей многих святых, в том числе всех Оптинских старцев!..

Прочитал он молитвы, а я и говорю: «А мы ведь с вами встречались». Рассказал и подытожил: «Теперь ясно, почему вы меня так заинтересовали — лежим в одной палате...» Отец Иоанн с интересом поглядел на меня, и я уговорил его поесть. Вечером предложил ему молитвенное правило вместе прочитать. По завершении оно же он сам достал из своей старой-престарой сумки на колесах акафисты. Мы и за них принялись. Сергей Иванович наш тоже перестал глядеть в стену — лег на спину и с видимым удовольствием участвовал в наших молениях. Потом я вытянул отца Иоанна на службу в храм. Благо их аж два при клинике. Четыре раза я за две недели исповедовался и причастился! Никогда так часто не причащался!

После процедур начали мы с отцом Иоанном гулять по больничному парку. Он в святителя Алексия старожил — всё

ему здесь знакомо. Показывает костью на большой пень: «Однажды он поразил меня. Первый снег на нем, а поверх белого снега желтые-желтые грибы. Красота неопишуемая». Голуби взлетают при нашем приближении. Мой спутник восхищенно: «Голуби аплодируют Создателю». Не сказал, что они громко хлопают крыльями, а «аплодируют Создателю». Невольно вспомнился Давид псалмопевец: «Солнце позна запад свой». Не сказал «знает время захода своего», а именно «знает запад свой»... Величайший поэт всех времен и народов. И сын его царь Соломон, вопреки суждению, что на делях природа отдыхает, не отстал от отца: «Все реки текут в море, но море не переполняется...»

Отец Иоанн снова показывает костью на какую-то дверь: «Столярная мастерская. Зашел я туда, а там клетка мне по грудь, а в ней — петух. Я просунул к нему руку, давай гладить. А мужик столяр: «Летом его — на дачу, а там — в суп». Петух сразу так прижался к моей руке...»

Однажды в Армении отец Иоанн, тогда еще Олег Владимирович, корреспондент Агентства печати «Новости» (АПН), стоял на скале с фотоаппаратом — «ждал состояния света». Вдруг из древнего монастыря внизу вывели барана и закололи. Алая кровь хлынула на кафель. Смыли ее и другого барана привели и закололи. И третьего... Слышно было, как головы со стуком падали в бочку. Так двадцать баранов на его глазах закололи. Двадцать раз смывали кровь, двадцать раз головы со стуком падали в бочку! «Ждал состояния света», а на его глазах убили двадцать Божьих тварей! И он видел, что бараны, как тот петух, «лучше людей понимали, что их ожидает — крутили головами, пытались вырваться». С тех пор, задолго до монашеского пострига, перестал есть мясо...

В парке к нам не раз подходили неверующие, спрашивали: «Вы — братья?» Мне это было очень приятно, а отец Иоанн однажды ответил: «Мы — собратья по блаженству». Мол, мы — православные болящие... Потому и похожи...

Конечно, мы с ним одной крови: он тоже любит собак больше всех животных. О своей Дусе рассказывает с нежностью: «Всех она любила. Вот такое маленькое существо на весь мир себя делила. Пришел как-то с ней в газету, я тогда еще работал фотокором в «Ленинградской правде», вся редакция весь день ходила кверху ногами». Не сказал, что все, наклоняясь, гладили маленькую Дусю, что все в этот день забыли о работе, а нарисовал яркую картинку. «Вечером возвращался с работы поздно, — продолжает рассказ отец Иоанн. — Открою дверь, она бегом с четвертого этажа. Капельки на каждой ступеньке оставляла. Потом во дворе радостный ребя-

чий крик: «Дуся, Дуся...» Но она сначала на всех ноль внимания — присядет как лягушка». Очень точно. И опять же художественно...

На глазах отца Иоанна, тогда еще Олега Владимировича, Дусю задавил автобус...

* * *

Вечерами, после молитвенного правила, отец Иоанн садился возле моей кровати и рассказывал. Конечно, он сразу понял, в чем промысел нашей встречи: чтобы жизнь его богатейшая не осталась под спудом. Счастливейший человек — куда бы ни попадал, всегда уносил оттуда главное. И в этом мы с ним очень похожи; и я, когда мне встречался умный талантливый человек, «истирал порог его дома своими подошвами». Родитель отца Иоанна — армянин; он его никогда не видел, но на своей второй Родине всегда хотел побывать. Первой Родиной считает Россию, хотя мать у него наполовину русская, наполовину татарка, а один из дедов итальянец. Отец Иоанн пересыпает свою речь армянскими, татарскими, итальянскими словами. Однажды что-то сказал даже по-узбекски. Потом рассказал: «В войну мы в Самарканде жили. Голодно было. Однажды вез я буханку хлеба и не выдержал — стал отщипывать корочку. Всю отщипал. Думаю, как же я с такой общипанной домой явлюсь? Но, пока добрался, новая корочка от жары появилась». Нет, не от жары корочка появилась — грех его сам Бог покрыл. Какая вина у пятилетнего мальчика, в войну общипавшего от голода корочку... Но и Узбекистан отец Иоанн поблагодарил — там даже жара людям помогает...

Став взрослым, наконец попал в Армению. Его, уже фотокорреспондента АПН, послали снимать знаменитую Ереванскую обсерваторию, которую возглавлял известный академик Амбарцумян. Нет, не случайно Бог нас свел. Я, оказавшись на новом месте с новыми людьми, даже в вагоне поезда, непременно сообщаю, что я писатель, и даю читать свои рассказы; а отец Иоанн всюду возит с собой свои лучшие фотографии и первым делом устраивает новым знакомым выставку. Раскладывает прямо на полу, на подоконнике... Вот и в обсерватории он в первый же день разложил снимки перед принимавшей его сотрудницей. Она была восхищена и рассказала о творчестве приезжего фотокара своим друзьям, армянским художникам Зардарянам. Они пригласили его в гости с фотографиями. И сразу полюбили на всю жизнь. В следующие его приезды всех оповещали: «Наш Олег приехал». А он и сегодня вспоминает их добрым словом.

И я стал называть моего собрата по блаженству отцом Иоанном-джаном. Он же меня Серженькой. Немножко на армянский лад. Ко всему армянскому относится с благоговением. Любимая гора у него, естественно, Арарат. Он и мне внушил, что это — главная гора человечества. До меня, наконец-то, дошло, что праотец всех людей Ной после всемирного потопа, истребившего погрязшее во грехах человечество, высадился из своего ковчега именно на горе Арарат, что армяне — самые прямые потомки Ноя... Таких снимков Арарата, как у отца Иоанна, я ни у кого не видал. Один он подарил мне. В центре — вечно заснеженный Арарат. Над ним, словно золотой нимб над святой главой, широкая полоса солнечного света. Еще выше — синее небо — твердь Небесная. Ничего нет тверже вечного Неба. У подножия горы — узкая розовая полоска тумана. Под ней — словно синяя река, оставшаяся после всемирного потопа. В самом-самом низу — земля, обьятая тьмой. Ее тщится разорвать тоненькая вереница слабеньких огоньков, похожих на библейские костры, загоревшиеся сами собой и потому полные ужаса. Это огоньки людских поселений — дороги человеческой. Так они ничтожны перед Араратом в золотом нимбе. И только дерево из этой нашей тьмы человеческой дотягивается верхушкой до его подножия. Дерево растет вверх. И люди, растущие вверх — стремящиеся к Богу, могут вырваться из тьмы земной, могут достичь подножия спасительного Арарата... Снято безо всяких современных ухищрений — без фильтров, монтажей, спецэффектов. Все великое просто. Отец Иоанн забрался на гору, напротив Арарата (как Закхей на дерево, чтобы увидеть Христа) и много дней ждал «состояния света». И дождался. Христос сказал ему: «И ты сын Ноев...»

Любимый поэт — армянин Григор Нарекаци. У отца Иоанна теперь плохая память — забыл Сергея Ивановича, с которым две недели лежал в больнице на соседних койках, а строфы Нарекаци читает наизусть. На всё художественное память у него осталась великолепной. Правда, такие строки забыть трудно «И капля девственного молока спадет мне с губ твоих, Пречистая...»

Композитора Комитаса, погибшего во время резни армян в Турции, отец Иоанн вспоминает чуть не каждый день и, конечно, его портрет висит на стене. Музыка мой собрат обожает. Любит повторять слова блаженного Августина: «Музыка — это разговор с Богом». Однажды его послали снимать известный хор «Виват». Конечно, мой собрат первым делом разложил на полу у стены свои фотоработы. Пригласил артистов посмотреть. Они долго стояли в каком-то вос-

торженном онемении, потом дирижер бегом к роялю «И как грянули они мне «Многая лета...», у меня коленки затряслись». Стал он бывать у них, и однажды руководитель попросил его спеть. У отца Иоанна оказался бас контабеле, и он объездил с ними полсвета. Часто с гордостью повторяет: «Нашему хору, единственному в стране, разрешалось тогда петь духовную музыку.. Мы, когда пели, все от радости на цыпочки становились...»

Во Франции, в Монпелье, после концерта их пригласил на ужин русский эмигрант. Олег, естественно, разложил на полу свою фотовыставку. Соотечественник был потрясен и попросил разрешения пригласить друзей. Привел молодых русских — мужчину и женщину. Мужчина вдруг спросил: «Вы не бывали в Матонадаране (Ереванская государственная библиотека)?» Мой собрат сразу вспомнил их встречу и «кинулся к нему прямо по фотографиям». А надо знать, с каким трепетом он к ним относится — уже немощным стариком всюду таскает свои лучшие работы в старенькой-старенькой сумке на колесах. Конечно, не только бережет, но надеется, вдруг на пути встретится человек, перед которым захочется разложить свои фотографии...

А как было не кинуться, если с этим человеком они вместе занимались в Матонадаране! Именно в Матонадаране отец Иоанн, прочитав «Книгу скорби» Нарекаци, потрясенный, попросил директора сделать копию. Тот даже удивился: «У тебя нет Нарекаци!?» Приказал сотруднице принести книгу, вручил. Не веря своему счастью, отец Иоанн упал перед ним на колени. Тот поднял его, обнял: «Ты заслужил, ты заслужил...» — он тоже видел напольную фотовыставку Олега Владимировича...

Недавно, через тридцать лет, встреча в Монпелье приснилась отцу Иоанну, точь-в-точь как случилась. И он снова был счастлив. Я не помню, чтобы мне снилось то, что когда-то произошло, хотя сны у меня бывают изумительные...

Некоторые люди, особенно духовного звания, удивляются, считают каким-то чуть ли не вредным пристрастием отца Иоанна его благоговейное отношение к своему фототворчеству. А как же иначе, если и в монашестве он остался фотографом — снимал монастыри, монахов, обретение мощей — это было его главное послушание. Да ведь и к Богу он пришел благодаря своему художественному призванию. По заданию АПН снимал Троице-Сергиеву лавру. Вдруг подходит монах: «Вижу, вы профессиональный фотограф. Помогите нам Христа ради — мы тут стенды оформляем». Олег очень торопился — недовольно взглянул на неожиданного проси-

теля, но «отказать ему почему-то не смог». Потом-то понял почему... Крестили Олега на Воробьевых горах. После крещения, по словам отца Иоанна, он «пошел к небу — на смотровую площадку МГУ». Здесь и в самом деле неба много и Москва, как нигде, широко глазам открывается. Потом пешком дошагал до своего АПН на Зубовской площади, достал из сейфа флейту (с ней тоже долго не расставался) и сыграл. Уходя, встретил в коридоре одну очень талантливую фотокорреспондентку. Молча взял ее за руку и повел. Она изумилась, но, тоже молча, повиновалась ему. В кабинете снова достал флейту и сыграл ей. Потом, так же молча, опять взял за руку и отвел на то же место, откуда забрал ее... Она не удивилась... На улице столкнулся с коллегой. Тот обрадовался, начал что-то рассказывать, но отец Иоанн не слушал его. Коллега озабоченно спросил: «Да что с тобой?» Но отец Иоанн только улыбался. Наконец под уличными часами произнес: «Три часа назад я окрестился». Тот матерщинник был ужасный — сразу открыл рот, но тут же закрыл.

Про свое крещение отец Иоанн пересказывал мне не раз и всегда в конце вспоминал: «Передо мной крестили мальчика лет пяти. Когда священник взял его на руки, он спросил: «Я не умру?» Батюшка рассмеялся: «Наоборот, жить будешь».

Слушая отца Иоанна я неожиданно вспомнил, что именно в коммуналке на Зубовской площади, напротив его АПН, лежа на полу на матрасе, впервые в жизни прочитал Евангелие, которое дал мне собрат по перу Петр Паламарчук (это он сотворил замечательную книгу «Сорок сороков» о московских храмах). После кончины Петра я включил его в свой помоянник как самого близкого человека — благодаря ему я впервые прочитал Евангелие! До него несколько раз открывал, но дальше второй страницы пройти не мог. Но в коммуналке напротив АПН я прочитал Евангелие за один прилеп. Не мог оторваться... Семя было брошено в сердце, хотя вошло только через девять лет... А с отцом Иоанном пути наши пересеклись через тридцать!..

* * *

В первый же вечер после нашего совместного моления отец Иоанн-джан разложил на своей кровати фотовыставку. Как перед Зардарянами, как перед певцами хора «Виват», как перед соотечественником во Франции... И я тоже сразу полюбил его. А как было не полюбить! Думаю, больше никогда такая великая экспозиция не проводилась на больничной койке! Он доставал из своей сумки на колесах все новые фотографии и рассказывал, рассказывал: «Святослав Рихтер

никому не позволял себя снимать. Я — издалека, из зала. Принес снимки в филармонию, поставил на подоконнике, жду. Наконец, Рихтер идет. Я к нему: «Святослав Теофилович, я вот тут, посмотрите». Он поглядел, молча сгреб в охапку, прижал к груди и пошел». Я удивился: «Ничего не сказал?» Отец Иоанн красноречиво глянул на меня: «Как же не сказал!» Мне стало стыдно за свою непонятливость: «Ну да. Ну да, этим он сказал больше любых слов». Отец Иоанн посветлел: «Жена Рихтера повесила мои фото на самое видное место». Я потом не мог вспомнить отчество великого пианиста, и мой друг изумился: «Как ты мог забыть — ведь он Богovich». А мне и в голову не пришло — конечно, Тео — Бог...

Однажды послали его сделать репортаж с праздника хорошей песни в Эстонии. Олег был просто потрясен: «Красота грандиозная... Но эстонцы строгие, высокомерные — никак я сначала не мог найти с ними общий язык. Во время выступления хористки, ухватив друг друга за подолы, ходили вереницами. Я подбежал и тоже схватил одну за подол. Она оглянулась, разулыбалась, потом все оглянулись и засмеялись благосклонно... Их дирижер, знаменитый Густав Эрнесакс, по-русски говорил плохо, но улыбкой всё договаривал... На прощание пригласил меня в лес, и мы семечками покормили с рук белок...»

Много отец Иоанн снимал нашу северную Фиваиду, где среди непроходимых лесов укрылись от человеческой суеты древние монастыри, деревушки, в которых люди живут так же счастливо, как жили тысячу лет назад. Старик и старуха, уже и летом не снимающие теплых валенок, сидят прямо на досках крыльца. Изработанные ноги вытянули. Одежда на них вечная — такую теперь не шьют, теперь шьют временную, чтоб скорее изнасилась...

Вот старый монах стоит внутри круга из только что расколотых поленьев. Брат Нил. Он был глуховат, но почему-то всегда запирался в келье. Отец Иоанн предостерегал, мол, не закрывайся — а если пожар случится, наводнение, то до тебя не достучишься; а если тебе плохо станет — к тебе не попадешь. Но Нил почему-то все равно запирался. Однажды отец Иоанн стучался, стучался к нему — испугался, выбежал из корпуса, встал на завалинку и — в окно. А Нил сидит за столом, а на столе его кот Бублик. И смотрят друг на друга с любовью. Потом отец Иоанн добавит: «Так они сидели, чтобы глаза на одном уровне были». Да, равная любовь двух Божьих тварей. Стало ясно, почему Нил закрывался — кто-нибудь из неразвитых сердцем мог попрекнуть: «Чего ты ката на стол пускаешь». Хотя, думаю, Нил просто не хотел никого

искушать. Его едва ли бы кто попрекнул. Весь монастырь вечерами слушал, как брат Нил (как все глухие, не понимая, что такое тихо, что такое громко) басом тревожил всю округу: «Бублик, Бубля...» И никто не укорял его. Когда же Нил замолкал — все знали: Бублик вернулся из тьмы ночи домой.

Несколько раз молился отец Иоанн в этом монастыре, а в последнее быванье, уже не застав брата Нила среди живущих на свете, пошел на кладбище. Там на скамейке сидел Бублик и неотрывно смотрел на холмик, где упокоилось тело его друга. Отец Иоанн погладил Бублика, «а он словно монумент». Обычно кошки отзываются на ласку всем телом. Очень они на нее отзывчивы. Да, монумент кота на могиле монаха Нила, любящего тварь Божью! Какие подвиги духовные он совершил, знает один Бог, но Нил снабжал братию дровами. Послушание не из самых легких, тем более для старика, тем более на Севере, где зима почти семь месяцев в году... Так отец Иоанн и увековечил монаха Нила кадром: среди расколотых поленьев; а его друга Бублика — лежащим на бревнах, привезенных из лесу Нилом...

* * *

С неделю мы блаженствовали в палате втроем. Ночью проснусь, а отец Иоанн все раскладывает на кровати свои чудесные снимки — новую тему выстраивает. На душе станет тепло-тепло. Иногда не выдержу, встану; и он обрадованно рассказывает, что составляет тему о новомученике Жене Родионове, отдавшем жизнь за Христа на Северном Кавказе. Восемнадцатилетний юноша отказался снимать крест, и ему отрубили голову. Мой друг строго смотрит на меня: «Я считаю его своим сыном». Ласково дотронувшись до его плеча, ложусь и, едва коснувшись подушки, засыпаю. Среди ночи проснусь, а маленькая милая фигурка все перекладывает фотографии на кровати... Глядя на нас, Мариша моя даже позавидовала: «Хорошо у вас — так бы и осталась...» Но, конечно, было не только хорошо, было и больно. Однажды, потеряв сознание, я упал на пол. Отец Иоанн чудом Божиим втащил меня на кровать и молился, пока я не пришел в себя. Очень я боялся одной страшно болезненной процедуры и решил отказаться от нее, но мой собрат по блаженству даже возмутился: «Ты что? Ты — православный. Читай непрестанно генеральную, и все будет слава Богу». Генеральной он называет молитву перед началом всякого дела, которую я выучил прежде всех молитв — очень хотел, чтобы Бог помог мне в моем творчестве. Но я не знал, что она такая всесторонняя. «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Без-

начального Твоего Отца, Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми грешному сие дело, мною начинаемо, о Тебе Самем совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Во время всей процедуры я непрестанно творил ее и вытерпел. Врач даже удивился: «Какой вы крепкий — некоторые стонут, даже плачут, просят прекратить; ну, уж кряхтят-то почти все без исключения». А я ему: «Доктор, это не я крепкий, это молитва такая сильная...»

Однажды привезли к нам на каталке четвертого. У него гемоглобина — всего 50 единиц. В любую минуту может самое страшное случиться. Но он, видимо, не понимая этого, а скорее, как все старики, привыкнув к своей болезни, как ни в чем не бывало читал популярного писателя Захара Прилепина. Когда же мы с отцом Иоанном начали молиться, поглядел на нас не то что с досадой, но с недоумением. Однако промолчал, не сказал, мол, вы мне мешаете. Ночью я проснулся оттого, что он страшно стонет, ухлебывается дыханием. Я нажал кнопку срочного вызова, разбудил отца Иоанна, и принялись мы молиться возле умирающего. Отец Иоанн приложил к его губам свой мосшевик, внушил: «Проси Господа, проси: Господи, помилуй». Страждущий попросил один раз. Наверное, впервые в жизни. Наконец, Родион, так звали нашего соседа, успокоился, притих. Когда прибежал из другого корпуса дежурный врач, кризис прошел.

Утром Родион рассказал, что ничего ночного не помнит, зато на всю жизнь врезалось, что на него катился огненный шар и ему было так больно, уже так его жгло, что дышать было невозможно. Но вдруг на пути шара встали две фигуры, и он откатился и исчез: «Утром я увидел, как вы молитесь, и узнал вас. Две фигуры — это были вы». И потом он поведал дочери и внукам, что мы его спасители, и, спрятав в тумбочку Захара Прилепина, попросил у нас «Евангелие» и взялся читать мою книгу «Ирринарховский крестный ход». При нашей молитве он теперь сразу снимал очки, устраивал повыше подушку и слушал. В общем, тоже стал нашим собратом по блаженству. Думаю, если бы он накануне сказал, что мы ему мешаем читать, то огненный шар, может быть, сжег бы его — Господь прорёк: «За каждое слово придется ответ держать...»

А вот пятый сосед, парализованный Женька, не вытерпел. Уже на второй день своего пребывания в палате попросил нас молиться в другом месте, и пришлось нам мерзнуть возле

лифта. Днем ворчал, что мы своими разговорами мешаем ему спать; вечером сердился, что долго не гасим свет, и отец Иоанн перестал ночью раскладывать свои фототемы. Жена Женьки, замечательная терпеливая русская женщина (поухаживай-ка много лет за таким вредным больным), каждый день подолгу бывала у мужа. Когда же я уходил из больницы, она, столкнувшись со мной в дверях, неожиданно заплакала: «...Как жаль, что вы выписались — вы так на Женю хорошо влияли. Вы, наверное, думаете, какой он капризный. Вы себе представить не можете, каким он до вас был». С такой болью она на меня поглядела. Я понял: ей так хотелось, чтобы Женька стал нашим собратом по блаженству, а он, к ее великому горю, не стал...

Но и собрат по блаженству Родион, поднявшись на ноги после переливания крови, начал с нами спорить. Он очень начитанный. Потому, поверив в Бога, в чудеса все же сомневается. Почему-то мы не стали напоминать ему о чуде, которое его спасло... Однако на прощанье Родион крепко обнял меня, и на глазах выступили слезы...

* * *

После выписки отца Иоанна я в тот же день понял, что и мне пора. Кровотечение остановили, гемоглобин повысили, а операцию надо делать где-то в другом месте. И, главное, крылья мои окрепли. Тем более промыслом Божиим мой дорогой собрат по блаженству живет в семи минутах ходьбы от нашей московской квартиры, и мне не терпелось навестить его. Домофона в квартире нет, но живет он, к счастью, на первом этаже и все гости стучат в окно. Но только я, с его разрешения, еще негромко кричу: «Джан, джан...» Да кроме меня его теперь никто так не называет. Он живо откликается: «Я это, я».

В квартире у него полнейший завал. Все столы, стулья, полки, подоконники погребены под бумагами, книгами, фотграфиями. Гостю даже сесть негде. Разве что на краешке кровати. Понятно, что в этом бумажном потоке только сам хозяин сумеет навести порядок, а он едва ли когда этим займется — ни сил, ни времени у него уже нет. Кажется, в этом потоке всё похоронено навечно, но, как ни странно, когда надо, все нужное отцу Иоанну всплывает из этой глубины... Он всё время что-то теряет, и я ему объясняю: «У тебя теперь такая пора жизни, когда ищут то, что близко лежит». Памяти у него сегодняшней почти нет: забыл Сергея Ивановича, с которым две недели лежал в больнице на соседних койках. Потому я, боясь, как бы он и меня не забыл, часто звоню ему

и сначала непременно говорю одно и то же: «Отец Иоанн-джан?» Он охотно откликается: «Вин самый, вин самый». Если уж очень плохо себя чувствует, то добавляет: «Почти джан». Я представляю: «А это собрат по блаженству Сергий». Иногда он ворчит: «Зачем ты это говоришь, я и без тебя знаю». Тогда я прямо объясняю, что это наш пароль для его плохой памяти, чтобы меня не забыл, как Сергея Ивановича. Отец Иоанн не обижается.

Первым делом укладываю его на кровать — натереть спину долгит-кремом. Ложась, он ойцкает. Вместо стона «ой» произносит смешное «ойц». Это из анекдота. Пьяный лежал на земле и все повторял «ойц, ойц...» Сердобольные прохожие вызвали «скорую помощь». Когда страдальца уложили в машину, он вдруг как запоет: «Ой цветет калина...». Ему, оказывается, очень хорошо было — запеть он хотел. И теперь отец Иоанн не ойкает, а ойцкает. Скрывает за этим «ойц» свою старческую немощь. Не хочется ему слабым выглядеть, а не стонать не может. Вместо жалости все невольно улыбаются при его «ойц». И еще он, как тот пьяный, в подтексте говорит, мол, вы думаете, мне плохо жить, а мне так хорошо, что петь хочется... Петь отец Иоанн любит. Я тоже попробовал «ойцкать», нет, не получается — сначала от боли все равно ойкаю, а потом уже «ц» добавляю. Чтобы ойцкать, надо быть отцом Иоанном...

Он вообще большой шутник. Я жалуясь по телефону, что голова не варит, а милый мой Джан: «А ты крупы подсыпь». Смеемся вместе. Кладу трубку, и голова моя начинает варить — отец Иоанн крупы подсыпал...

Перед тем как натереть ему спину, молюсь: «Святой великомучениче Пантелеимоне, моли Бога о иеродиаконе Иоанне». Он вдруг поднимает голову: «Ты что только обо мне молишься? А остальные?» С тех пор я во всех персональных молитвах добавляю: «...и всех православных, и всех русских...» И даже когда молюсь о некрещеной дочери: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, приведи к Себе неразумную Ольгу», теперь заканчиваю: «...и всех неразумных...»

Отец Иоанн задремывает после массажа, а я привычно оглядываю комнату. Все стены в иконах. Они не старинные дорогие, а нынешние простенькие, некоторые вообще он перифотграфировал с оригиналов. Но, благодать от них удивительная. В квартире много лет не убирают — это просто невозможно из-за завалов бумаги — но запаха затхлости нет. И сам отец Иоанн по многу месяцев носит одну одежду и, думаю, моется редко — ванна у него частенько заставлена банками, бутылками ...

Наконец, Джан переворачивается на спину, перехватывает мой взгляд на образ Богородицы Почаевской: «Очень я ее люблю». Оказывается, когда ездил в Почаевскую лавру, выходя из вагона, споткнулся и, зацепившись о дверь, почти оторвал ноготь на большом пальце левой руки. Ноготь миготом почернел и едва держался. Как в дурном сне, добрался до лавры. В храме кто-то легонько подтолкнул сзади поближе к чудотворной иконе Богородицы. Оглянулся — никого нет. Приложился к образу. Вдруг женский голос неземной красоты спросил: «А что палец твой?» Поднял отец Иоанн руку, а ноготь прирос на место и побелел как раньше. И боль прошла. Конечно, собрат мой по блаженству не дерзнул сказать, кто спросил... Он только намекнул, что голос неземной красоты. Друг мой скромно невероятно. Например, рассказывает: «Сидим мы в кабинете с владыкой Евлогием... Я, как червяк, везде пролезал».

Встает со своего одра, и мы собираемся на прогулку. Одевается он так долго, что выдержку надо иметь железную, чтобы не раздражиться, не начать поторапливать. У меня ее, конечно, нет; но я молчу — понимаю, так Всемудрейший учит терпению. Да и как мне сердиться на моего дорогого Джана!.. Подрясник он надевает минут десять: что-то из кармана пропало, пулу где-то испачкал — надо замыть... На правой груди у него две медали с отчеканенными собачьими головами. Отец Иоанн, приняв гордую осанку, всем объясняет: «Я — дважды лауреат Кобелевской премии». Конечно, издевается над Нобелевской премией, попавшей, как и вся Европа, под тлетворное влияние американцев. А собак он очень любит...

Правда, и терпению у него учиться легко — в коридоре развешаны по стенам фотографии. Конечно, Дуся, двухмесячным щенком сидящая в черной вязаной шапочке. Дуся, высоко подпрыгивающая за снежком. Большие уши — как крылья. Отец Иоанн комментирует: «Дусей исполненный полет». Не душой, а Дусей.

Фото его второй мамы, сестры матери: «Такой она была доброй, что ее все от мала до велика звали Зиночкой, даже родные внуки. А сын так любил, что умер через месяц после ее кончины...»

На прогулке Джан разговаривает почти со всеми встречаемыми. В том числе с кошками и собаками. Он лет пятнадцать живет в нашем районе. Сам, конечно, не помнит сколько. Мне скоро ложиться на операцию, и я рассказываю, что один брат из нашего Борисоглебского монастыря посоветовал почаще произносить: Иисусе, Иисусе... Я переспросил:

«Молитву Иисусову?» Он: «Нет, просто Иисусе». Я как-то засомневался — нигде не читал, не слышал такого. Как-то не поверил ему. Сразу вспомнилось, что он в монахи-то пострижен паре лет назад. Отец Иоанн даже возмутился: «Что это такое?! Есть Иисусова молитва, есть «генеральная»... Сколько ему лет?» Я ответил, что лет сорок. Мой собрат протянул: «А-а-а...» И оказался прав — вскоре этот брат, вообразив себя великим духовным воином, ушел из монастыря, который пригрел его в тяжелую минуту. Да и недаром ведь преподобному Иринару, когда он собрался из нашего монастыря дальше на Север, был голос с Неба: «Здесь спасешься...» Думаю, он ведь не только для Иринару был, но и для всех насельников Борисоглебского монастыря. А этот новоиспеченный ушел. Вот тебе и панибратское «Иисусе, Иисусе...» Может, великие подвижники и обращаются так к Господу, но то подвижники...

Наконец, настал день моей операции. Накануне я пришел к моему дорогому Джану. Прочитали с ним три акафиста, дал он мне приложиться к своим великим крестам-мошевицам, обнял: «Серженька, не забывай постоянно творить «генеральную». Все будет слава Богу». Предложил на дорожку чаю, но я отказался, мол, когда вернусь живой, тогда с тобой чего покрепче выпьем. Отец Иоанн обрадовался: «У меня горилка есть. Кто-то на клирос принес».

И вот лежу в палате, читаю акафисты, не забываю и «генеральную». Входит женщина-анестезиолог: «Мы провели консилиум. Вам нельзя в позвоночник уколы делать — последствия непредсказуемы. Будем оперировать под общим наркозом». Позвоночник у меня, действительно, такой, что наш врач мануальщик Сан Саныч по моим снимкам обучает молодых специалистов — все болезни у меня налицо: и грыжи, и деформации, и разрушающиеся суставы, и шипы величиной с мизинец... Но, у меня и другая беда — очень тонкий хрупкий организм. Врачи не раз предупреждали: «Общего наркоза надо избегать — можете из него не выйти». Да еще в детстве была нездоровая соседская девчонка лет на пять постарше. Когда взрослые уходили, она частенько ловила меня, заваливала на кровать и душила подушкой. Один раз я даже потерял сознание. С тех пор во мне поселился ужас перед потерей сознания, перед болезнями горла. И потому запало в голову, что друг моего любимого Василия Макаровича Шукшина актер Георгий Бурков умер при общем наркозе, а операцию делали на ноге...

Сразу стало холодно, и я напомнил анестезиологу, что мне не рекомендовали общий наркоз. Она осталась невозмутим-

ма: «Давно в последний раз не рекомендовали?» Я припоминаю: «Лет семь назад». Анестезиолог снисходительно улыбается: «За это время медицина ушла далеко вперед. Сейчас такие технологии... Если что, подключим вас на принудительное дыхание. Так что одевайтесь». Наверное, если бы был безбожником, как много лет назад, я бы отказался от операции, но я каждый день прошу Бога: «Господи, дай мне мужество, спокойствие и силу». Надеваю потихоньку халат, белые тапочки. Отмечаю, что они белые, что в каком-то фильме кто-то сказал: «Видал я тебя в гробу в белых тапках». Но почему-то я не пугаюсь этих гробовых тапок, а чувствую в сердце неизъяснимую радость. Она растет, растет. В голове проносится: «Да приплыли». От страха ведь люди не только плачут, но смеются, улыбаются... Еще в студенчестве врач психиатр, спасший меня, Сергей Павлович Перковский, посоветовал: «Перед сложной операцией, смертельной опасностью, всегда проверяй себя. Вспомни: Я, Щербаков Сергей Антонович, студент второго курса МГУ, родился в селе Мухоршибирь шестого апреля 1951 года. Если не сразу, с заминкой что-то вспомнишь, тогда постарайся опасной ситуации избежать, от операции откажись. Ничего хорошего из этого не выйдет». Я вспомнил: «Я, Щербаков Сергей Антонович, русский писатель из деревни Старово-Смолино, что в трех верстах от Борисоглебского монастыря. Окрестился десятого апреля 1991 года на светлой седмице. Моя жена Марина Ивановна Щербакова, профессор русской литературы, родилась двадцать второго февраля 1953 года в Новом Афоне».

Нет, всё в порядке. А радость уже переполняет сердце. Чтобы избавиться от этого наваждения, перекрестился: «Слава Тебе Господи...» Но радость не прошла. Значит, от Бога, значит, это не наваждение. Сразу вспомнилось: накануне многие звонили, миряне обещали молиться...

Господи, конечно, вот откуда эта радость на сердце неизъяснимая! От соборной молитвы за меня! Вот она какая сильная, молитва соборная! Да еще я «генеральную» творю почти непрестанно все последние дни...

На каталку я лег весело. В операционной сам встал с нее. Напротив — две женщины в белом. Я им радостно: «Какое удобное лежбище, так и хочется лечь на него». У них лица сразу вытянулись, мол, совсем мужик от страха сбрендил. Я замахал рукой: «Нет, нет, не то... За меня много народу молится». И вдруг они, неверующие (я после операции узнал), согласно закивали головами, заулыбались.

И все было слава Богу хорошо. Я потом несколько дней восторгался по телефону силой соборной молитвы, «гене-

ральной», тем, что мой многолетний ужас перед потерей сознания, перед общим наркозом, исчез. Даже двадцать лет воцерковления не смогли изжить его, а тут один день! Излечился я почти от всех своих ужасов...

Правда, две недели боль была такой, что на потолок хотелось залезть, но радость в сердце не проходила. Конечно, Джан звонил чуть не каждый день, и однажды я пожаловался, мол, так хочется с тобой горилки выпить, а я валяюсь колодой. Отец Иоанн, как всегда мудро, поправил: «Кем Господь положил, тем и лежишь». Потом, когда он начинал немножко-немножко роптать на свои болезни, мол, опять лежит плашмя, я припоминал ему: «Как Господь положил, так и лежишь». Мой собрат по блаженству виновато примолкал. Мне становилось жалко его, как ребенка, и я говорил, что мне его Бог послал, что я очень люблю его...

* * *

Впервые после операции пришел к моему дорогому отцу Иоанну Джану. Он сразу начал облачаться, чтобы помолиться о моем выздоровлении. Зная его долгие сборы, я присел на краешек кровати — единственное свободное место в квартире. Когда же Джан раскладывает свои фототемы, то уже и ему лечь негде. Боюсь, скоро на полу будет спать. Слева на полке — фото армянского мальчика. На первый взгляд, лет десяти, но усы уже довольно густые. Давно хотел узнать его возраст, но все как-то забывал, а тут спрашиваю отца Иоанна: «Сколько ему лет?» Он ласково глядит на снимок: «Одиннадцать». Невольно восклицаю: «А усы почти мужские». Мой друг как всегда образно точен: «Там солнце сильнее греет и все раньше созревает...»

Берет в руки «Правильник». Он старый-престарый. Его подарил отцу Владимиру, духовнику отца Иоанна, известный на всю Россию старец архимандрит Кирилл (Павлов). Однажды отец Владимир дал бесценный «Правильник» своему подопечному во временное пользование. Отец Иоанн, зная, какое это сокровище, никак не хотел с ним расставаться. Как-то заходит в келью духовника, а тот, держа в руках только что изданный «Правильник», говорит: «Вот тебе новенький». А отец Иоанн схитрил: «Да зачем мне новый, мне и старого достаточно». Отец Владимир опустил руки и ничего не ответил на такую наглость. Отец Иоанн нежно: «Великой доброты человек».

С любовью целует «Правильник» и протягивает мне. Понимая, что он далеко не каждого удостоивает такой чести, я сразу вспоминаю свою многогрешность и прикладываюсь с

трепетом. Молитвы отец Иоанн читает медленно и внятно. В храмах нередко частят или так монотонят, что слов не разберешь.

Устав стоять (сил после болезни еще маловато), хотел было попросить «Правильник» и самому побыстрее закончить, но вовремя осознал: ведь это мое благодарение Богу за выздоровление. Значит, должно хоть немножечко потерпеть — пожертвовать. Решил даже не садиться.

После моления напомнил отцу Иоанну: «Ну, где твоя обещанная горилка?» Он так обрадовался: обычно я отказывался даже от чаепития, а тут сам предложил. Как и во всей квартире, на кухонном столе у него все заставлено. Я кое-как сдвинул посуду, продукты, освободив самый краешек. Втиснули две рюмки, два куса хлеба. Когда Джан резал сыр, я придерживал его рюмку, чтобы он ее не вытеснил со стола... После первой, после моих благодарственных слов ему, он разошелся — налил по второй, но я отказался, мол, давление поднимется. А отец Иоанн поучительно: «Ты зачем болезнь программируешь?» Я выпил; давление не поднялось... Закусывая помидоркой, Джан довольно улыбается: «Мои любимые фрукты — это помидоры». Я радуюсь несказанно: «Недаром нас с тобой Бог свел — я тоже люблю пошутить, мол, помидоры — мои самые любимые фрукты».

Гляжу на цветную фотографию над столом. Небольшой круглый котлованчик. Отец Иоанн и еще один человек с ясным-ясным лицом стоят в нем, облокотившись на края. На дне, посередине, выложен из чего-то красного большой крест — метра полтора в высоту и метр в поперечине. Мой собрат поясняет: «Сергей Алексеевич Беляев, археолог. Это он обрел купель, в которой крестили Владимира Красное Солнышко, крестителя всея Руси». До меня доходит, что котлованчик, в котором их сфотографировали, и есть эта святая купель. Отец Иоанн радуется моей догадливости: «Она, она самая». Достает из ящика, протягивает небольшой осколок песчаного цвета: «Когда я его откалывал — гром загремел...» Спрашиваю: «А из чего крест?» Джан улыбается: «Из лепестков мака. Я собрал». Понимая, сколько любовных трудов он в него вложил, я восхищаюсь: «Его ведь в любой момент ветром могло разнести?!» Отец Иоанн счастливо: «И разнесло, но снять мы успели». Мой собрат по блаженству продолжает: «Сергей Алексеевич участвовал в обретении мощей многих святых, в том числе преподобного Амвросия Оптинского. Великий человек — всегда живет по правде, по честности, никогда душой не кривил, не думал о собственной выгоде... Ну, а бесы, как ты знаешь, таких не любят — много Сергей Алексеевич

за правду претерпел...» Мы дружно крестимся, чтоб Господь защитил своего верного сына. Знаем, Отец наш Небесный, хоть и медлит, но всегда защищает своих...

После праздничной трапезы вывожу моего друга на прогулку — без меня он за целый месяц ни разу не выходил. Дорогой делюсь больничными переживаниями, а от его зоркого глаза художника ничего не укроется: «У машины нога выросла». Впереди нас водитель, сидя в машине, открыл дверцу, а ногу поставил на землю.

Сзади белая болонка ткнулась отцу Иоанну в лодыжку. Он обернулся, а хозяйка, старая женщина, успокоила: «Мы не кусаемся». Отец Иоанн даже рассмеялся: «Мы тоже». Конечно, он понял, что она, скорее всего, одинока и потому любит свою собаку как ребенка — это любящие матери говорят: «Мы уже ходить научились, мы уже до десяти считаем...» Мы. И мой друг ласково подшутил: «Мы тоже». Дескать, мы поняли про твое одиночество и про твою любовь к твари Божьей...

Мимо прошел парень в розовом спортивном костюме в обтяжку. Я даже сначала принял его за женщину. А отец Иоанн удивленно: «Такой розовый, что голубой». Я укорил его: «Зачем ты так?» Он недоуменно: «А что?» И я понял: Джан не осудил, а просто, как художник, увидел, что когда в обтяжку, то даже розовое голубизной отдает. Не осудил, а увидел. Поэтому и не понял моего укора...

* * *

Почти каждый день я истирал своими подошвами порог квартиры дорогого Джана, моего собрата по блаженству, но душа все-таки рвалась в родную деревеньку Старово-Смолино. Впервые за четверть века не был в ней около трех месяцев. И вот наступил долгожданный день. Накануне попросился с отцом Иоанном. Он загрустил — раза три переспросил: «Когда теперь приедешь?» А вечером, часов в одиннадцать, звонит: «Ты почему просфоры не забрал?» Он мне подарил. Отвечаю: «Забыл», а сам обманываю — у меня много засохших просфор и приходится их, когда позеленеют, сжигать. Отец Иоанн укоряет: «Как ты к святыне относишься? С кем завтра едешь?»

— С Валеркой.

— Не с Валеркой, а с Валерой. Человек сотворен по образу Божию, а ты «Валерка». (С тех пор я перестал называть людей Валерками, Петьками. А если забудусь, сразу поправляюсь: Маша, Даша, Федя, Филя...). — Серженька, заверните завтра ко мне, заберёте.

— Отец Иоанн, дел много.

— Нельзя так к святине относиться. Что, некому их подарить?

Я, понимая, что придется опять сжигать, уныло тяну свое, что завтра будет некогда, и он смиряется, переходит на другую тему: «В деревне хорошо. Помню, в Петровском вышел я на луг, а там корова пасется. Рога у нее такие скрученные, что я невольно пожалел: «Какая же ты уродина...» Корова подбежала ко мне, положила голову на левое плечо, где сердце, и начала перекачивать. Я почесал ей шею, а из нее пыль, песок. Удивительные существа животные. Она не обиделась на мои слова, она поняла, что это ласка...» А я подумал: Какой же ты удивительный человек; другой бы, увидав, что к нему несется корова, огромное животное с рогами, от страха такого стрекача задал бы, а тебе это даже и в голову не пришло... Такие детали не придумаешь: корова голову по плечу перекачивала и из нее пыль, песок. Сразу я вспомнил: «Мой добрый знакомый монах Василий из Иванова говорит: «Кто животных любит — это счастливец, а кто их обижал, тому на том свете плохо будет». Мой собрат живо откликается: «Это он очень хорошо сказал». Но все же на прощание ласково пообещал: «Когда приедешь — я тебя побью». Стыдно мне стало — чуть было не собрался прямо сейчас сходить к нему за просфорами, но глянул на часы — двенадцатый. Наутро мы с братом заехали к отцу Иоанну. Вместе с просфорами он еще всунул в мою сумку две шоколадки: «Твоей благоверной». Хотя я отказывался, мол, не скоро теперь ее увижу.

Вечером благоверная звонит: «Отец Иоанн дверь открыть не может — позвони ему». Я бормочу, дескать, чем я могу из деревни помочь, но Мариша, всегда очень радующаяся нашей с ним дружбе, почему-то уверена, что только я и могу помочь, да и он почему-то уверен — просит: «Серженьке позвони». Набираю его номер: «Отец Иоанн Джан?» Он недовольно: «Кто же еще». Я все равно докладываю, что это собрат по блаженству Сергей. Джан мой сердится: «Опять этот ворюга пытался влезть — потому замки сломаны». На старости лет у него появилась мания, будто один человек постоянно обворовывает его квартиру, стоит ему отлучиться. Берет самое для него дорогое: фотографии, негативы, книги... Когда он заводит эту свою песню про ворюгу, мол, просит Бога послать ему встречу с ним (при этом грозит своим костылем), я обычно утихомириваю его: «Как Богу будет угодно». Мой друг прекрасно меня понимает (он во всем, кроме этой мании, мудрейший человек), сердится: «Зачем ты меня подначиваешь?» Хотя, честно сказать, мания-то манией, но од-

нажды я подарил ему большую книгу и через два дня Жан пожаловался, что ворюга украл ее, пока он ездил в поликлинику. На этот раз я потерял терпение: «Всё, всё, всё. Я сейчас приеду и найду ее». Некоторые, якобы «украденные ворюгой», вещи я находил. Отец Иоанн тоже выходит из себя: «Ты не всёкай. Когда найдешь, тогда будешь всёкать». Я облазил всю квартиру, но книгу не нашёл... А она большущая — сразу ее видно. Хотя в его бумажном море что угодно может утонуть... Так что, скорее, это старческая мания. Но возникла она не на пустом месте. Много ему в жизни пришлось претерпеть. Он ведь вместе с Сергеем Алексеевичем Беляевым участвовал в обретении мощей многих святых, и у бесов к нему тоже счет особый...

У отца Иоанна целых три замка, которые он часто меняет, хотя я ему не раз говорил, что эти мастера замочные могут оказаться наводчиками воров, и он добьется, что его на самом деле обворуют.

Заставляю Джана проверить каждый замок. Он ворчит, что уже много раз проверял, но все же слушается. Дверь не открывается. И тут я вспомнил и понял, что обратился отец Иоанн по адресу. Перед отъездом я тоже никак не мог открыть его дверь, потом резко дернул ручку вниз... и она открылась. Командую ему: «Возьмись за ручку, дерни вниз по сильнее». Он сердится: «Да дергал я, дергал», но через секунду уже виновато: «Открылась». Конечно, потому я тогда и не мог открыть дверь, чтобы теперь помочь моему дорогому Джану. А так бы сидел он до утра взаперти в ожидании слесаря (если бы еще смог его вызвать), а у него все завалено бумагами, все время огонь на плите горит — никак ему нельзя сидеть взаперти. Очень опасно. Я постоянно талдычу, чтобы он плиту выключал, чтобы светильники платками не зашивал. Конечно, Жан мой забывает, а на меня сердится, грозит своим костылем, а сам мухи не обидит — выпускает за окно бабочек, влетевших в квартиру. Конечно, я тоже выпускаю... Правда, однажды, глядя на птиц, отец Иоанн печально признался: «Я чайку убил... Когда служил на корабле. Хотел сослуживцам показать, какой я стрелок». И еще раз медленно повторил: «Хотел показать, какой я стрелок».

Через три дня звоню ему, он радостно: «Серженька, приходи, новую тему первый увидишь». Я огорчаюсь его полной беспамятности: «Ты что забыл — я в деревне уже четвертый день». Отец Иоанн тоже огорчается: «А ты забыл сколько мне лет...» Мне становится стыдно — я не только забыл, что ему почти восемьдесят лет, но и забыл про его болезни. Как он хорошо воззвал к моему сердцу: «А ты забыл, сколько мне лет».

Месяца через три после моего переезда в деревню собрат мой снова ложится блаженствовать в клинику святителя Алексия. По телефону прошу его быть в больнице смиренным, терпеливым. Он начинает сердиться: яйца курицу учат. Тогда я, вспомнив армянского мальчика с мужскими усами, говорю ему: «Ты ведь армянин, а в Армении солнце сильнее греет и люди горячее, чем у нас на Севере». Он сразу успокаивается и тихо возражает: «Я родился в России». Но меня переспорить трудно: «А гены! Предки твои больше семи тысяч лет жили у горы Арарат — в этой жаре!» Призываю его быть терпеливым — Джан очень горяч и вспыльчив, если сталкивается с чем-то нечистым, грешным. Потом (недаром я его предупреждал) друга моего выселили из палаты в коридор: он сердился, что соседи без конца телевизор смотрят. И прав; мы с ним не смотрели и стали собратями по блаженству... А лет десять назад, еще в своем любимом Петровском храме, он при людях отругал одну женщину-воровку. Она была со связями, и отца Иоанна перевели в другой приход. Так он оказался в своей однокомнатной квартирке на Мичуринском проспекте в семи минутах ходьбы от меня. У Бога все промыслительно. Хотя я, конечно, эгоист; я так рад, что Джан тогда дал волю своему армянскому темпераменту, и его перевели в Москву. Так не хватало его моему сердцу в последние годы! Да и думаю, Богу угодно, чтобы жизнь отца Иоанна не осталась под спудом — чтобы я записал ее.

Спасаясь от моих поучений, Джан переводит разговор на другую тему: «Что там у тебя в деревне?» Делюсь радостью: одна женщина в храме поведала, что когда слышит по радио мой голос, начинает плакать. Оказывается, сын ее был очень болен. Она не сказала чем, но, видимо, алкоголизмом или наркоманией. Однажды дала ему почитать мою книгу, и он, вот уже два года, здоров. Отец Иоанн подтрунивает: «Экий ты Самохвал Бахвалович». Охотно соглашаюсь: «Да, я — Самохвал Бахвалович Небогляд». Однажды рассказал ему, что даже когда молюсь, невольно гляжу в окно на небо. Мол, молитва — это и есть глядение на Небо; потому и глядение на небо — тоже молитва. Он ласково: «Экий ты небогляд».

У отца Иоанна, конечно, нет телевизора, но про Украину всегда спрашивает меня. Я рассказываю свои соображения, мол, это война со славянством; не случайно именно Славянск хотят уничтожить прежде всего, и в Одессе фашисты сожгли

не что-нибудь, а именно «Куликово поле»; мол, самое печальное, что украинцы тоже русские, но они забыли об этом, как когда-то поляки, хорваты забыли, что они славяне...; мол, единственное, чем мы отличаемся от украинцев, мы их считаем русскими, а вот они нас украинцами не считают. Собрат мой согласно вздыхает: «Молись за них». Я молюсь.

Вспоминаю про искушения: невзлюбил я одну нашу православную. Она немало помогает храмам и потому, имея какой-то невообразимо властный характер, считает себя вправе лезть во все дела, а сама малообразованна, примитивна — куда ни влезет, там сразу щепки во все стороны летят. Батюшки помалкивают, а меня при виде нее так и подмывает подойти и спросить: «Ты кто есть? Ты баба малограмотная, вот и знай свое место — готовь щи, полы мой, а в духовные дела не лезь». Но я понимаю, что так нельзя. Спрашиваю отца Иоанна, как избавиться от ненависти к этой женщине. Он спокойно: «Надо больше молиться». Мне кажется, что это я и без него знаю, потому возражаю: «Я не могу все время молиться. Если бы мог, я бы святым был, а я не святой. Кстати, и святые все время молились, а искушения по многу лет от них не отвязывались». Мой путевождь упрямо свое: «Все равно надо молиться». И постепенно до меня, кажется, дошло: благодаря молитве, святые, хоть и не могли подолгу избавиться от искушений, но в грех-то не впадали. Очень редко впадали. А если и впадали, то потом подымались, а не погибали. Святыми становились. Избежать искушений не в нашей власти, но от греха спастись можно. Молитвой. Искушения всегда будут. Тех, кому много дал, Бог всегда испытывает — золото в огне очищается...

В общем, одна польза мне от отца Иоанна. После болезни я сильно ослаб — стал простужаться чуть не каждую неделю. Как-то звоню моему путевождю, мол, не могу навестить его — опять валяюсь. Говорю это, а сам уже знаю его ответ: «А ты у Господа здоровья проси. Просить надо. Толщьте и отвернется вам, ищите и обрящете...» Но он опять удивляет: «Серженька, закаляться надо». Я даже рассмеялся, дескать, в шестьдесят три года поздно закаляться, но я очень уважаю моего Джана — начинаю обливаться по утрам холодной водой. С тех пор не простужаюсь... По телефону благодарю своего собрата за излечение. Чтобы прервать мое славословие он запекает: «Ой цветет калина...» Я подхватываю: «В поле у ручья...» Отец Иоанн одобряет: «Хорошо подпеваешь... Помню, гостил я в Семхозе, это под Москвой, у писателя Игоря Кобзева. Рано утром, когда все еще спали, вышел на лесную поляну со своей флейтой. Заиграл — один кузнечик запирикал, дру-

гой, третий. Вскоре вся поляна мне подпевала. Так что играть стало невозможно».

Я невольно вспомнил известного литератора. В своей книге он пренебрежительно, мимоходом, помянул, что отец Иоанн в одном северном монастыре целую неделю играл на флейте чуть ли не на горнем месте. И фамилию литератор назвал. Ну, ладно, это его беда, что он считает себя гораздо более духовным, чем отец Иоанн, но зачем фамилию называть? Зачем? Хотя я уже не раз замечал, что литератор этот ради красного словца не пожалеет мать-отца. Кузнечики развитее его оказались...

Я тоже прилетел на «музыку» отца Иоанна... Однажды он рассказал: «После войны мы подкармливали бездомную собаку. Она от наших окон никуда...» Вот и я от его окон никуда. Стучу по стеклу: «Джан, Джан...» Он радостно откликается: «Я это, я».

Милый мой, милый Джан... Блаженный чудак с фотоаппаратом и флейтой, с неперенными словами блаженного Августина, что музыка — это разговор с Богом; с собачьими медалями на кармане подрясника... Именно он по велицей Божьей милости участвовал в обретении мощей многих святых; именно он втащил меня на кровать, когда я потерял сознание; именно он стал моим собратом по блаженству...

Однажды, желая его порадовать, мол, ничего из твоих рассказов не забыто, я пересказал ему о подпевавших кузнечиках, он сразу спохватился: «Еще стая воробьев прилетела. Но сидели молча» Я понял: сидели слушателями — какие они певцы, но слушать уметь — тоже талант великий... И тут мой Джан никого не обидел, даже воробьев...

* * *

За зиму отец Иоанн сильно сдал — почти уж прописался в клинике святителя Алексия. Я теперь опять в Старово-Смолино, а в богадельне нашей православной — многопопечительная душа Нина Григорьевна, и есть еще у нее милая-премилая помощница Аннушка. Отец Иоанн любит ее, почти как Арег-джана; осталось только ему предложить Аннушке обменяться именами... В свободное от процедур время он сразу — к Нине Григорьевне с Аннушкой. Слава Богу, что в клинике есть эти две комнатки рядом с регистратурой. Обычно робко заглядывает незнакомый, которому старожилы посоветовали обратиться к Нине Григорьевне. Она, внимательно взглянув, решительно командует: «Заходи». Поит чаем, выслушивает и начинает действовать. Болящий едва успеваает за ней по длинным коридорам...

В мае Нина Григорьевна в очередной раз уложила отца Иоанна. Звоню: «Отец Иоанн-джан?.. А это собрат по блаженству Сергей». Он непривычно устало и тихо спрашивает: «Не надоело тебе еще блаженствовать?» Измучился мой дорогой Джан. Но я знаю, как поднять его на крыло: «Отец Иоанн, не могу я все-таки Нарекаци читать. Половины стихов не понимаю». Он сразу забывает о себе: «Ты что! Этого быть не может!» Голос наполняется силой:

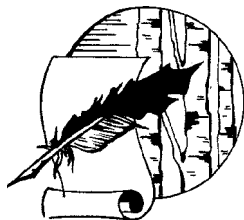
*И если я припомню все, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю —
То и тогда при помощи письма
Я перечислю, Господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.*

*И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю я, сделав рычагом весов, —
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов...*

Мой собрат по блаженству во Христе читает, читает. Конечно, что ж тут непонятого — всё про меня... Наконец, решаюсь робко напомнить ему, что я звоню из деревни. Но он не может оторваться от красоты: «Серженька, еще две строчки...

*И капля девственного молока
Спадёт мне с губ твоих, Пречистая...*

Недавно я попросил отца Иоанна найти у Нарекаци еще две подобных строчки, он изумленно: «Ты что! Такие строчки бывают одни на всю книгу...»

Елена КРИКЛИВЕЦ

КРУЖИЛСЯ ЛИСТОПАД...

* * *

Заболает душа и внезапно сорвется к истокам
за такую строкой,
чтобы истина в ней ужилась.
Ты отыщешь ее на скрипящем крылечке высоком,
с постоянной лачугой почувствовав странную связь.

Засыпает листва эту землю и эту обитель.
Вечереет уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...»

И приходится ждать до утра.

А когда поутру упакуешь бельишка и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот,
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнет.

Поистлеют слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо.
Ты напьешься беды и пойдешь босиком по-толстовски...
Он ведь тоже искал,
да, признаться, навряд ли нашел.

* * *

Тургеневский кружился листопад,
глубокий пруд без меры осыпая.
Сюда пришла я просто наугад,
доверчиво,
за солнцем,
как слепая.

чтобы спрятать тоску, как роман институтка,
намечтавшая в дерзком кружении звезд
расписаться в позоре, в потере рассудка
и уехать с корнетом за тысячу верст.

* * *

Заалееет закат,
тихо звякнет ведро в колоде,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колотиться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг — ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.
Не спеши уходить,
не забыв обратную дорогу:
по земле за тобой
твое прошлое змейкой шуршит.

Этот пасмурный век
заметаает забытые тропки,
и в колоде вода
неизбывной полыньей горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке — безумной и робкой —
ты вернешься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

Прошедший век с просевшим домом
уже никто не покупал.
Лицо в оправе из картона
смотрелось в крошево зеркал...

А в этом мире тоже жили —
не приходили на постой.
Там петли заячьи кружили
от первопутка до Страстной,
и пелись песни без начала,
и пились вечные сто грамм,

и плавно лебеди качались
на серой вате между рам.

Ушло. Растаяло. Забылось...
Лишь при включенном ночнике,
смеясь, — от бабки научилась —
она гадала по руке.

И было невдомек обоим,
читавшим линии судьбы,
как сложный вензель на обоях
похож на заячьи следы.

* * *

В лицо швыряла вьюга хлопья снега.
На сотню километров — ни души.
Он об одном просил сейчас у неба:
чтоб память, будто свечку, затушить,
чтобы стряхнуть все мысли так же просто,
как снег с пальто —

движением одним —
о детях,
что свои свивают гнезда,
о друге
и о той, что рядом с ним.

Свершилось.
Только белая дорога,
и ветер,
и бесчинства февраля...
Унять озноб. Освоиться немного —
и можно этот путь начать с нуля.

Он был один.
Душе обындевелой
любая боль, пожалуй, не страшна.

Хотелось бы сказать, что вьюга пела...
Да вот не пела — плакала она.

* * *

По лужам бежит ветерок торопливый,
балует за настезь открытым окном,
у низкой калитки, где старая ива
застыла почтенно в поклоне земном.

И бродит Господь в этих далях уездных,
хлеба рассыпая дающей рукой.
А жизнь, как вода во облацех небесных,
неясно темнеет за спящей рекой.

Делам и посевам отмерены сроки.
Клокочет над берегом визг детворы.
Своих пассажиров у тихой затоки
услужливый лодочник ждет до поры.

Промытое утро антоновкой дышит.
Тихонько скрипят, в синеву уходя,
ступени, зовущие прямо на крышу
к нападавшим яблокам после дождя...

Щемящие запахи давнего Спаса
отыщешь в потертом своем рюкзаке,
откуда годами достать не решался
росинку на маминой теплой щеке.

* * *

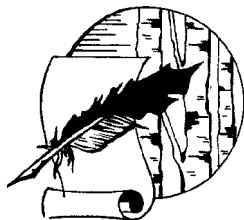
Случилось всё не вовремя и странно,
и месяц гнул серебряную бровь,
мигал фонарь, чернел фундамент храма,
и были звезды, и была любовь.

И был январь не по-январски теплым
с не вовремя пролившимся дождем,
и плыл рассвет по запотевшим стеклам —
случайный — тот, в котором мы вдвоем...

Забуть его, как сумку на вокзале,
как вещь в шкафу, когда давно мала.
И встретить удивленными глазами
и новый взгляд, и свет, и купола...

Когда нельзя от прошлого укрыться
и строгий месяц снова хмурит бровь,
так горько перелистывать страницу,
но храм стоит, а значит, есть Любовь.

Белоруссия, г. Витебск

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

С ВЕСЕННИМИ ДОЖДАМИ

* * *

Я порядок наведу во всём:
Стёкла в окнах вымою до блеска,
Новые повешу занавески.
Мы, весна, с тобой своё возьмём!

Вижу, лист крадётся за листом,
А глаза, как дни, — теплее стали,
А душа!.. Сейчас ей впору в стаи,
Что мелькают в небе за мостом.

* * *

Серым гусем грусть моя
Бродит возле речки.
Тучки на небе стоят —
Заплелись в колечки.
Вниз по Омке утечёт
Тяжкая кручина,
Пусть беды не навлечёт
Тёмная пучина.
Улыбнусь да запою:
«...доля, моя доля...»
В центре города стою,
Словно среди поля.

* * *

Всё врываются в сны,
Будоражат и во поле гонят,
Пролетают со свистом

Вперёд половецкие стрелы.
Закусив удила, в ковылях
Скачут бешено кони,
Болью ноет спина,
И не вызволить ногу из стремени.
Русь в кострах кочевых,
Как в сплошном бесконечном пожарище.
Слышу гиканье, смех
И гортанные, странные речи.
Между мной и ордой
Лишь река да межа ещё,
Вой волков по степи
Раздаётся всё ближе и резче.
Кто я в прошлом далёком:
Подросток, мужчина воинственный,
Коль душа по ночам
Всё дерётся с непрошеным врагом?
Русь и нынче в кострах —
Непреложная, горькая истина,
Но надежд не оставим
Голодным кружащимся воронам!

ОЗЕРО

Умолкли птичьи голоса.
Всё в серых красках — лес и поле.
И туч свинцовых полоса
По небу растянулась вольно.
Земля в предчувствии грозы
На время будто затаилась.

...И только чашей бирюзы
Лесное озеро светилось.

* * *

Не нужно забывать
О добrote,
Хотя сейчас порядочность
Не в моде.
Быть «старым русским» —
Значит, жить в нужде,
Но быть богатым духом —
По природе!

* * *

Как лоскутное одеяло,
Поле стелено — всё в цветах.
Под гитару наш запевала
Перепел всех окрестных птах.
Светом озеро серебрится,
Ощетинилось камышом.
И луна в нём привыкла мыться
Каждой ноченькой нагишом.
Эх, вода — молоко парное,
Искупнёмся да спать пойдём.
Скоро солнце взойдёт шальное,
Чтобы здесь поплескаться днём.

* * *

Моя тоска не в меру гордая,
Непроходящая тоска.
Домов уснувших крыши горбятся.
Звезда манящая близка...
Возьму её в ладони — колется,
Лукаво светится в ночи.
А там, за дальнею околицей
В дремотной неге лес молчит.
Тоска со мной шаги печатает...
Быть может, день прошёл не так?!
Тоска — тоской, печаль — печальями.
Звезда!..
Летит... —
Небесный знак.

ЗВЕЗДОПАД

...А мы увлечены с тобой
Упавшею звездой хвостатой
Туда, где ветер молодой
Шуршит листвой шероховатой.

Теченье Млечного Пути
И явно так, и так непросто.
Не пересечь, не перейти,
Не замочивши ног о звёзды.

* * *

Росла не баловнем судьбы —
Почти из нищих.
Я не из тех, кому везёт,
Из тех, кто ищет —
Не выгод и путей прямых,
А просто — дела.
Мне в жизни важно, чтоб душа
Не зачерствела.

* * *

Я очнусь с весенними дождями.
Нервно веки дрогнут после сна,
И, раздвинув тишину локтями,
Выдохну: «Весна пришла, весна!»
Охмелею от тоски звенящей,
От манящей, ласковой тоски,
В мир шагну — суровый, настоящий,
Тот, что жмёт сомненьями виски.
Я пойму, что лучше, а что хуже,
Доберусь до смысла самого —
Отчего скудеют чьи-то души
Или не скудеют от чего?

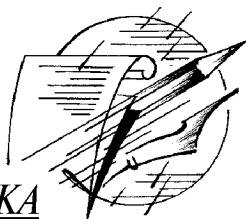
НЕИСТОВЫЙ ВОИТЕЛЬ И СОЗИДАТЕЛЬ КУБАНИ

(Слово о Батьке Кондрате к 75-летию со дня рождения)

В прошлом году с моей малой родины — Кубани пришла скорбная весть: на 74-м году жизни после тяжёлой болезни скончался член Совета Федерации, бывший губернатор Краснодарского края Николай Игнатович Кондратенко. Ушёл из жизни один из самых ярких русских политиков-патриотов и скромный человек — Батька, как его часто и по праву называли в народе.

Не каждого люди называют Батькой. Только близкого человека, кому безраздельно и безоглядно доверяют, кого ценят и уважают. Николая Игнатовича люди любили — за доброту, искренность, неподдельную скромность. Всепоглощающее, неистовое служение русскому народу, родному краю никогда не было для народного губернатора Кубани пустым звуком, всегда являлось путеводным в преданно исповедуемой им идеологии русского патриотизма. Его глубочайшее уважение к своей стране, к национальным традициям, истории и богатой русской культуре всегда тесно увязывалось с православной верой.

Вся яркая, исключительно деятельная жизнь политика-мыслителя, ратоборца

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и созидателя, беззаветного патриота России — это жизнь-подвиг во имя народа и для народа, которому он служил честно, самозабвенно, до своего самого последнего вздоха.

Всеобщий кумир Кубани, которого народ по праву любил, считал своим верным и надёжным защитником, никогда не держался ни за какие свои посты, только благодаря искренней всенародной поддержке работал на благо Кубани и России.

Жизненный путь Батьки Кондрата не был усыпан розами. Несомненно, физически крепкий, могучий, как говаривают казаки, Батька Кондрат мог бы жить еще долго, однако его здоровье подорвали неутихающие, злонамеренные, провокационно-наглые насочки либерально-русophobic публики, как в центре, так и на местах. Они сопровождали всю его активную и плодотворную общественно-политическую деятельность, что и остановило в конце концов его великодушное сердце...

В роковые 1990-е годы в любом, самом отдалённом уголке России при слове «Кубань» люди всегда с доброй улыбкой восклицали: «А, это там, где Кондратенко?! Слышали, читали, знаем!» Действительно, трудно себе представить политическую фигуру того времени более популярную, авторитетную, уважаемую не только в кубанском регионе, но и в масштабах страны.

Тогда в чём же заключалась «вина» Н.И. Кондратенко, согласно цинично-лживым и беспрестанным стенаниям немолчных либерал-реформаторов?.. Оказывается, в том, что он, будучи несговорчивым и независимым лидером Кубани, твёрдо и последовательно проводил курс на «рыночный социализм» в том виде, в каком он отвечает истинным интересам народа и государства, и ещё в том, что Кондратенко... якобы «форменный антисемит»...

Ответ Батьки Кондрата на высосанные из пальца голословные обвинения был по-казачьи прям, ясен и убедителен: «И пошли бы они той козе под хвост! Не они меня избирали губернатором, не им меня и снимать. Да и за что это? За то, что я говорю о политике? Это только сионисты прячут политическое, своё мерзкое под национальное. Если начинаешь разоблачать политику грязную, то они кричат, что ты выступаешь против евреев. Я не шовинист и не антисемит. И решительно против навязываемой по всему миру идеологии сионизма, возвеличивания одной какой бы то ни было нации над другой, тем более в исторически сложившихся условиях тесного проживания, что называется, бок о бок десятков разных народов и наций Северного Кавказа. Известно, какую

огромную опасность источает этот регион, он испокон веку являет собой пороховую бочку, которую не раз пытались поджечь как чужеземные недруги России, так и доморощенные русоненавистники. Я твёрдо знаю одно: демографическая структура нашей многонациональной страны должна отражать содержание общества. Иначе общество может взорваться. Если мы хотим дружно жить, в этой ситуации у нас должен быть только такой подход. И нельзя нас, русских, унижать, нельзя нас, русских, топтать, нельзя к нам, русским, безразлично относиться!»

Сказано, будто метко ударено не в бровь, а в глаз. Ах, как взбесило это откровение дотошных телекомментаторов НТВ и всю ангажированную рать масс-медиа!.. Обильно потекла, забурлила мутной жижей демагогическая фальшь. «...Это становится уже не чудачеством губернатора Кондратенко, а официальной идеологией края. Политика «русский — нерусский» может вызвать взрыв в крае, где проживает более 30 национальностей», и пошло-поехало...

Здесь преднамеренно всё перевёрнуто вверх ногами: подлинный интернационалист по убеждениям, Н.И. Кондратенко никогда не противопоставлял русских нерусским, а говорил о реальной опасности засилья нацистской по духу сионистской идеологии, о межнациональных диспропорциях в политических, административно-хозяйственных и управленческих структурах власти — на всех уровнях, что явно ущемляет права и свободы, данные Конституцией, других наций и народностей Краснодарского края, в том числе русских, которых, кстати, на Кубани абсолютное большинство.

«Мы всё-таки Российское государство, и представлять народ в органах и структурах управления должны прежде всего русские, — подчеркнул Н. Кондратенко в своём выступлении в Госдуме РФ. — То, что русские сегодня оттеснены от управленческих структур, то, что мы с вами не найдём их в управленческих структурах в достаточном количестве — единицы присутствуют, — это вопиющее нарушение... Ведь посмотрите: в правительствах, начиная от Ельцина, русских почти не найдёте — или еврей, или нацмен по происхождению, русских нет. Если вы возьмёте финансовые структуры — опять русских нет, если вы возьмёте владельцев промыслов — вы русских с трудом там найдёте, среди владельцев хозяев телевидения, телеканалов наших, газет и так далее, — опять русских нет. Страна, правда, называется Россией. Разве это нормально, коллеги?» («Голос Отечества», 2006 г., 24 ноября).

С великой болью в душе Н. Кондратенко переживал разрушение СССР, распад векового славянского содружества,

ибо в нём он по праву видел основу развития и процветания великой российской державы.. «Только враги могли нас разделить!» — не раз с горечью восклицал он на различных публичных форумах. Выступая на первом съезде народов России и Белоруссии, Н.И. Кондратенко выразил огромное восхищение успехами братского белорусского народа:

— Выступая сегодня после долгой разлуки, я, русский по роду и племени, должен перед тобой, мой брат-белорус, исповедаться. Ты эту исповедь в нашем славянском братстве заслужил. Рядом с тобой я могу поставить лишь мужественного серба. Ибо в это сложное, противоречивое время вы оказались честнее и мужественнее других. Вы не пошли добровольно сдаваться новоявленным хозяевам планеты. Вы не стали в угоду им разрушать свои заводы и фабрики, которые отцы и деды создавали, снимая последнюю рубаху. Вы не бросили на растерзание своего крестьянина, а я бывал в Белоруссии и видел ваши трактора, машины, комбайны, беседовал с крестьянами. Вы не стали разрушать и изгальяться над святой святыней — своей армией, унижая её с телеэкранов. Для меня стало понятным, почему в той войне вы, дорогие братья — белорусы и сербы, заняли тоже столь мужественную позицию и с первого до последнего дня грудью встали на защиту и Отечества своего, и братства славянского, и больше других на алтарь победы положили своих сыновей и дочерей. Много раз я бывал на земле сербов. Видел потоки сербских беженцев, и всегда труднее всего было отвечать на их трагический для меня вопрос, когда измождённые люди со слезами на глазах спрашивали: «Что же вы, русские, мы же вас любим, мы же в вас верим, почему вы нас бросили на съедение волкам?» Я ничего не мог сказать и врать не мог, лишь ответил: «Вот когда мы, русские, по достоинству будем управлять своей Россией вместе с другими коренными народами нашей страны — вот тогда по полной норме вы, братья, и предъявите нам претензии. А сегодня мы, русские, на своей земле точь-в-точь как палестинцы. Только палестинцы не утратили способности идти на самопожертвование, защищая свои национальные интересы, а мы, русские, утратили и это качество... Сегодня спасти нужно страну (имею в виду и Россию, и Белоруссию) не капиталистическую и не социалистическую — спасти уже надо свободную и независимую. И не дай бог, если в скором времени не объединимся, не создадим блок патриотических сил — мы обречены...» (там же).

Кляузные обвинения в пресловутом «антисемитизме» кубанский лидер смело и обоснованно с порога отвергал: «Кубань — край этнически многообразный и, как показало вре-

мя, достаточно дружный. Проживают и активно проявляют себя здесь в производстве, науке, культуре и лица еврейской национальности. Я их в этом горячо поддерживаю. Приветствую я и то, что евреи так дружно и организованно защищают свой народ или, точнее, свою мифическую и мистическую идею. Но, к сожалению, их идеологические вожди за рубежом стремятся не к равноправию наций, а к преобладанию и неограниченному господству. Вот такой поворот для меня совершенно неприемлем. Мы знаем, чем он обернулся после переворота в 1917 году, — морями русской крови и крови тех, кто возвысился до защиты правого дела. О евреях — только хорошо, о русских — только плохо. Такой закон пресловутой «толерантности» в современной России я решительно отвергаю!.. Задумываясь о судьбах многонациональной Родины, о будущем наших детей и внуков, я убеждён, что мы должны сделать всё, чтобы избежать малейшего повода для национальной розни и экстремизма... Всеми средствами мы будем отстаивать святую дружбу между народами, добытую нашими предками» (там же).

Читая и слушая страстные правдоискательские речи Н. Кондратенко, преисполненные глубины изложенных мыслей и твёрдой убеждённости в своей правоте, нельзя не восхищаться его безоглядной смелостью, бесстрашием и последовательной наступательной позицией, что и вызывало лютую ярость его оппонентов. С опасным риском для жизни он бил врага точно в цель, не прибегая к трусливо-увёртливым иносказаниям, намёкам-полунамёкам и прочим дипломатическим реверансам. Далеко не каждый осмеливался в то жестокое время называть вещи своими именами и открыто призывать к беспощадной борьбе с недругами Отечества. Тем востребованней эти речи сегодня, ведь многие общественные проблемы минувших лет не утратили своей живой актуальности, человечество и сегодня нуждается в существенных ответах на вопросы: кто есть кто и что есть что в зловещем антигуманном мире.

«Наша сила — в братстве народов России. А для этого надо перед лицом нависшей над Отечеством опасности преодолеть всё то мелкое и второстепенное, что всегда так старательно раздувают в оккупированных странах. Расчленение великой державы на 15 государств, ни одно из которых в силу особенностей исторического развития не имеет самодостаточной экономики, — результат политики мирового сионизма, не скрывающего своей цели: любой ценой поставить на колени самый непокорный народ, ибо с остальными справиться будет легче, — размышляет мыслитель-патриот Н. Кондратенко. —

Сейчас сионисты, как никогда, близки к поставленной перед собой цели. После горбачёвско-ельцинского переворота 1991 года численность русских в России сократилась более чем на 10 млн. человек. Почти на 3 млн. уменьшилось число русских на Украине, примерно на столько же — в Казахстане. Идёт целенаправленное и планомерное физическое уничтожение этнических русских, сравнимое по масштабам и интенсивности процесса только с тем, что произошло с индейцами в Северной Америке. И теми же, фактически, методами... Единение и, прежде всего, русского народа, нам необходимо во имя высшей цели — спасения России. При этом — я повторял уже много раз — нельзя заикливаться на искусно подбрасываемых нам догмах, какую Россию спасти: коммунистическую или капиталистическую? Это изобретения одного и того же разума, обуреваемого самоубийственной страстью мирового господства. В основе этих доктрин, вольно или невольно, заложена одна и та же идея уничтожения национального самосознания народов, без которого невозможно их физическое существование. Сегодня речь идёт о спасении России как государства» («Выстоим только вместе» — в книге «С любовью к Родине». Майкоп, 2003 г.).

Эффект разорвавшейся бомбы произвело историческое выступление губернатора Н.И. Кондратенко на встрече с делегатами учредительной конференции «Патриотического Союза молодёжи Кубани» 27 февраля 1998 года. Говоря о великих трудностях, переживаемых современной Россией и её трудолюбивым народом, искренне и горячо веря в огромные потенциальные возможности соотечественников, лидер Кубани на пределе полной откровенности предупредил молодёжь края о самой серьёзной опасности, нависшей над нашей Родиной и всем человечеством. Как знать, быть может, именно эта программная просветительская речь мудрого, немало пожившего и испытавшего человека открыла глаза на мировые проблемы не одному юноше и не одной девушке, вступающим в жизнь. А те понесли эту правду по эстафете — волна за волной своим родным, близким, друзьям и знакомым... Правду ведь не остановишь.

— Моему поколению не безразлично, каким будет наше с вами продолжение на земле нашей, русской, — начал свою речь Н.И. Кондратенко. — И потому с чувством некоторой вины я поднялся на эту трибуну и говорить хочу не о каких-то вещах сиюминутных, а о том, что происходит с нами, дать оценку этому. Что нас поставило в такие условия? Почему мы, русские, начали разрушать сами себя. Что это — случайность, нелепость какая-то? Менталитет, как пытаются

сегодня по телевидению говорить? Хочу сказать: нет, нет и нет! Всё это — запланированная акция. Всё это — глубоко продуманная политика. И всё это вырисовывается как международный заговор против России и прежде всего — против русской нации. Имя этой политики — сионизм. Не надо пугаться, не надо опускать головы. Мы интернационалисты, мы воспитаны на уважении к другим нациям. Но сионизм — это не нация. Сионизм — это политика, жестокая и коварная. Свет на неё проливал ещё бывший шеф ЦРУ США Аллен Даллес в 1945 году».

Как очевидец и непосредственный участник данного форума, подчеркну: огромный зал молодёжи слушал Н.И. Кондратенко затаив дыхание. Далее докладчик продолжал:

— Так судьба моя сложилась, что я уже более трёх десятков лет нахожусь у управления районом или краем. Всё это, безусловно, давало мне возможность осознавать мир несколько по-иному. Ловить информацию, владеть информацией, той, которой простые люди просто-напросто не владеют. И, конечно, не видеть этой грязной политики сионизма я не мог. (...) Это был час «икс», час накала жестокой сионистской политики. Она не сегодня зародилась, это давняя политика. В сентябре 1997 года эта политика отмечала своё столетие. Цель этой политики — мировое господство. Организация Объединённых Наций в своей резолюции 3379 осудила сионизм как разновидность фашизма, как разновидность национализма. После этого ООН приняла около 70 резолюций, осуждающих сионизм как разновидность фашизма. С началом последних событий в России, с приходом в управление ООН Бутроса Гали все резолюции одним махом были отменены. Можно отменить резолюции, но нельзя отменить саму политику. ...Мне ведь, поверьте, дорогие друзья, не составляло труда, держа власть в руках (пятимиллионным краем я руководил), стать самым богатым в крае — чего это стоит, когда у тебя всё богатство в руках! И зачем тебе, Кондратенко, было нужно идти на конфликт, протестовать. Но я понимал, что замалчивать это, значит — предать. Я понимал, что простые люди труда, мои земляки, соотечественники не ведают об этой грязной политике. В трудах, в каждодневных трудах, разве им эти мерзости и подлости были видны? Да нет же, конечно. Об этом знала кучка, будем говорить, людей — писатели, учёные крупные, художники, которые так или иначе сталкивались с этой гнусной политикой. (...) Россию начали сдавать, разрушая её экономику. Россия, Советский Союз — это было мощное, экономически мощное государство с развитой промышленностью. (...) Разрушен продоволь-

ственный сектор экономики. Вы видите, идёт разрушение души. (...) Самое страшное, что происходит, — у нас воруют наших детей, их души. Из вас по возрасту кто-то уже имеет детей, а кто-то завтра их будет иметь, и вы не можете, не имеете права быть безразличными к тому, что их ожидает, какова будет их судьба. (...) Сионисты знали, что преемственность между поколениями, между старшими и младшими поколениями — слабое звено. Здесь надо клин забивать по расчётам Аллена Даллеса. (...) И поверьте, друзья, не моё поколение спасёт Россию. Нет, не с седой головой выходить на улицу или пытаться там что-то делать — уже вес возраста давит. Всегда спасала страну, не только Россию, молодёжь и только молодёжь. Но это тогда, когда она осознает положение своей нации, положение своего народа и Отечества в целом» («Так чей же всё-таки фашизм?» — «Голос Отечества», 2006 г., №2).

О серьёзной опасности агрессивной, разъедающей российской общество сионистской идеологии Н. Кондратенко предупредил много раз, но, полагаю, кто-то по своему недомыслию, кто-то из-за страха потерять чиновничью должность, а кто-то по своей природной пассивности и лени, бездумно продавшись за чечевичную похлёбку, не пожелал проникнуться всей глубиной его предостережений и потому трусливо отсиживался в кустах; лишь самые преданные и верные друзья-единомышленники по народно-патриотическому движению «Отечество» поддерживали его в трудный час.

Нет никакого сомнения в том, что родившийся и выросший в многонациональной среде Северного Кавказа, Н. Кондратенко с генами своих предков впитал в себя чувство глубокого уважения к другим этносам и нациям и зримо проявлял это благородное качество в своей политической и общественной деятельности. «Я воспитывался под флагом интернационализма страстно любящим свой народ, тот, какой он есть при его национальном раскладе, — вспоминал он. — Мы в армии не задавали вопрос, какой ты нации, Вахо Ацедашвили, Месхи или Миша Мамедов, или Тургумбай Альжанович Талкеев и многие другие. Мы просто любили друг друга. Когда мне говорят, что там, в СССР, не было дружбы народов, я криком хочу кричать: это ложь! То была великая дружба, которая больше никогда не повторится» («Так чей же всё-таки фашизм?»).

В политике кубанский лидер умел прозорливо смотреть далеко вперёд. В канун грядущего разрушения СССР на сессии Краснодарского краевого Совета он выступил с пламенной речью, в которой разоблачал просионистскую политику высших руководителей КПСС, в т.ч. и в национально-кадровых вопросах:

— Проблема сионистской опасности — этой реальной угрозы для судеб русского народа — всячески замалчивается... Можно поносить всё, что хотите и кого хотите, причём в самых разных изданиях, в самой грубой форме: демократов и коммунистов, можно тряхнуть и самого президента. Но только на одну тему — тему сионизма наложено абсолютное табу. Сюда не суйся... Рискнувшему сказать о сионизме тут же навешивается грязный ярлык антисемита, на него обрушивается жёлтая пресса с обвинениями во всех мыслимых и немыслимых грехах. Еврей — это национальность. Сионизм — это политика. Политика злая, хитрая, коварная, жестокая и опасная. Это то же самое, что немец — нация, фашизм — политика. Смешение политического и национального в этом вопросе как раз и мешает разоблачению сионизма. И это тоже его тактика. К тому же сионистом может быть и русский... Вы спросите — где же искать этих самых сионистов? Россияне, не ищите их, увязывая этот вопрос с какой-то определённой партией. Они там, где идёт борьба за власть. Великую борьбу за власть большевики — они были среди них, ныне рвутся к власти другие силы — они тоже здесь. Причём и в первом, и во втором случае — пристраиваются во главе движения».

В докладе на IV сессии краевого Совета народных депутатов, в ноябре 2006 года лидер Кубани, в частности, подчеркнул:

— Об этом самом изощрённом политическом течении современности надо сегодня не шептать, а говорить в полный голос, ибо, когда прольётся кровь наших детей, — будет поздно: главное преступление конца XX столетия к тому времени уже свершится. Проблема сионистской опасности — этой реальной угрозы для судеб русского народа — всячески замалчивается. Рискнувшему сказать о сионизме тут же навешивается ярлык антисемита, на него обрушивается жёлтая перестроечная пресса с обвинениями во всех мыслимых и немыслимых грехах. Предвижу обвинение и меня в этом. Нет, нет и нет! Хочу ещё раз твёрдо сказать о своём понимании этого вопроса («Голос Отечества», 2006 г., 24 ноября).

На протяжении всей своей подвижнической, многотрудной, изнурительной жизнедеятельности Н. Кондратенко проявлял пристальный интерес к корневым вопросам геополитики, международного положения России и той катастрофической судьбы, что уготовили ей русофобствующие стратеги мировой закулисы. Зорко усматривая в агрессивных планах мирового сионизма одну из главных причин тяжёлого внутреннего состояния России, он смело бросил вызов междуна-

родному олигархату, понимая, что, пока не будут преданы суду преступники, жаждущие мирового господства, организующие мировые войны, — семьи, носящие фамилии Ротшильд, Морган, Рокфеллер и ещё более 300 клановых семей, — миру постоянно будет угрожать самоуничтожение.

В своих многочисленных речах, статьях, интервью Н. Кондратенко убедительно, с неопровержимыми доказательствами разоблачает правящую мировую элиту, которая осуществляет разрушительную планетарную политику, стремится закабалить весь мир, указывает на два ведущих международных центра, от которых исходят судьбоносные решения, невзирая на режимы и идеологии: так называемую Трёхстороннюю комиссию и Бильдербергский клуб, вместе они контролируют более чем 80% мирового богатства.

Казалось бы, неблагоприятно говорить, что маленькая засекреченная группа политико-экономических монстров способна контролировать почти всё на планете. Однако достаточно сказать, что каждый член Бильдербергского клуба или Трёхсторонней комиссии представляет тот или иной могущественный международный картель. Их мнение о политических или социальных тенденциях зависит от интересов картеля, который они представляют. Протагонисты — люди картелей, заседающие в принимающих кардинальные решения центрах, — тем только и занимаются, что гарантируют доходы картелей, единственная вещь, которую они понимают, — нормы прибыли...

Приведу, на мой взгляд, наиболее интересный фрагмент из интервью, данных Николаем Игнатовичем краевой газете «Голос Отечества». Подобные интервью он давал в разное время разным центральным газетам, но они так и не были напечатаны. При подготовке этой работы их мне любезно предоставила Нина Николаевна Ткаченко, длительное время редактировавшая газету «Голос Отечества».

— Я хорошо знал таких деятелей, честных и порядочных политиков, как маршал Ахромеев и министр Пуго. И твёрдо знаю, что заставить лезть в петлю, к примеру, Ахромеева дело невозможное. Он сам своих врагов в бараний рог согнуть мог, а затем, не дрогнув, — погибнуть. Все они жертвы эмиссаров ЦРУ и Моссада. В этом я твёрдо убеждён. (...) Никто из людей ельцинской обоймы не исчез надолго с политического поля России. Они тасовались, как карты в колоде, но не выпадали. Под них изобретали должности, создавали институты, общественные советы и палаты, телевидение периодически рекламировало их, убеждая людей в их незаурядных способностях, а то и в таланте. А мы, русские, в это уже и

поверили. Таковыми были, например, С. Шахрай и С. Филатов, которые, кстати, написали на меня донос в августе 1991 года. С. Филатов в то время возглавлял ведущую еврейскую организацию в России. Говорю это не голословно, а на основании документов Госархива.

Вечером 21 августа 1991 года, буквально перед развязкой, мне вдруг последовал звонок через междугородную связь. Представившись работником ЦК, абонент таинственно сообщил мне, что я должен вылететь в Ташкент или Душанбе. Туда, дескать, съезжаются все наши. Меня там, в аэропорту, встретят. С собой я должен взять в поездку самых надёжных людей. Я понял, что это провокация. Резко обозвал «доброжелателя» «сионистской мордой», и разговор оборвался.

Или возьмите такой подлый приём сионистов, как создание формирований РНЕ с фашистской символикой на одежде. Знало политическое руководство страны, на чьи деньги содержатся отряды, но не разоблачало. Жупел РНЕ со свастикой нужен для того, чтобы через телевидение на всех патриотов и просто прозревающих русских накинуть фашистскую свастику. Дескать, все патриоты — это фашисты. Это то, что происходит сегодня. Будучи руководителем края, я не знал ни одного человека на Кубани в этой подлой форме, не мог я найти их в крае. (...) Но мой портрет часто и густо показывали по центральному телевидению на фоне людей со свастикой. Ну, кто будет доверять такому губернатору в России?.. Таковы их подлые приёмы. Обозначенные мной факты едва ли сложат полное представление о методах в повседневной деятельности сионистов. Постарайтесь вникнуть в ежедневный телевизионный пиар российских телеканалов, формирующих наше мировоззрение, и вы глубже поймёте почерк новых хозяев» («Голос Отечества». — 2006 г., №1).

Привожу также обстоятельный ответ Н.И. Кондратенко на вопрос корреспондента газеты «Голос Отечества»: «Как складывались Ваши взаимоотношения с Горбачёвым и какова его связь с сионистскими структурами?»:

— У меня с ним старые счёты. Был у меня добрый старый друг, Николай Максимович Ерёмин, бывший секретарь по вопросам сельского хозяйства и продовольственной политики Ставропольского крайкома партии. Я в то время занимал такую же должность в Краснодарском крайкоме. Это на редкость мудрый человек, великий знаток сельского хозяйства, многие годы работал руководителем крупного хозяйства.

В день, когда Горбачёва на Пленуме ЦК избрали генеральным секретарём ЦК КПСС, мы с Николаем Максимовичем

были в Москве на совещании. Вечером я в гостинице за ужином наполнил бокалы вином и предложил «обмыть» нового генсека. Николай Максимович, став суровым и резко накрыв мой стакан ладонью, дословно сказал: «Николай, запомни, с его приходом страны больше нет». И это сказал ближайший соратник Горбачёва.

Я пытался его убедить, что новый генсек хоть говорить-то умеет. Надоели ведь награды, стандартные речи и поцелуи. Весь мир идёт вперёд на лихом коне, а мы любимся собой (кстати, как и сегодня). Но Николай Максимович снова повторил ту же фразу. С тех пор я внимательно следил и за словами и за делами словоохотливого лидера. Трижды мне приходилось голосовать по Горбачёву. И всегда голосовал против. (...) Я, будучи председателем крайисполкома, проголосовал за внесение вопроса о недоверии президенту Горбачёву.

После выхода гэкачепистов из тюрьмы в парламентском центре на Цветном бульваре были проведены парламентские слушания «ОГКЧП». На свою голову М. Горбачёв сел в зале сзади меня. В ходе дискуссии он взял меня за плечи и говорит: «А вот земляки мои, южане, нас и рассудят». Я резко повернулся, голос задеревенел, и я выдал ему всё, что думал. Напомнил, как его благословила в генсеки Тэтчер, а она в то время возглавляла ведущую сионистскую организацию Англии, и о потаённой встрече с Рейганом на Мальте, на корабле, под прикрытием радаров, во время шторма. Как будто других залов и не было. Напомнил о западных агентах влияния: Яковлеве, Собчаке, Калугине, которыми он окружил себя. Закончил я грубо: «Ты нас, русских, предал, за что на том свете в смоле кипеть будешь!» На его вопрос: «Это кому я вас предал?» я изрёк: «До сих пор не разобрался? Посмотри на своё окружение». Челюсти Михаила Сергеевича дрожали, но сказать внятно он ничего не мог, только выдавил из себя: «Ты всегда был против меня». Я отвернулся от него. Где-то в душе упрекал себя за то, что опять ввязался в драку, а затем вдруг душа наполнилась невиданным удовлетворением: «При жизни ему всё сказал, не после смерти». Хотя этого для таких, как он, явно мало» (там же).

Неоднократно подвергал острой публичной критике кубанский губернатор деятельность депутатов Государственной думы:

— Лихо был списан нашими депутатами многомиллионный долг Ираку. Нет, не тому Ираку, где плохо или хорошо правили страной иракцы, а тому, в котором нефтяные промыслы теперь принадлежат сионистскому капиталу, который в нефтяном бизнесе США является хозяином. Не протете-

стует парламентское большинство России и против содержания злосудного резервного фонда в банках США. Это мы инвестируем их развитие, а сами цинично зовём иностранные инвестиции в свою страну...» (там же).

Сионистское лобби в России отчётливо понимало, какую огромную опасность для него представляла грамотная просветительская и успешная организационная деятельность популярного кубанского лидера, всеми силами пытались извратить, оклеветать его патриотические взгляды, любыми способами убрать, наконец, Кондратенко с политической арены. Трудные времена настали для Николая Игнатовича, и, как знать, удалось бы ему тогда выдержать этот злобный натиск тёмных сил, не поддержи его соратники по Краснодарскому краевому народно-патриотическому общественному движению «Отечество» и народ Кубани, да и вся трудовая Россия.

С кем бы из моих земляков-кубанцев, близко знавших Николая Игнатовича, мне ни приходилось говорить, все как один отмечали его исключительно выдающийся дар — при любых обстоятельствах, при любом общении оставаться мудрым и рассудительным человеком, искренне уважающим мнение собеседника. И вместе с тем он отличался твёрдым, стойким характером, непреклонной волей, умением бескомпромиссно бороться и побеждать оппонента логикой своих убеждений.

«Нынче, с высоты минувших лет, мы с уверенностью говорим, что не окажись в то время на Кубани на пути убийственно разрушительных реформ нашего Батьки, гуляла бы по плодороднейшим степям злая позёмка. Было бы угроблено всё, что создавалось десятилетиями на нашей земле-матушке, — писала краевая газета «Кубань сегодня». — И снова о Кубани заговорили как о житнице России: наши хлеборобы собирают самые высокие урожаи, наше каждое четвёртое предприятие в списках 300 лучших агрохозяйств, стала подниматься с колен животноводческая отрасль, оживила курортная зона. (...) Сегодня Кубань входит в тройку лучших регионов страны» (2004 г., 17 февраля).

Как известно, злонамеренное разрушение Советского Союза привело к массовому наплыву в российские регионы безработных жителей бывших республик страны. В Ростовской области, в Краснодарском и Ставропольском краях стремительный рост численности иммигрантов привёл в 90-е годы к образованию крупных землячеств, как правило, замкнутых, жёстко организованных и ориентированных на частную предпринимательскую деятельность, форсированное на-

копление капитала, захват и удержание рынка. Они были связаны тесными родственными связями, существовали в значительной мере на грани легальной и теневой экономики, связанные с криминальным миром. Так, например, обстояло дело в точках компактного проживания турок-месхетинцев в Краснодарском крае, китайцев и корейцев на Дальнем Востоке.

Россия испытывает давление со стороны европейских государств, которые ужесточают собственное иммиграционное законодательство и настаивают на принятии нашей страной значительно более либеральных законов об иностранцах, тем самым создавая в России так называемый «отстойник» для нелегалов. Н.И. Кондратенко одним из первых осознал надвигающуюся социальную опасность и предпринял необходимые меры по урегулированию правовой базы в области иммиграции на краевом уровне, отмечая, что действующий институт депортации, базирующийся на устаревшем законе «Об иностранцах» 1981 года, явно неэффективен. Медлительность с принятием необходимых мер в борьбе с незаконной миграцией вела к накоплению «нелегалов» в кубанском регионе, негативно влияла на социально-экономическую и политическую ситуацию в регионах и в стране в целом, рост преступности и в конечном итоге представляла угрозу национальной безопасности.

Необычайная активность общественных выступлений кубанского губернатора в содружестве с патриотически настроенными соратниками-единомышленниками в конце концов привела к тому, что был принят ряд экстренных мер по оптимизации демографической ситуации в РФ и утверждению в Государственной думе основополагающего федерального закона «О миграции в Российской Федерации».

Хорошо помню, какая бурная полемика развернулась на парламентских слушаниях в Госдуме о незаконных мигрантах в Краснодарском крае. В нескольких выступлениях тенденциозно настроенных лиц прозвучала неоправданная критика действий губернатора Кубани и краевой администрации, которые, дескать, вопреки юридическим и гуманным международным нормам, намерены прибегнуть к насильственному выдворению турок-месхетинцев за пределы кубанского региона. Однако представитель Республики Адыгея, председатель Законодательного собрания Краснодарского края В.А. Бекетов и другие компетентные деятели региона решительно опровергли якобы «репрессивные» меры. Если бы не грамотная, терпимая, основанная на чётком выполнении имеющихся федеральных законов миграционная политика властей Кубани, мы бы сегодня получили вторую

Чечню или второе Косово, подчёркивали выступающие. Сложные проблемы возникли в отношениях с турками-месхетинцами, незаконно поселившимися в ряде районов края и не желающими признавать существующие российские законы. «С этой точки зрения Кубань нынче — пороховая бочка: поднеси спичку — и она взорвётся, — подчеркнул В.А. Бекетов. — В ряде кубанских школ Крымского, Абинского и других районов в начальных классах почти нет русскоязычных учащихся...»

Демонстрируя незаурядную политическую зоркость и глубоко развитое национальное чувство Родины, Н. Кондратенко постоянно заявлял: грядущей катастрофы можно избежать, если все коренные народы России проникнутся спасительной идеей межнационального сплочения, вспомнят о своём историческом величии и предназначении, укрепят государство материально и духовно, обогатятся непобедимым патриотическим идеалом, благодаря чему жила и процветала великая, единая и непобедимая Россия, которую подняли на высокий исторический пьедестал наши славные предки.

Умелый, многоопытный организатор и хозяйственник, Н.И. Кондратенко понимал всю нелепость и зловещую пагубность непродуманных либеральных преобразований на селе, смело выступил против бездумной и опасной приватизации земельных угодий, всеми силами старался уберечь от развала состоятельные, прибыльные кубанские колхозы и совхозы и хорошо отлаженную десятилетиями систему экономического развития родного края. Этим, естественно, необычайно популярный в народе, но несговорчивый губернатор вызывал на себя огонь лютой ненависти со стороны алчных «прихвизаторов» и власть имущих бонз.

Обладея большим опытом практического хозяйствования на селе, недюжинными организаторскими способностями и научными знаниями в области сельского хозяйства на плодородной кубанской земле, Н. Кондратенко с самого начала распознал зловещую опасность «дружбы» с Международным валютным фондом, который, охотно оказывая кредитные услуги России, якобы поддерживал её экономику. Своих серьёзных опасений на этот счёт Кондратенко не скрывал и публично заявлял, что финансовые подачки МВФ, судя по плачевному состоянию экономик многих стран, попавших в финансовую зависимость от МВФ, усугубляют их положение, лишь декларативно демонстрируют оказание пресловутой «помощи». На деле агрессивные международные финансовые воротилы будут удушать экономику России, станут вмешиваться во внутренние дела нашей страны точно так,

как они навязывают свою политику другим странам, попавшим в их зависимость. Время убедительно показало абсолютную правоту предостережений народного губернатора: мы видим агрессивно-жесткие экономические санкции, которыми обложили Россию пресловутые западные «партнёры»...

В своё время российские либералы выдвинули насквозь лживый лозунг: «Мы легли на реформы, встали на рынок, Америка и Запад россиян прокормят», поэтому, мол, своего сельского хозяйства стране не нужно в больших объёмах. Нам, дескать, нужны только небольшие садово-огородные и приусадебные участки, крохотные, неспособные к расширенному воспроизводству фермерские хозяйства...

Что случилось далее — мы хорошо знаем. Люди, склонные к лёгкой наживе и бесконечно далёкие от желания развивать российское сельское хозяйство, начали ретиво растаскивать на «доли» и «паи» землю, тащить из колхозов и совхозов технику. Если бы только технику!.. Богатые кубанские колхозы и совхозы пустили под нож скот. Были резко сокращены посевные площади, плодородная земля превращалась в запустение, пастбища для грызунов. В то же время из США и стран Западной Европы в Россию забросили огромное количество залежалых продуктов питания. Значительная часть этих продуктов — трудно поверить, но это факт! — была законсервирована ещё в годы Второй мировой войны и, по понятным причинам, не находила сбыта в так называемом «цивилизованном» западном сообществе.

Залежалая обувь, одежда, сомнительного качества водочные изделия для спаивания людей, табачные изделия, срок хранения которых давным-давно истёк, — всё не востребовавшее в западном мире было брошено на рынки России по бросовым ценам, которые оказались ниже себестоимости российских потребительских товаров. Разумеется, такой наглостью и злонамеренной конкуренции российская экономика выдержать не могла.

Итогом экономической вакханалии явилась потеря Россией продовольственной независимости, а для иностранного капитала — возможность поднять стоимость продуктов питания далеко не лучшего качества, поставляемых в Россию, в три-четыре раза. Что же касается внутренних цен на российские товары, то местные перекупщики-спекулянты их быстро подогнали под иностранные цены.

Прозорливо предвидя разгул столь драматической стихии, Н.И. Кондратенко всеми силами старался уберечь доходные кубанские колхозы и совхозы от разорения, на деле доказав их рентабельность в условиях разумно налаженной системы рыночной конкуренции.

«Мы, кубанцы, сегодня тоже лихорадочно ищем ответ на вопрос: что нас завело в тупик, какой механизм привёл к этому? — тревожно вопрошал Николай Игнатович, выступая на мартовском 1999 года выездном пленуме Союза писателей России в г. Краснодаре. — Ведь ничего случайного не бывает. Не только сельское хозяйство, все отрасли экономики России сегодня гибнут. Но больше всех страдает, конечно, продовольственный сектор. А это, в моём понимании и понимании учёных Кубани, значит, что погибнем все, только одни раньше, а другие позже.

Почему мы неконкурентноспособны? Всё дело в том, как я понимаю, что «семёрка», которая сегодня диктует политику цен на мировом рынке, этими ценами создала механизм разрушения продовольственного сектора в тех странах, которые находятся в худших природных условиях. Исторически сложилось так, что мы, россияне, сгрудились в Европе, а всё наше национальное богатство на востоке, в Сибири, — откуда, говорили, будет прирастать богатством Россия, — медь, газ, нефть, алмазы, золото, никель, уран и т.д. Мы же оторвали экономической политикой свой народ от его национального богатства! Что это за экономическая модель? Рыночники, скажите, на кого будет работать эта экономическая модель? А если сюда добавить ещё то, что наши энергоносители всегда будут дороже ближневосточных, где их добывается 70%? Что получается? Как только мы подняли цены на энергоносители, самое многое через год они вылазят в себестоимость всего! И тогда наши энергетики первыми кричат — жить не можем, всё подорожало, уже не окупаемся. Правительство снова поднимает цены на энергоносители, начинается новый виток. И так будет, пока не задушим сами себя. Ведь очевидно, что энергоносители в России, с учётом её агроклиматических и климатических зон, надо было держать в руках государства. И твёрдо держать! Пусть частник работает, вкладывает инвестиции под нормы прибыли, установленные правительством, а правительство регулирует планку. Ведь энергоносители — стержень экономики. Дать погибнуть этой отрасли — безумие. А у нас всё сделали наоборот — задрали цены на энергоносители, убили у всех желание работать. Кто в убыток себе будет производить? Ведь сами демократы говорили о том, что работать в убыток — это аморально, и сами же создали аморальную, преступную экономическую модель. За это по всем нормам мы, крестьяне, вправе подавать в суд».

Помню, в 1999 году приехал я на свою малую родину, в кубанский посёлок Мостовской. Горько было видеть, какой

невосполнимый урон нанесён Кубани за годы тяжкого горе-либерального «реформаторства». За восемь лет, пока прави-ли краем, словно чужеземцы, рыночники-западники, более чем в два раза сократилось поголовье скота, заросли бурья-ном плодороднейшие поля. Резко снизился жизненный уро-вень подавляющей массы жителей. Без преувеличения, в пер-спективе плодородному региону России грозило вымирание населения. Ножом по сердцу полоснула записка, оглашённая губернатором Н.И. Кондратенко на краевом совеща-нии работников сельского хозяйства: директор совхоза из Бело-реченского района просил выделить 20 тонн муки: люди едят отруби!.. И это на хлебоносной Кубани, где такая обильная земля, что воткни в неё палку — дерево вырастет!..

«Дефицит ГСМ на Кубани в уборочную страду создан искусственно, явно с целью помешать уборке богатого уро-жая, — твёрдо заявил Н. Кондратенко. — Я предвидел этот «плановый» бензиновый голод ещё в марте. Если в ближай-шее время ситуация не изменится, мы вынуждены будем пред-упредить российское правительство о том, что блокируем поставки нефтепродуктов через порты за пределы края. Не только в Америке или Европе надо вести посевную. Гораздо важнее для нас, в первую очередь, обеспечить всем необхо-димым своих земледельцев. Не нравлюсь я кому-то в прави-тельстве — снимайте меня! Но труженики полей не должны страдать».

Горячо откликаясь на пламенный призыв своего любимого Батяки — спасти урожай — без понуканий начальства и идеологической обработки, строго руководствуясь сознани-ем долга и высокой ответственностью, мои земляки-кубан-цы наладили крепкую трудовую дисциплину, в кратчайший срок подготовили сельхозтехнику и добились впечатляющих результатов. Так, сегодня средняя урожайность по предгор-ному Мостовскому району, почвы которого засушливы и трудны для обработки, составила 34,7 центнера с гектара — не ахти какой по кубанским меркам показатель, в былые вре-мена куда больше собирали, но в нынешних условиях и этим надо быть довольным.

Не следует забывать, что из 10 миллионов гектаров ози-мых в России более миллиона приходится на Краснодарс-кий край, т.е. Кубань была и есть основной кормилицей Рос-сии. Земля-кормилица — «беспартийна», она признаёт лишь одну «партию» — труда, не знает и не хочет знать пустопо-рожней болтовни и пресловутого либерализма: хочешь снять урожай — трудись до пота, неукоснительно выполняя пра-вила земледелия.

Губернатор Н.И. Кондратенко не знал отдыха, регулярно, без усталости совершал вертолётные облёты районов, ни себе, ни другим передышки не давал. Завидев его на полевом стане, хлеборобы с уважением говорили: «Наш Батяка в кабинете не засиживается. Там секретарша пусть пыль вытирает, а его кабинет в вертолёте да на хлебной ниве!..» Да, нерадивым хозяйственникам, привыкшим работать абы как, от него изрядно влетало. Но результат-то был налицо и говорил сам за себя. А результатов, известно, добиваются там, где работают.

И вот теперь задаю вопросы экс-главе администрации Мостовского района И.И. Асмолову:

— Иван Иванович, чем осложнялась уборка урожая в Мостовском районе и во всём крае в конце 90-х? И какую роль тогда сыграл губернатор Н.И. Кондратенко?

— Зона наша предгорная. Земля прекрасная, плодородная, но пересушена затяжной засухой. Обстановка в 1999-м году, поверьте, напоминала фронтовое время, а поразительные старания хлеборобов, работавших круглосуточно, без отдыха, ночью при свете автомобильных фар, сравнимы с героическим военным подвигом. Скажу без лести: без умелой организаторской работы губернатора Н.И. Кондратенко, правительства Кубани и огромного энтузиазма сельских тружеников жатва-99 не имела бы такого успеха. В целях подготовки техники и организованного проведения жатвы глава краевой администрации подписал постановление, в соответствии с которым в июне-июле хозяйствам было выделено более 50 тысяч тонн дизтоплива и 9 тысяч тонн бензина в счёт поставок зерна в региональный фонд. В случае перебоев с горючим было строго предписано: последнее должно отпускаться с нефтебаз с отсрочкой оплаты под гарантии органов местного самоуправления. Теперь вы понимаете, почему губернатор жёстко запретил вывозить зерно для продажи за пределами края, за что его крепко ругали «сверху» и поливали помоями досужие СМИ: следует в первую очередь расплатиться с долгами, иначе сельское хозяйство Кубани вконец разрушится, и уж тогда голод в России неминуем, никакая граница нам не поможет и не спасёт. Надеюсь, вы понимаете и то, какую огромную ответственность взвалил на себя Николай Игнатович вводимыми по его инициативам мерами, но меры эти были исключительно необходимы.

Но, несмотря на обильно собранный урожай зерновых на Кубани, в целом по России цена на хлеб и хлебобулочные изделия неудержимо поползла вверх, что дало повод «демократическим» СМИ поднять неистовый галдёж: мол, «красный» губернатор Н.И. Кондратенко тянет одеяло на себя, за-

ботится только о казачьем крае и не желает поделиться с нуждающимися центральными регионами, где урожай сильно погубила невероятная засуха. Да, эта вынужденная акция была отнюдь не на руку Н.И. Кондратенко, но политически была выгодна его злостным оппонентам, жаждавшим во что бы то ни стало «свалить» народного губернатора и поставить взамен него своего «реформатора».

Однако не политическая целесообразность, а острая необходимость заставила руководство Кубани пойти на столь вынужденный шаг. На протяжении 5 лет хозяйства того же Мостовского района, как и других районов края, почти не имели возможности отдавать зерно в региональный фонд. Отсюда долг составил 31,7 тысячи тонн зерна.

— Если выплатили бы его сразу — хозяйства остались бы без семян, без кормов и зарплаты, — поведал мне начальник Мостовского районного управления сельского хозяйства А.А. Садчиков. — Мы вынуждены были отдать натуроплатой не более 30—40 процентов. Остальные 19 тысяч тонн зерна по просьбе нашей райадминистрации пролонгировало правительство края. Таким образом, наш район (как и другие районы Кубани) рассчитался с региональным фондом на 100 процентов.

Политика и экономика, как известно, тесно взаимосвязаны. Ситуация с ГСМ на Кубани в 1990-е годы была предельно острой. Она усугублялась тем, что федеральный центр не выполнял взятые на себя обязательства по обеспечению сельхозпроизводителей материально-техническими ресурсами. Что это, если не сознательное удушение сельского хозяйства?.. Руководство страны тех лет предпринимало экономическое и политическое давление на «красных» губернаторов, разделяя руководителей регионов на «своих» и «чужих» — это ли не антигосударственная политика зарвавшихся властителей?..

Время подтвердило правоту дальновидных социально-экономических прогнозов и опасений кубанского губернатора. Примитивно истолкованные, невежественные по сути и русоненавистнические по замыслу рыночные отношения довели экономику и сельское хозяйство в России до истощения и разорения. Вступив в ВТО, страна попала в ещё большую кабалу к западным хищникам и встала на опасную тропу утраты продовольственной независимости, что с лихвой показали наши дни, когда русофобские экономические санкции Запада стали угрожать целостности России.

Опытные российские фермеры убеждены: решая острый вопрос импортного замещения, отечественные сельхозпро-

изводители при всём желании не смогут в ближайшее время обеспечить жителей страны необходимыми продуктами, потому что, как считает известный уральский фермер Василий Мельниченко, правительство России последние 20 лет работало с единственной целью — остановить все виды производства в РФ: «В среднем мы обеспечиваем себя на 50—60%. И сейчас, сколько бы ни было инвестиций в сельское хозяйство, какие бы преференции ни получали фермеры, ситуация быстро не изменится. Всё разумное делается в мирное тихое и хорошее время. Сейчас время спешки, а спешка нужна при ловле блох. Я считаю, идёт умышленное уничтожение любого вида производства в глубинке, в малых городах. Мы не ленивые, мы хотим работать и не отказываемся никогда от земли. Но у нас просто именем РФ забирают орудия труда, никакой отечественной сельхозтехники не разрешают производить. Самая дорогая электроэнергия — для села. 63 региона России признаны непригодными для ведения сельского хозяйства, а это значит, что ни один банк не выдаст мне кредит на развитие там хозяйства. Минеральные удобрения приравняли к взрывоопасным веществам (!), и мы теперь не имеем права их использовать. С 1 мая 2014 года в личных подсобных хозяйствах российскому крестьянину запретили держать живность, кроме хорьков, морских свинок, собачек, кошечек. И как мы теперь накормим страну, если издан указ об ограничении ввоза продуктов, но перед этим не отменили 70% законодательства, которое запрещает или мешает работать российским фермерам...» («Что будем есть и какого качества?». — «Потаённое», 2014 г., №5).

Слова крупного уральского фермера — будто крик вопиющего в пустыне, они наталкиваются на глухое бюрократическое сопротивление высокопоставленных российских чиновников так же, как и наталкивались прогрессивные предложения Н. Кондратенко по спасению отечественного сельского хозяйства в приснопамятные 90-е годы. Нисколько нынче не устарели глубокие, научно обоснованные выводы губернатора Кубани: «Цены на энергоносители, само их производство должны в первую очередь быть взяты под контроль государства, приведены в соответствие с потребностями и условиями нашей страны. Вот что надо сделать в первую очередь. Всё остальное разовьётся уже на этой базе, это будет тем звеном, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепочку: и производство, и снижение потребительских цен, и рост поступлений в бюджет. Люди сразу, через месяц буквально вздохнут свободнее» («Чтоб жила страна своим умом» — в книге «С любовью к Родине», с.31).

Нет сомнения, тенденциозно развязанная против кубанского губернатора клеветническая кампания в те годы в СМИ исполнялась по указке тех, кто не на шутку был встревожен — а вдруг и в других регионах России найдутся политические лидеры, способные разобраться в сути вопроса: кто есть кто на российском политическом Олимпе и почему русские, будто чужаки без роду и племени, отодвинуты у себя в Отечестве на задний план?..

И всё же настоящих, верных друзей и соратников у Батьки Кондрата было куда больше, чем ненавистников-злопыхателей. Придёт время, когда историки и политологи объективно проанализируют жизнь и подвижническую деятельность уникальной личности лидера Кубани, широко обнародуют имена тех злобных оппонентов, кто нещадно изнурял его своими беспочвенными измышлениями и клеветническими обвинениями в пресловутом «шовинизме», «антисемитизме» и прочих «измах».

По свидетельству многих современных, знавших близко кубанского лидера, и его сподвижников, работавших с ним немало лет бок о бок, Николай Игнатович отличался обострённым чувством Родины — России и был бесконечно предан своей малой родине — Кубани, где он родился и провёл всю свою яркую, трудную и благородную жизнь. Он не мыслил себе родного края вне судьбы России и жёстко пресекал горячеголовых политиканов, призывавших к «самостийности» Кубани, к её отделению от России в некую «независимую Казачью республику — Казакию»«, решительно ставил на место и тех лжеучёных, которые, идя на поводу зарубежных русоненавистников, витийствовали, будто «казаки — особый, горский этнос, развивающийся по своим, горским, законам и к русской нации не принадлежат»...

«Как такая страшная трагедия с Советским Союзом могла случиться?! — нередко задавался тяжким вопросом Николай Игнатович. — Мы Гитлера со всей Европой одолели, а тут внутреннего врага проглядели. Как такое произошло?..» И мучился от бессилия, видя, как после 1991 года столкнули лбами многочисленные народы вчера ещё единой страны, и СССР был разделён на 15 разобренных территорий ради их нещадной эксплуатации.

С каждым днём и часом правления Ельцина под диктовку американских советников страна приближалась к пропасти. Раблепно-послушный парламент принимал необходимые внешним оккупантам законы, в том числе ФЗ №86 (о Центробанке). Вывозилось абсолютно всё более-менее ценное: имущество предприятий, сырьё и продукция. Предпри-

ятия и сельхозугодья приватизировались и продавались за бесценок в зарубежную собственность, экономика безнадежно разрушалась, доходы людей резко падали, стремительно набирала скорость массовая безработица. По подсчётам независимых экспертов, уровень падения жизни в России и на всём постсоветском пространстве в лихие 90-е годы, смертность населения существенно превосходили трагические последствия Великой Отечественной войны...

Жёсткие, но справедливые критические выступления Кондратенко в адрес реформаторов-рыночников с целью вывести Кубань из кризиса шли вразрез с шумными официальными декларациями высшего руководства страны, подвергались злобно-циничному осмеянию в СМИ, которые преподносили разрушение СССР и гибельные либеральные реформы как величайшее благо. Но испугать, заставить замолчать принципиального и мужественного губернатора Кубани было нельзя, его поддерживал народ родного края, им восхищалась вся думающая Россия!.. В народе нередко раздавалось: «Вот бы нам такого, истинно н а р о д н о г о президента, как Батько Кондрат!..»

Испокон веков Кубань — вольнолюбивый казачий край. Там всегда люди проявляли большую общественно-политическую активность, т.е. были волевыми, свободолюбивыми, не терпящими унижения пассионариями.

В смутное время, когда был разрушен СССР, когда распалась КПСС, когда расстреляли Верховный Совет и в одночасье рухнули все наши национальные идеалы и ценности, у людей всё чаще возникала мысль: надо что-то делать, чтобы остановить распад России. Возникли различные идеи, пока не возобладала мысль о том, что необходимо широкое общественное движение патриотов, которое бы объединило всех — коммунистов и Союз офицеров, пенсионеров и молодёжь, монархистов и «левых» радикалов, «красных» и «белых» казаков, разных по вере, разных национальностей. Казалось бы, задача невозможная из-за бурно кипящих в стране острых внутренних страстей и разногласий.

Однако в 1994 году возникло Краснодарское краевое народно-патриотическое общественное движение «Отечество» во главе с Н.И. Кондратенко, которое сразу приковало к себе внимание не только друзей, но и врагов. Не случайно оперативно созданная одноимённая партия экс-мэра Москвы Лужкова «Отечество — вся Россия» запустила на Кубани особую секретную директиву для подрывной работы против губернатора Н.И. Кондратенко и возглавляемого им народного движения.

Поначалу многие кубанцы были озадачены: чем отличаются «Отечество» Кондратенко и «Отечество» Лужкова?.. Но вскоре распознали огромную между ними разницу: идеология этих организаций — несовместима. Не случайно «лужковцы» эти различия старательно замазывали. Дело в том, что пресловутые «новые русские» во главе с московским мэром встали на путь умышленного запутывания кубанских избирателей, пытались перехватить у кубанского «Отечества» название своей организации, «раскручивая» своего лидера, отчаянно спешили включиться в политическую игру на патриотическом поле, стремясь перехватить инициативу «Отечества» Кондратенко, объединяющего вокруг себя подлинно патриотические силы Кубани.

К тому времени в активе «Отечества» Кондратенко была уже убедительная победа на выборах губернатора Краснодарского края и депутатов Законодательного собрания. Цель «кубанских» лужковцев была примитивно простой: путём намеренного запутывания вопроса заполнить «голоса» избирателей, искренне верящих, что поддерживают «Отечество» Кондратенко. К сожалению, иные граждане поначалу «клюнули» на эту дешёвую наживку, наивно полагая, будто Ю. Лужков — «оппозиционер» Кремля. Московский «оппозиционер», между тем, изощрялся в словоблудии: «У нас нынче в России — режим, никакая не демократия»...

Афера Лужкова, однако, позорно сорвалась. Казаки задавали «борцу с режимом» убийственно саркастический вопрос: «А не вы ли, разлюбезный Юрий Михайлович, всеми силами и всеми своими капиталами этот режим создавали и укрепляли?! Это же вы громче всех кликушествовали на площадях Москвы: «Ельцин — Россия! Ельцин — победа!», «По чьему приказу жестоко разгоняли и избивали недовольных демонстрантов на улицах столицы? По вашему, господин Лужков. Нынче только ленивый не ругает Ельцина и его клику. Groш цена вашей лживой «оппозиционности»!

Вскоре о том, какие истинные цели преследовали лужковцы на Кубани, казаки узнали из опубликованной в газете «Голос Отечества» (1999 г., №2) конфиденциальной инструкции, предназначенной для внутрипартийной работы. В этой директиве нет ни слова о тяжёлой экономической ситуации на Кубани, о заботах и нуждах простых тружеников. Речь — исключительно о захвате власти любой ценой и смещении популярного народного губернатора.

Мнимое «Отечество» Лужкова играло роль троянского коня. Кубанские избиратели отчётливо понимали, что в острой политической борьбе надо больше всего остерегаться

ся «данайцев, дары приносящих». В связи с развёртыванием подготовки к выборам в парламент и, возможно, досрочных выборов президента в правящих кругах страны началась бурная перестановка декораций и замена действующих персон на якобы новых. Бывшие подельники Ельцина на глазах у своего безнадёжно больного сюзерена стали всё громче декларировать «оппозиционные» призывы; в продажных СМИ всё сильнее раскручивались известные фигуры псевдооппозиционеров: Лебеда, Явлинского, Лужкова, вчера ещё активно выступавших в одной упряжке с президентом, а теперь в предвкушении сладостных властных амбиций вдруг ставших его «ниспровергателями».

Зашевелился и недремлющий Запад, опасаясь упустить свою игру в России: сама госпожа Олбрайт почтила своим личным вниманием потенциальных кандидатов в президенты РФ, устроив кое-кому смотрины в Кремле; с действующим президентом Ельциным по соображениям этики обменялась несколькими фразами лишь по телефону, т.е. явно списав того со счёта...

Ставка Запада на Лужкова-президента была очень серьёзной. Но для начала надо было «раскрутить» в глазах народа его пресловутое «Отечество» и тем самым дискредитировать патриотическое движение «Отечество» Кондратенко. Для Лужкова разработали некую идеологию «центризма», позволяющую, с одной стороны, промывать мозги неискущённым людям, оперируя фразеологией оппозиции, а с другой — подпитывать деятельность лужковского «Отечества» финансами «новых русских». Была придумана смехотворная казуистическая пропагандистская формула: «Работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически!»

«В лужковском «Отечестве», как и в остальных блоках и партиях «правого» и так называемого «центристского» толка, русских почти нет, не только по национальности — нет русских по духу, нет людей из трудового народа, будь он хоть татарин, хоть чуваш, хоть кто по национальности, — писал в своей статье лидер кубанского «Отечества» Н.И. Кондратенко. — Нет их там, вот и делаю я вывод, что никогда интересы трудящихся людей не будут этим блокам близки и важны в их политике. Всё — только слова, слова, слова...» («Советская Россия», 1999 г., 26 августа).

Искренние, правдивые слова Батьки Кондрата доходили до ума и сердца всех кубанцев, которые приобрели немалый политический опыт в борьбе с провокаторами и лакеями российского олигархата. Их глаза стали зорко видеть, уши — хорошо слышать, а внутреннее чутьё подсказывало отдать

свои «голоса» за подлинно народную команду своего, подлинно народного избранника. В декабре 1996 года Н.И. Кондратенко триумфально победил на выборах главы администрации Краснодарского края: его поддержали 86% «голосов». За него голосовали и «красные», и «белые», казаки и горожане, русские и представители всех национальностей края. С января 1997 года по январь 2001 года Н.И. Кондратенко был губернатором края. Затем стал представителем Краснодарского края в Совете Федерации РФ.

И на высоком губернаторском посту, и на посту члена Совета Федерации РФ Н.И. Кондратенко неустанно повторял: Россия должна держать чёткий суверенный, национальный курс, менять законы, которые приняты в интересах международного капитала, выводить бизнес из иностранной юрисдикции, из офшоров, обратно в Россию. «Сейчас в стране нет национального крупного частного бизнеса вообще, он весь зарегистрирован за рубежом. Необходимо нейтрализовать влияние зарубежных оккупантов на аппарат чиновников и делать из него аппарат национально-ориентированный. Надо лишить поддержки из-за рубежа либеральных прозападных политиков, СМИ, фонды и русофобские организации. Пора очистить властные структуры страны от проамериканских агентов влияния! Пора призвать к порядку лживые проамериканские русоненавистнические СМИ!»

Народный губернатор руководил Кубанью в период, когда к экономическому кризису, коррупции и ряду стихийных бедствий добавилась демографическая экспансия. Кроме того, край оказался прифронтовой пограничной зоной: кровавая Чечня и другие «горячие точки» бушевали буквально рядом. Однако Батяка Кондрат сумел во многом выправить положение и тем самым выбить почву из-под ног у его ярых ненавистников в высшем эшелоне власти, видевших его политический закат.

Никто не сомневался, что при выборах губернатора в декабре 2000 года он будет вновь триумфально переизбран. Но в сентябре Н.И. Кондратенко неожиданно объявил об отказе баллотироваться на второй срок. По всему краю прошли бурные митинги, участники которых просили своего лидера выдвинуть свою кандидатуру снова, но он твёрдо отказался и предложил выдвинуть на пост губернатора пятерых кандидатов, одним из них был депутат Государственной Думы А.Н. Ткачёв, который и стал преемником Батяки Кондрата.

Можно только гадать, почему Н.И. Кондратенко, находясь в зените своей политической популярности и общественного доверия земляков-кубанцев, вдруг оставил свой губер-

наторский пост. Есть разные версии, в том числе и та, что здоровье его пошатнулось и уже не могло выдержать перманентно жестокие удары вышестоящих властных бонз. «Мои годы уходят. Пришло время дорогу дать молодым и способным руководителям! Речь идёт не обо мне — речь о судьбе дорогих моему сердцу земляках-кубанцах», — заявил Николай Игнатович. Лидер Кубани прекрасно понимал: в условиях непрекращающейся агрессии «реформаторов» ему будут мстить, подставлять ногу даже по мелочам, лишать нуждающийся родной край федеральной помощи, а кубанские труженики не должны страдать по вине мелкотравчатых политиканов... Вовремя уйти — это, как известно, признак очень высокого, благородного интеллекта и духа. Ясно одно: решение Батьки Кондрата было не спонтанным, а глубоко продуманным и правильным.

Продолжая эту тему, не следует забывать, что неуёмным врагам Батьки Кондрата было за что цепляться: во время т.н. «августовского путча» 1991 года он был одним из немногих региональных руководителей, открыто поддержавших действия ГКЧП. После поражения сторонников наведения порядка в стране Н. Кондратенко был указом Ельцина смещён со своего поста. В отношении него было возбуждено уголовное дело — «за измену Родине», но после провала процесса по «делу ГКЧП» было прекращено и «дело» в отношении Кондратенко.

Как драматическое завещание землякам-кубанцам и всем соотечественникам звучат слова Батьки Кондрата во время одной из последних встреч с кубанскими казаками: «Нам надо преодолеть нашу неспособность к единению и ради спасения Отечества собрать в один кулак все наши силы, отбрасывая второстепенные разногласия, противоречия и дразги. Мы должны возродить вытравленное из нас исконное стремление русских к соборности, возродить лучшие традиции казачества и сплотить его под единым знаменем наших предков».

Читая и слушая яркие, преисполненные высоким эмоциональным накалом выступления Н. И. Кондратенко, я не раз отмечал их необычайную публицистическую окрылённость, стилистическую простоту, доходчивость и логическую убедительность. В своих статьях, речах, интервью он одним из первых в России чётко и ясно разъяснял людям: с 60-х годов прошлого века нам лгали, что экономика Запада эффективнее, и поэтому Запад живёт лучше. На собственном горьком опыте, потеряв огромную и богатую страну, скатившись в «дикий капитализм», мы поняли: Запад живёт хорошо, когда есть кого грабить, а грабит он те страны и народы, которые

слабее его, находятся в прямой от него зависимости. Нынче на кону стоит Россия с её пока ещё немалыми ресурсными богатствами.

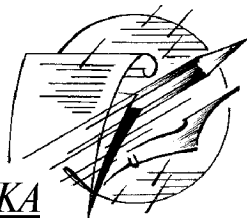
В патриотической печати приходится читать о Кондратенко как о высокоодарённом хозяйственнике-практике, умелом организаторе. Но вместе с тем в этих определениях звучит всё же какая-то недооценка Кондратенко-мыслителя, замыкающая его интеллектуальный уровень кругом обязательств руководимого им региона. Между тем он мыслил глобальными категориями и не раз демонстрировал глубокое понимание вопросов международной политики, причём его размышления звучат так свежо и актуально, будто речь идёт о наших днях.

«Вдумайтесь, соотечественники, — обращался Н. Кондратенко к гражданам Кубани в своей статье «Выстоим только вместе!», — только в промежутке между последними переписями населения (1989—2002 гг.) в России исчезло с лица земли 20 тысяч населённых пунктов, ещё одна треть этого числа исчезнет в ближайшие 2-3 года. «Реформы» выкосили поднимавшийся над городами лес строительных кранов. Уникальный станочный парк всемирно известных кубанских заводов вывезен за кордон по цене металлической стружки. (...) Обрушившаяся на Россию пропагандистская машина, управляемая мировой закулисой, многократно превзошла по наглости вранья самые изошрённые акции геббельсовского пиара. Посмотришь телевизор, послушаешь радио или полистаешь «демократическую» прессу — и оторопь берёт: оказывается, ту войну развязали не гитлеровцы, а наши отцы, и причиной её были не амбиции подмявшего Европу бесноватого фюрера на мировое господство, не территориальный захват и уничтожение народов Советского Союза, прежде всего — русского, а соперничество советских и германских социал-националистов. И не обиженный богом юродивый или сбежавшая из дурдома диссидентка-демократка, но член правительства России, лицо официальное, выскакивая из штанов, пыжится доказать всему миру, что русский фашизм страшнее и опаснее немецкого! Мог ли додуматься до такого Геббельс?.. Подобная «культурно-просветительская деятельность» нынешних российских министров (в правительстве Ельцина. — **В.Ю.**) вызывает гнев и отвращение. Как бы ни изошрялись в своей виртуальной телевизионной реальности эти так называемые «государственные» деятели, им никогда не одолеть правду. Рано или поздно она восторжествует».

ВАРШАВА БОИТСЯ ОПОЗДАТЬ

Подтверждаются предположения о том, что слух, пущенный спикером польского сейма Р.Сикорским, который обвинил Москву в том, что та якобы предлагала Варшаве провозвести раздел Украины, был придуман самими поляками с вполне определённой целью — прошупать реакцию в мире на случай распада Украины. Парламентская оппозиция по следам скандала потребовала отставки спикера, но польский парламент уверенно проголосовал против (из 434 присутствовавших депутатов предложение об отставке поддержали только 146 человек).

Сикорский, увидев, что поспешил и планам Варшавы это может повредить, изменил тактику... Выступая 20 ноября в Гарвардском университете, он принялся рассказывать своим американским слушателям, насколько Польша — «благодаря твердой политике реформ и вступлению в атлантические структуры» — отличается от Украины. Речь была построена так, что вывод напрашивался сам собой, а именно: Польша и только она может повести за собой Украину — целиком или по

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

частям — в нужном Западу направлении. Главное препятствие этому — Москва. Поэтому, говорил Сикорский, «военный союз Запада должен вернуться к своей изначальной миссии — устрашению России».

С новой порцией унижительных для Украины заявлений в унисон с Радославом Сикорским выступил министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына. В интервью *Gazeta Wyborcza* он сравнил отношения Польши и Украины с отношениями западноевропейских стран с их бывшими колониями в Африке. Поводом послужила встреча в Милане в условном формате «Нормандия» (Германия — Франция — Россия — Украина), во время которой были достигнуты договоренности по возобновлению газовых поставок. На эту встречу, несмотря на требования Вашингтона и Варшавы, США и Польша приглашены не были. Реагируя на итоги встречи, Схетына заявил: «Любой серьезный разговор о будущем Украины с получением серьезных результатов, как, например, по прекращению конфликта, должен происходить с нашим присутствием. Обсуждать Украину без Польши, это всё равно что решать вопросы Ливии, Алжира, Туниса, Марокко без участия французов, итальянцев, испанцев». Вот кем, оказывается, по отношению к бывшим «хлопам» видят себя гордые польские паны — «цивилизованными колонизаторами». Заявление Схетыны всецело укладывается в план раздела Украины, над которым, судя по всему, в Варшаве задумались всерьёз, нацеливаясь на отрыв от Украины её западных земель.

Советник президента Польши Бронислава Коморовского по международным вопросам профессор Роман Кузьняр также выразил недовольство тем, что Польша перестала участвовать в переговорах по урегулированию ситуации на Украине: «Если Киев позволил себе внушить, что без Польши будет проще, — это ошибка. Если Берлин и Москва подсказали Киеву, что к соглашению можно прийти быстрее без Польши, то Порошенко либо отличился наивностью, либо не имел выбора и ему пришлось на эти тонкие намеки согласиться».

В польских политических кругах могут спорить между собой о чём угодно, но по вопросу особых интересов Польши на Украине у них разногласий нет, идет лишь состязание — кто круче. Бывший премьер Польши Ярослав Качиньский, например, всё время упрекает правительство в том, что из-за нерешительности и колебаний в украинском вопросе поляки потеряли репутацию лидеров «антироссийского крестового похода». По его мнению, Польша слишком быстро от-

казывается от этой роли, которая повышала её удельный вес в Европе. «На данном этапе вопросы судьбы Украины решаются без нас, хотя после России мы являемся самым большим соседом Украины. И мы должны принимать в этом участие. Это вопрос нашей значимости, нашим значимым активом является Восток, но, конечно же, не Россия, потому что отношения с ней таковы, какие нам предписала история, и так просто нам это не изменить. И от этого актива мы отказались, проиграв всё с позором».

Больше всего в Польше беспокоятся о том, что к компромиссу в отношении статуса Украины придут Россия и Германия. Польские эксперты высказывают мнение, что такой компромисс, возможно, был найден во время челночного визита министра иностранных дел Германии Штайнмайера 17—18 ноября сначала в Киев, а затем в Москву.

Признаки этого они усматривают в том, что уже 19 ноября в Берлине в рамках польско-немецкого форума министр иностранных дел Штайнмайер на встрече с главой МИД Польши Г.Схетыной неоднократно подчеркивал необходимость ведения диалога с Москвой, поскольку «безопасность в Европе возможна только с Россией, а не против нее». На следующий день в польском местечке Кшижова канцлер Меркель убеждала премьер-министра Эву Копач: «...без участия России невозможно обеспечить безопасность Европы ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе». По мнению поляков, эти высказывания немецких политиков следует воспринимать как приглашение к поддержке соглашения между Москвой и Берлином насчёт Киева. Им представляется, что такое неписаное соглашение касается не только Украины, но и всей Центральной и Восточной Европы, которая теперь «будет открыта для влияния Москвы и останется в серой зоне безопасности». Геополитический смысл договоренностей состоит якобы в возвращении к статус-кво в Европе, существовавшему до майдана, а в геоэкономическом плане речь идёт о «подчинении стран региона немецко-российскому энергетическому союзу».

Обиды Варшавы по поводу того, что ее оттесняют от украинского пирога, усугубляются претензиями поляков на особые заслуги в победе украинской «национальной революции». Подготовленные в Польше украинские студенты (подготовка велась, как правило, на американские гранты) были не только одной из ударных сил майдана, но и входили в его среднее командное звено. Многие из них, как свидетельствуют польские источники, проходили потом дополнительную подготовку в специальных лагерях и на всевозможных семи-

нарах. Польским руководителям ещё во времена Ющенко хотелось выглядеть на Западе ведущими представителями интересов «оранжевой революции». Такую же роль им хотелось бы играть и в отношении майдана, но теперь им кажется, что их кто-то оттесняет.

Конечно, государства, соседствующие со страной, которая переживает глубокий кризис, не могут не опасаться за свою безопасность. Наиболее протяжённые общие границы с Украиной имеют Россия и Польша. Наверное, было бы действительно естественным, если бы именно они вместе с Киевом разделили ответственность за нормализацию дел на Украине. Однако ослепленная переросшим в абсурд мифом российской угрозы и реваншистскими притязаниями на украинские земли, видными из высказываний Сикорского, Схетыны и других, Варшава сама себя вытеснила на обочину процессов, происходящих вокруг Украины.

Порою в Польше все же звучат трезвые голоса. Кто-то понимает, что обходить стороной интересы Российской Федерации в регионе полякам не на пользу. Так, польское издание *Obserwator Polityczny* признает: «Мы вообще не приняли во внимание тот факт, что у Украины есть свои обязательства и тесно связанные с Россией интересы. Более того, украинцы и россияне — это один народ, и для большинства из них это вовсе не подлежит обсуждению. Ведь мы только теряем на этой системе взаимоотношений, где, поддерживая новых правителей в Киеве — старых «хороших» олигархов, Запад только наносит Украине вред. Однако эта правда, впрочем, как и любая другая правда, будет видна только по прошествии некоторого времени, но ее уже замечают и сами украинцы, которые не раз освистывали своих предводителей за последние дни! Должны ли мы были заплатить своими отношениями с Российской Федерацией за право Украины на круговорот олигархов во власти? Что такого плохого сделали нам русские и что такого хорошего нам сделали украинцы, что одних нам приказали ненавидеть, а вторым по крайней мере сочувствовать»? К сожалению, такие трезвые суждения в Польше скорее, исключение, чем правило.

Москва же в своём отношении к Варшаве свободна от всякой зашоренности и готова к полноценному сотрудничеству. Так, «Газпром» вновь поднял вопрос о строительстве газопровода «Ямал—Европа-2» через Польшу. 21 ноября Владимир Майоров, директор «Трансгаза», белорусской «дочки» «Газпрома», заявил, что существующая инфраструктура Ямальского газопровода находится на пределе своих мощностей (в 2013 году по нему прошло 34,7 миллиарда кубомет-

ров), а компания планирует строительство второй ветки трубопровода, что позволит ей снизить транзитную зависимость от Украины. Выгоды для Польши от этого проекта очевидны. Есть все основания рассчитывать здесь и на поддержку Берлина. Однако определенный пессимизм внушает то, что новый председатель Европейского совета, в прошлом премьер-министр Польши Дональд Туск заявляет о намерении следовать концепции Энергетического союза с установкой на обеспечение независимости ЕС от поставок российского газа.

Помнится, когда строился «Северный поток», поляки постоянно говорили о его «политической мотивированности» и предлагали вместо этого вернуться к идее более рентабельного газопровода «Ямал-2». Теперь у них есть возможность доказать, что они исходят из прагматики экономического развития, а не из посторонних политических расчетов. Только практические, выгодные всем дела, а не поощрение иррациональной неприязни способны обеспечить безопасность и спокойствие Центральной и Восточной Европы.

ПАМЯТЬ-ПУПОВИНА

РАССКАЗ

Воскресный день начался в суматохе и долгих сборах.
— Ты готова? — громко поинтересовался из кухни Сергей у Дины, появившейся в прихожей.

— Угу... — отозвалась та.

Весна была запоздалой, промозглой: апрельское ненастье угнетало, и раздражали бесконечные дожди... Одно радовало, что машин на столичных улицах мало.

...Быстро миновав Центр, они неслись по Ярославке, и чем дальше оставалась Москва, тем свободнее становилось шоссе, растворившееся в мокрой дали. Вдоль скучной и длинной дороги проносились голые деревья, до дрожи исполосованные порывистыми ветрами.

Дорога совсем обезлюдела, и их «жигулёнок» одиноко катил по Ярославке всё дальше вперёд, где ничего не менялось ни в картинке, ни в настроении. Дождь, плотно затуманив влажной пылью мир, лил и лил, и без усталости монотонно шёлкали, бегая туда-сюда, по широкому стеклу «дворники».

ПРОЗА

Продолжал одичало метаться за окнами ветер-сквозняк и, всколыхнув волглый туман, рванул вразлёт, и тут же сквозь дождевую хмарь увиделся у бровки дороги высокий, в длинной хламиде до пят, старик. Держа спину прямо, он стоял на отлёте и зорко смотрел в их сторону.

— Куда он прёт?! — обомлев, дико закричал Сергей, а жена судорожной рукой уцепилась за него.

Старик с широко раскинутыми руками внезапно бросился им навстречу и через миг плашмя упал на капот. Березин резко повернул руль, и стреноженное авто, взвизгнув колёсами по сырому асфальту, откатилось к обочине. Откатилось вместе со стариком, выбросившим клешнятые ладони поверх мокрого железа.

В Березине всё клокотало и бурлило. Мгновенная злоба подхлестывала: Сергей резко открыл дверцу, выскочил. Старика на капоте не было.

— Его нет... пропал... — дрожащим голосом подсказала Дина, появившаяся около мужа.

— Ну, дед... — Сергей был неприятно ошеломлён.

Заглянул под машину. Огляделся. Нет нигде и не видно. На обочине — голое место с чернеющей, размытой дождём, почвой. Не мог же тот за секунду скрыться в лесу, угрожающей стеной вытянувшейся вдоль трассы? Непостижимо...

Явление старика длилось доли секунды, но Березин отлично запомнил и костлявое, заострившееся лицо безумца, спутанные седые волосы, бороду и долгий-долгий взгляд: глаза в глаза, и большой крест на груди...

— Промокнешь... — Сергей торопливо открыл дверцу, чтобы усадить в машину беременную жену — но отвлёк нарастающий звук...

Тревожный свистящий звук надвигался стремительно, и вот из-под взгорья, куда проваливалось шоссе, появился летящий на предельной скорости тяжёлый «Мерседес». Следом, взвизгивая мокрой резиной, вылетел второй. Поднимая столбы водяной пыли, оба бешено пронеслись мимо.

Чёрные, грозно блестящие от воды, автомобили, приковавшие взгляд, оглушительно всколыхнули волглый воздух и помчались по пустому шоссе в сторону Москвы. Пропали за пеленой дождя так же, как и появились, мгновенно...

Когда окончательно осела влажная взвесь, пришло осознание того, что неслись оба «Мерседеса» по встречке... и, не стой их машина у обочины... Сергей и Дина, боясь и помыслить о том, что могло бы случиться, оцепенели... Длинный прогон проехали в напряжённом молчании, переживая мистический смысл случившейся странной встречи. Мираж?..

Однако, подбираясь с периферии потрясённого сознания, оголённая мысль о том, что явление старика с крестом на груди — реальность, была ясной и единственной верной.

Через узкое зеркальце зацепился взглядом за побледневшую Дину, и его, понявшего причину взволнованности жены, впервые забеременевшей только к тридцати годам, до озноба прошиб, перекатывая под онемевшим сердцем, страх за будущего ребёнка...

— Тебе плохо? — спросил Сергей, приглушая бег автомобиля.

— Нет-нет... Всё нормально!.. — прошептала жена. Добавила: — Кажется, дождь прекратился...

И точно: прекратился. По небу ходко плыли, подгоняемые быстрыми влажными ветрами, серо-жемчужные облака, а в вышине, где образовалась широкая синяя прорубь, появились птицы и, загребая плотный воздух крыльями, вольно носились по очистившемуся от мзги простору. Просветлело. Прояснились дали, где покоем дышали мокрые поля, и щетиновые перелески перемежались с осторожно зеленеющими взгорьями.

Сергей медленно подкатил к обочине. Остановил машину. Вышел наружу. Тщательно протёр стёкла от мокрой капли и грязных пятен. Неожиданно зацепился взглядом за указатель «На Загорск». Мимоходом отметил про себя, что городу успели вернуть старое название, а указатель всё ещё не меняли.

Сев за руль, Березин поймал себя на мысли, что непонятное чувство не просто встревожило, а настойчиво подталкивает к неожиданному действию, — и хотя конечная цель поездки была иной, он вырулил по указателю.

Дина, расслабившись до лёгкой дрёмы, не заметила, что «жигулёнок» свернул с прямой трассы, а когда панорамно увиделись монастырские стены и до слуха донёсся звон колокола, с недоумением посмотрела на мужа.

— Загорск... Сергиев Посад... — произнёс, наконец, Березин и остановил машину вблизи монастыря, в распахнутые ворота которого встречными потоками тянулись люди. — Я зайду... — негромко сказал Сергей, испытывая перед женой-татаркой некоторую растерянность. — Я скоро... Ты в машине посиди...

— Я с тобой... — живо отозвалась на то Дина.

В ворота входили под густое гудение колокола, а когда, пройдя под надвратной церковью, вышли, стояла уже тишина.

В Лавре Березин был только в детстве. Лет шести. С бабушкой Нюсей. Поездка из памяти с годами выпала, однако

сейчас он уверенно шагал вперёд, хотя совершенно не мог до конца понять, что могло так разбередить душу, рвавшуюся сквозь рёберную клеть.

Необъяснимым было и возникшее чувство непонятной потери: чего? кого? И только чей-то смутный образ становился более чётким и осязаемым. Образ возник из детства, когда бабушка Нюся, стоя у раки преподобного Сергия, наставительно говорила внуку:

— Запомни, Серёженька, что имя дадено тебе не просто так... В честь преподобного оно... И прадед твой это имя носил... Преподобного всю жизнь чтил, и ты, Серёженька, не забывай его...

И вот, приближаясь к Троицкому храму, Березин боялся сознаться себе, что лелеет дерзновенную надежду о том, что тем стариком сам преподобный и был...

Окунулись в полумрак древнего храма, где было тихо-тихо, лишь монотонно звучал речитатив монаха, стражем стоявшего в изголовье раки.

Березин встал в очередь, благоговейной вереницей текущей к мощам преподобного Сергия. Дина рядом. Осторожно поставил её впереди себя, и сам, не чуя ног, медленно двигался за женой. Вот она ступила на первую ступеньку... вот робко шагнула вдоль Царских врат... вот подошла к раке... И, следуя всему тому, за чем внимательно следила со стороны, Дина сделала поясной поклон и, прижав разлохмаченные волосы рукой, низко склонила простоволосую голову над ракой... Сергей видел, как, шагнув в сторону, жена неловко, но перекрестилась... И повторилось забытое чувство радостной тихости на душе, как в детстве. Упал на колени. Перекрестился. Поднявшись с колен, со смущением и трепетом приложился к мощам, и нечто тёплое и ласковое коснулось его сердца. Сергей, подняв голову, глаза в глаза столкнулся со светящимся ликом святого на большой иконе... — и, внимая внутреннему голосу: «Не он!..» — растерялся...

Направились к выходу. Невольно Березин задержался перед тёмной иконой Спасителя и припал сухими губами к тёплому стеклу: вдруг вся его жизнь пролетела перед мысленным взором живой картинкой — и взмолился тогда, зашептал просительно:

— Господи, помоги!.. И прости, Господи... прости...

Небо очистилось, и внешнее высокое солнце торжественно осветило золотые купола монастырских церквей.

Не проронив ни слова, Березины подошли к часовне на площади, где попили из святого источника, и направились в сторону ворот. Навстречу шёл высокий монах с большим

искрящимся солнечно крестом на груди. Он прошёл мимо, когда Сергей одёрнул его:

— Простите! Можно вас на минутку!

Слова выскочили произвольно, Сергей и сам растерялся, но монах, задержав шаг, оглянулся, вежливо откликнулся:

— Что угодно?

И тем «что угодно» лишил уверенности, однако, подавив робость, Сергей осмелился заговорить. Только описать то, что произошло с ними на дороге, никак не получалось. Говорил сбивчиво... путано... торопливо...

Всё это раздражало, а тут ещё и монах смотрел так невозмутимо, что, казалось, внимает рассказу Сергея вполуха.

— Кто-то сильно молится за вас... — сказал он, явно подводя итог.

— И кто же? — нервно выдал Березин, высказавшись перед тем, что, как думал, помощь пришла от самого преподающего: — Но это был не он!.. Я ошибся...

Монах тихо произнёс:

— Душа сама видит истину... подскажет... — Спросил: — Я могу идти?

— Да уж... идите... — недовольно буркнул Березин.

В машине Сергей язвительно передразнил монаха:

— Я могу идти?.. Вежливый какой...

Дина, не проронившая ни слова, тихо-тихо проговорила:

— Какой тёплый свет был от человека...

Сергей пристально посмотрел на жену и, промолчав, вынул со стоянки. Покидая городок, машина покатила вниз, под горку.

— Ты был тут уже, да? — спросила осторожно Дина, когда миновали последние дома на окраине.

— Один раз... мальчишкой... с бабушкой Нюсей... — охваченный странным чувством возбуждения, ответил не сразу.

— Это которая в Казахстане жила?

— Она... — Сергея удивила осведомлённость жены: потеплело на сердце. — Баба Нюся редко приезжала... В последний раз как раз тогда была... Мы с ней здесь несколько дней прожили... Это был большой деревянный дом... с высоким крыльцом... Забор помню... Калитку: я её открою-закрою... открою-закрою... а она скрип-скрип... Утром и вечером ходили на службы в монастырь... Мне нравилось... тихо... свечные огоньки светятся... хор звучит... а ещё был старенький-старенький монашек... После службы подходил к нам... гладил меня по голове... и просфоры мягкие давал... Я съем... он мне новую даёт... И всё улыбался и улыбался... — Березин не

заметил, как радостно погрузился в прошлое, которое, казалось, избыто памятью напрочь. — А потом...

...Они куда-то ехали. Дорога была ужасной. Маленький автобус бросало на ухабах из стороны в сторону. Наконец вышли из автобуса и долго-долго шли полем. Затем по сельской улице. Подошли к двухэтажному дому, нижний этаж которого белел кирпичной крашеной кладкой, а верхний был деревянным, с рядом окон, украшенных старыми наличниками.

В дом входили и выходили люди, а бабушка всё молчала. Серёжа стоял рядом, изучая всё, что видел вокруг.

Недалеко, на утопающей в грязи площади, стоял похожий на огромный куб дом с плоской крышей. В школу он ещё не ходил, но читать умел, — и вот прочитал «СЕЛЬМАГ».

— Это поповский дом? — спросила вдруг бабушка, задержав рукой проходившую мимо женщину.

— Откуда?! — отпрянув, возмутилась та. — И никогда не был!

И заспешила к крыльцу, у которого на скамейке сидела старуха. Она что-то спросила у женщины и, когда та скрылась в подъезде, тяжело поднялась и медленно подошла к ним.

— О чём спрашиваешь, а?

— Этот дом не поповский будет? — громко повторила бабушка.

— Ишь, чё вспомнила? — Старуха грузно навалилась на толстую клюку. — Э-ээ!.. так то, милая, когда было? Я девчонкой была... — и она вперилась в них подслеповатыми глазами. — И что за интерес такой?

— Просили посмотреть: цел ли? — ответила пунцово вспыхнувшая бабушка.

— Кто и помнить может? — Старуха не отступала.

— Девочка одна... которая жила тут... — тихо произнесла бабушка и резко потянула внука за ручку: — Пойдём, Серёженька...

— Девочка, говоришь?.. Все мы девочками были... — бросила старуха вслед, но никто на её слова не оглянулся, и тогда она визгливо крикнула: — Ну, чё увидела? Цел-целёшенек стоит — так своей девочке и скажи!

— Бабуль, пойдём в магазин... — Заканючив, внук потянул бабушку в сторону. — Вон стоит...

— Вижу, Серёженька... вижу... — отозвалась она и добавила скороговоркой: — Нельзя туда, Серёженька... Не магазин то... Это храм Божий... Пресвятой Троицы храм... — И бабушка заплакала, чем сильно напугала внука, цепко ухватившегося за её мелко-мелко дрожавшую руку.

Снова шли и шли. Вначале по длинной сельской улице. Потом, выйдя за околицу, через голое поле (весна ли это была? осень ли? — он не помнил) вышли на трассу, где утомительно долго стояли на остановке, над которой носилось скучное вороньё.

Они с трудом втиснулись в набитый плотно салон появившегося, наконец, пузатенького автобуса. Автобус дёрнулся и попыттел, громяхая и дребезжа, по ухабистой, в колдобинах и рытвинах дороге, а Серёжа, стиснутый со всех сторон, стал вдруг задыхаться, хватая открытым ртом спёртый воздух.

— Ребёнку плохо!.. Ребёнку плохо!.. — всполошились вокруг, и чьи-то крепкие руки с усилием пропихнули Серёжу к приоткрытому окну..

Тихим ясным вечером Березины возвращались в Москву. Дрожал и плавился в потемневшей небесной купели последний луч исчезающего за горизонтом пунцово-красного солнца. Угасал день. Столь странный день... День, как смутный сон, встревоживший сознание...

Удивительный случай тот не забылся, хотя со временем и приглож в деталях. Не раз и не два, вспоминая происшедшее апрельским днём, Сергей пытался постигнуть суть его. И если смысл врезавшейся в память диковинной встречи объяснению не поддавался, то пробудил в нём веру — ту давнюю-давнюю, детскую... Сергей стал заходить в церковь, где, испытывая тайное родство с незнакомыми людьми, в упорном молчании мог простоять когда минутку-две, когда и целый час...

Втихую стала бывать в церкви и Дина, и однажды удивила мужа тем, что высказала пожелание креститься. Их вскоре с годовалым Сергей Сергеевичем и окрестили торжественно. А лет через десять, благодаря сынишке, пришла отгадка тому странному случаю на дороге.

Ученикам в школе было дано задание: записать родословную и нарисовать генеалогическое древо.

Притягательность знания оказалась столь сильной, что и Сергей, и Дина увлеклись. И если жена свою татарскую родню сумела легко перечислить до четвёртого колена, то Сергей, с ходу назвав отца-мать и вспомнив московских дедушку-бабушку с их родителями, о родню с материнской стороны споткнулся: кроме бабы Нюси его память никого больше не подсказала.

Мать радостно встретила родных гостей, но рассказ начала только после того, как накормила и напоила их. Начала скомканно, издалека:

— Я ведь далеко не всё знаю... Это сейчас стали интересовать, кто каких родителей сын-дочь... А раньше интереса такого и не было. Про отца, что? Какие-то смутные намёки, что был да сплыл... Мы всегда, сколько помню, жили втроём: бабушка Поля, мама и я. Я мало что и знала... Всё скрытно... Однажды как-то мама попытается что-то рассказать, но я, честно признаюсь, особого интереса не проявила... — глубоко-глубоко вздохнула-выдохнула. — Ведь память — та же пуповина... Только, выходит, я её сама и оборвала... В последний приезд мама фотографии привезла. Тогда же открыла, как они в Казахстане оказались. Я всегда думала, что они по призыву приехали целину поднимать... Ну да... приехали... в ссылку только... Баба Поля задолго до войны в тюрьме сидела, а мама, девочкой, жила у каких-то людей в Загорске... То ли родственников, то ли хороших знакомых, — я не поняла. Может, и говорила что, только я мимо ушей пропустила... Сейчас, конечно, жалею, что не узнала подробно, а тогда... — глубокий вздох-выдох. — Тогда, как мегера, набросилась на неё, что внука в Загорск поволокла и что пробыла там с ним неделю целую... Я ж переживала — уехали и как сквозь землю провалились...

— А я хорошо помню ту поездку... — Слова сына мать меж тем пропустила.

— Когда бабу Полю в Казахстан сослали перед войной, мама успела уехать к ней, — продолжила мать. — Там и я родилась... А бабу Полю я, грешным делом, боялась... — Снова глубоко вздохнула. — Да-а... минувшее оживает — сердцу больно становится... Бояться стала не сразу, а взрослея... Знала, что все дети боялись её... пугали ею... а мне было стыдно, что это моя бабушка... Она была мытницей — мыла покойников... — Связывая прошлое с настоящим мать, повлажнев глазами, потемнела осунувшимся вмиг лицом. — Как ссылчную её куда на работу не брали, а за мытьё полов она сама не бралась... Так и провожала в последний путь, пока в силах была... Она и Псалтырь читала...

— А почему в ссылке оказалась? — перебил рассказчицу сын.

— Так я ж сказала, что в ссылку её после тюрьмы сослали... — негромко ответила мать.

— А в тюрьму за что? Она не из репрессированных была? — Дина вопросом опередила мужа.

— В тюрьму?.. — рассеянно повторила мать. Выдохнула: — В тюрьму её... как попадьё... забрали...

— Прадед что, священником был? — пытаясь то ли угадать, то ли осознать глубинные коды своего бессмертия, осторожно спросил Березин.

— Был... священником... да... — тихим-тихим голосом произнесла мать.

Она извлекла на свет Божий потускневшую от времени плоскую жестяную коробку, плотно перетянутую бельевой резинкой. Открыла и веером выложила на стол с десяток старинных фотографий на толстом картоне. Взяла одну из них. Окинула долгим взглядом. Протянула сыну:

— Это она и есть... баба Поля... Полина Алексеевна... Гимназисткой тут..

Березин несмело принял фото из дрогнувшей руки матери. С фото на него необычайно весёлыми глазами смотрела юная девушка с ямочками на пухлых щёчках и длинной косой, перекинутой через плечо на грудь. Не произнеся ни слова, Сергей бережно передал старый снимок жене, а мать подала следующее фото:

— Это они с дедом... Молоденькие... только-только поженились...

Всё с теми же весёлыми ямочками на щеках Полина смотрела прямо и уверенно. Сидела в изящном креслице, а рядом стоял муж в длинном сюртуке. Он был, под стать жене, высок и красив. Лица их искренне светились счастьем и радостью, и оба широко и приветливо улыбались Сергею...

Меж тем маленький Серёжа, молча наблюдавший за взрослыми, не выдержал, и сам взял со стола одну из фотографий. Подняв для всеобщего обзора, заинтересованно спросил:

— А это кто?

Обомлев, сердце Березина учащённо забилося: пристальным прямым взором, глаза в глаза — с фото на него смотрел строгий священник, удивительно похожий...

— Серёжа... это он! — осторожно обмирающим голосом выдавила Дина.

Позднее Березины узнают, что протоиерей Сергей, настоятель Троицкого храма в селе, за долгие годы лихолетья окончательно потерявшем прежнее название, был расстрелян...

РУССКИЙ КРЕСТ

РАССКАЗ

Когда Витёк проснулся, то обнаружил себя на верхней полке неведомого вагона какого-то непонятного поезда, и мчался этот поезд в дальние края. Вчера Витёк был на свадьбе у приятеля, и пили на этой свадьбе очень вкусный деревенский самогон, настоянный на зверобое, а до этого ещё пили шампанское за здоровье молодых, а перед свадьбой Витёк ещё принял пару пива. И вот — пиво, зверобой и шампанское объединились в голове у Витька и стали дружно нащёптывать ему: «А невеста у Семёна красивая... А могла бы быть твоя...» Витёк согласился с этими доводами и полез целовать чужую невесту, за что получил по шее, обиделся, разбил непочатую бутылку водки и был послан за дверь куда подальше.

— Ну и хрен с вашей свадьбой, — орал Витёк, — вот возьму сейчас и уеду к чертям собачьим. Прощай, Расея, прощай, родина!

По пьяному делу он действительно подался на вокзал, но на вокзале буфет был закрыт, и если бы не добрые маленькие люди с быстрой непонятной речью, которые угостили Витька тёмным коньячком, то было бы совсем плохо.

ПРОЗА

Ну, однако, пора было вставать. Витёк сел на полке, потянулся до хруста в костях и хотел было уже спрыгнуть на пол, как вдруг увидел лезвие широкого ножа, упирающееся ему в живот. Нож держал черноволосый немолодой человек, широкоплечий и с золотыми зубами. Он сильно толкнул другой рукой Витька в грудь, что-то быстро и зло пробормотал на непонятном языке, а потом раздельно и чётко сказал по-русски: «Сыды. Туалэт захоцэс — вэдро дам».

— Да на что мне твое ведро, дядя? — возмутился Витёк. — Ты что это в меня финкой тычешь, морда нерусская, а ну, дай пройти!

Но в этот миг лезвие ножа упёрлось ему в самый кадык, и в глазах у Витька потемнело.

— Спасыбо сказы, сто маладой, — зло прошипел дядя, — большых дэнэг стоис, всо атработаэс.

— Да ты кто такой, чтоб я на тебя работал, — хрипел Витёк, — ну пусти, дядя, ну пусти, Христа ради!

— Эсли б твой Христос заплатыл бы мне за тэбя, атпустыл бы, — усмехнулся чёрный, — а так — Кавказ заплатит..

Целые сутки ещё вертелся, крутился Витёк на верхней полке, как воробей, посаженный в бутылку. На второй день за окнами поплыли белые каменистые откосы Кавказа, солнце заглядывало в глаза утомлённого поезда сильно и горячо, как в глаза любимого человека. На вокзале в Грозном шатающегося от бессонницы Витька вывели из поезда, втолкнули в какой-то разбитый «рафик» и быстро повезли неведомо куда. Привезли на небольшую площадь какого-то пыльного захолустного городка, лежащего в ложбине между двумя отрогами невысоких гор, и здесь вывели из машины и посадили на землю, прямо на горячую от солнца каменистую почву, толкнули в пыль, заставляя сесть на корточки. Витёк уже ничего не понимал, у него мутилось в голове от усталости, голода, жажды... От жары, от этой дьявольской южной жары, когда солнце, словно паровой молот, бьёт и бьёт по несчастной голове.

Постепенно площадь заполнялась народом. Только между людьми, находящимися на площади, была большая разница. Те, кто сидел в центре площади на солнцепёке, — были живым товаром. Те же, кто прохаживался между ними, — хозяевами.

Несколько раз к Витьку подходили покупатели, осматривали его, щупали, как скотину, цокали языками, говорили с продавцом о чём-то клекочущими гортанными голосами, смеялись каким-то странным дребезжащим смехом и отходили в сторону.

День уже близился к вечеру, длинные тени потянулись по площади от близлежащих невысоких строений за высоченными сплошными заборами, а Витька всё ещё никто не купил, и хозяйва отвели его куда-то на окраину этого городка и спустили там в подвал, как в клетку посадили, потому что подвал был тесен и низок — меньше человеческого роста. Стоять там было нельзя, а можно было сидеть на каких-то нарах или просто досках вдоль стен. Сидело в подвале этом помимо Витьки ещё несколько человек. Охранники бросили им на всю честную компанию несколько лепёшек пресного хлеба, несколько штук вяленой рыбы, твёрдой, как доска, и спустили канистру воды.

Тут Витёк начал присматриваться к своим сокамерникам. Здесь сидели два пожилых русских человека, усталых, измученных, сидел ещё один парень, который казался безумным, и сидела нестарая ещё женщина, очень худая, со светлыми пшеничными волосами и бледным, как известняк, лицом. Пожилой разделил всю полученную еду поровну между заключёнными, а себе ничего не взял и лишь только выпил глоток воды из канистры.

— А чего это он не ест ничего, — спросил Витёк у молчаливой женщины с русыми волосами.

— Не хочет, ему уже не нужно, — просто сказала она и добавила как о чём-то обыденном: — Его сегодня убьют.

— Как убьют?! — взвился Витёк. — Вот так просто убьют, и привет?

Женщина улыбнулась слабо:

— А убивают всегда просто, особенно нас.

— Это почему же нас?

— А мы русские...

Когда на улице была уже ночь, наверху послышались неторопливые шаги, звякнуло железо, откинулась крышка верхнего лаза.

— Эй, выходы, старый... — крикнули сверху, и на пол подвала опустилась деревянная лестница.

Пожилой мужчина старался выглядеть спокойным, но мелко дрожал всем телом, и дрожь эту не скрывали его лохмотья. Он поднялся, сутулясь под низким потолком, и истоиво перекрестился широким православным крестом.

— Прими, прими, Господи, душу мою, — выдохнул он страшно и полез, шатаясь, наверх.

И тут Витёк не утерпел. Он кинулся к лестнице и закричал неистово:

— Эй, вы там, сволочи неумытые, не смей русских людей убивать!

Наверху затихли, а после послышался ровный гортанный голос:

— Эй, кто там орёт? Полежай сюда...

Витёк закусил губу, но вылез не мешкая. Наверху в тесной комнате со стенами, сложенными из дикого камня, стояли четверо смуглых людей в бекешах с вывороченной наружу овчиной. Один из них — низкорослый крепыш — был в каком-то полувоенном картузе, в руках он держал револьвер и изредка вертел в пальцах барабан.

— Это кто тут русский? — почти совершенно без акцента спросил он, спокойно улыбаясь.

— Я...

— Хорошо, пойдём с нами.

Скоро они миновали границу посёлка и вышли на горную дорогу к небольшой теснине над быстрой и шумной порожистой речкой. Была уже глубокая ночь, но светила такая яркая южная луна, что в этом мертвенном свете всё было видно не хуже, чем днём. Витёк вдруг невольно подумал, что где-то видел уже эту картину, да вот только где?.. Они подошли к какому-то дереву, и тут пленный с ужасом понял, что это не дерево, а... крест. Это был огромный крест, сбитый из двух корявых перекладин, и на кресте этом был распят человек. Кто-то из сопровождавших Витьку осветил лицо распятого человека, и несчастный невольник вдруг с ужасом узнал в распятом того старика из подвала, которого увели раньше. Он был ещё жив, но страшная поза враскорячку не давала ему дышать от лютой невыносимой боли. Впрочем, кричать ему уже было невмочь — сил не было. Он умирал, умирал тяжело, в мучениях.

— Вот русский человек, — спокойно заметил низкорослый бандит, указывая на крест. — Он не хотел работать, и он умирает в муках. Если ты хочешь остаться живым, — тут он повернулся к Витьку, — ты должен быть покорным и старательно отрабатывать каждую крошку хлеба, которую тебе, по милости Аллаха, дадут твои хозяева. Если же ты не будешь стараться, — он указал пальцем на распятого, — тебя ждёт крест.

На следующий день Витьку продали богатому хозяину из какого-то предгорного аула. Там у хозяина его поместили в земляную яму, которую сверху ещё закрывали решёткой. Поднимали его с петухами и отводили работать на маленький местный кирпичный заводик. Там он без усталости формовал кирпич, толкал вагонетку с готовыми изделиями, месил раствор для цементных блоков. Ему давали самую тяжёлую и грязную работу. Рядом стояло дорогое импортное оборудова-

ние, но туда его не допускали. На том оборудовании работали другие молчаливые люди — в новых синих комбинезонах, по виду русские. Витёк пытался не раз заговорить с ними, но смуглолицый охранник с коротким автоматом всякий раз резко обрывал его попытки. Да и сами эти работники старались не замечать его. Чувствовалось, что зарабатывают они немалые деньги, но всё равно ведут себя скованно, пугливо оглядываясь на всякого горца с автоматом или пистолетом, которые иногда лениво забредали на завод. Вообще, отличить хозяев от пришлых людей здесь было легко. Хозяева все были с оружием, а пришлые — безоружные, а потому бесправные и не люди вообще, а только работники или рабы.

Работал Витёк без выходных, света белого не видел. Есть ему давали тут же на рабочем месте, да и что это была за еда — плохо выпеченные лепёшки да какие-нибудь гнилые овощи. Охранники жарили для себя шашлык, ели фрукты, но вина не пили — Аллах не велел пить одурманивающего зелья, дурман должны глотать неверные, чтобы быстрее околоть и очистить эту прекрасную землю для истинных её сынов — гордых жителей гор.

Пришла промозглая кавказская зима, когда снег если и выпадал, то тут же таял, оставляя после себя непролазную слякоть на глинистых дорогах предгорий. Вот тогда-то и блеснул для несчастного русского пленника первый луч надежды на перемены к лучшему. Низко над аулом и над кирпичным заводиком прошли в небе два казавшихся чёрными на фоне голубого дня самолёта-истребителя. Сами горы, покрытые голубой дымкой, казалось, вздрогнули и угрюмо осели, а жители предгорного селения забежали по узким его улочкам, перекликаясь беспокойно между собой на гортанном своём клекочущем языке. Заводик ещё работал некоторое время, но сторожа вскоре исчезли — ушли воевать с неверными, как объявил Витьку его хозяин, и потому невольников стали охранять старики и пацаны с непомерно для них тяжёлыми автоматами в руках. Потом, как-то ночью, сидя в своей осклизлой вонючей яме, услышал Витёк несколько тяжёлых гулких взрывов со стороны заводика и знакомый шум авиационных двигателей. Утром его не погнали на работу, а выдали сапоги грубой кожи, бекешу на меху, русскую шапку-треух. Хозяин со снисходительной улыбкой объявил ему: «Ты хорошо работал, русский, потому тебе дарована высокая милость — помогать защищать наше священное государство от нападения неверных гяуров. Ты пойдёшь рыть окопы под Аргун. Если будешь хорошо работать и на фронте, то, приняв обрезание, сможешь стать мусульманином и даже воином

Аллаха. Пролив же свою кровь за Аллаха, ты попадёшь в рай и, познав неизмеримое блаженство там, в садах пророка, обретёшь, наконец, истинную свободу!»

И погнали Витька на войну. К концу зимы русские войска после тяжёлых потерь взяли город Грозный, и фронт переместился на реку Аргун, за которой лежал второй по значению для Чечни город Гудермес. Удерживать аргунский фронт горцы решили во что бы то ни стало, и потому вдоль течения реки непрерывно днём и ночью сооружались земляные укрепления, рылись бесконечные километры противотанковых рвов и окопы полного профиля. Несчастные русские пленники выбивались из сил на земляных работах, некоторые пытались бежать, но это дело было совершенно безнадежное — вдоль всей линии фронта тянулись минные поля, а попав на минное поле, человек далеко не уходил — от него оставалась только неглубокая рытвина да ворох обгорелых тряпок. Ещё хуже приходилось тем русским, кого горцы ловили. Витёк видел, что делалось с ними, но не рассказывал потом никому...

И всё же он решил бежать. Бежать! В условиях фронта, под русскими бомбами и снарядами проходила у замордованного пленника проклятая, сковывающая душу и тело апатия, проходило безразличие к своей судьбе. Витёк научился молиться про себя. Вспомнил деревенское своё детство, вспомнил бабу-старушку. Весь угол в избе у бабки был заставлен иконами. Среди икон особо выделялась древняя владимирская икона Георгия Победоносца на коне. Вот Георгий скачет с равнины на гору, заносит свою острую пику и поражает ею мерзкого зелёного, похожего на лягушку, дракона, высывающегося из пещеры. Смотрит на всё это Господь Бог Саваоф с облака, смотрит Божья Матерь, а прекрасная царевна держит в руке алый цветок. Икона вся залита золотом, словно лунным ночным светом.

И тут Витёк вспомнил! Да ведь видел он это всё! Видел тогда ночью, когда распинали на кресте русского человека эти драконы. Так же всё золотым светом было залито, так же чернели тени от гор, как на иконе, только там была гибель, а не победа... Ну да не вечно же так будет!

В тот день пленник работал на самом переднем крае, натягивая колючие мотки спиралей перед укреплениями, перекрывающими подходы к мосту через Аргун. До него было рукой подать. За мостом стояли русские бронемашины и танки, закрытые мешками с песком. Перед мостом были положены мины. Ну да уж чему быть!..

Витёк рванулся вперёд, раздирая одежду на непроходимой колючей проволоке. Не слыша гортанных криков чеченцев

за своей спиной, пронзительных пулемётных очередей, он добежал до израненного снарядами железнодорожного моста, споткнулся на разбитых рельсах, разбил в кровь лицо и руки, и снова вскочил и побежал дальше по мосту. Добежав до середины, он понял, что по нему стреляют не только сзади, но и спереди, стреляют свои, не понимая, кто это такой мчится на них, подозревая в нём мусульманского фанатика-самоубийцу, решившего унести в рай вместе со своей праведной душой несколько душ неверных. Стрельба шла отовсюду. Огненные росчерки пуль неистовствовали вокруг беглеца. Чудо, что он ещё был жив!

«Чудо! — лихорадочно соображал Витёк, — чудо... Крест, крест нужен! Там русские, свои, поймут!»

Он остановился на середине моста и поднял дрожащую руку к голове.

— Во имя Отца! И Сына! — Рука опустилась на живот. — И Духа Святого! — Пальцы, сжатые троеперстно, легли на правое плечо. — Аминь! — Ладонь его коснулась левого плеча. И снова: — Во имя Отца и Сына и Духа Святого...

Стрельба с русской стороны прекратилась.

— Эй, — послышалось оттуда, — паря, беги сюда! Да беги ты, хрен моржовый!

И он побежал. Он уже не думал о пулях, всё ещё летевших вслед ему из-за Аргуна, он уже знал, что спасён. Спасён!

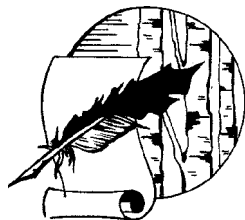
На русской стороне его обнимали братцы-десантники — молоденькие пацаны по девятнадцать-двадцать лет, но уже обстрелянные всеми пулями, обкуренные всеми дымами войны. Совали ему водку, табак, хлеб, консервы. Но он ничего не мог ни есть, ни пить. Он задыхался от счастья, плакал. А когда спросили его имя, он только ответил:

— Витёк!

— Да какой же ты Витёк, батя, — смутились молоденькие солдаты. — Ты же вон старый, в морщинах весь, седой... Отчество-то у тебя есть?

— Ви-та-лий, — запинаясь, ответил беглец. — Виталий Павлович я... Русский я, б-р-атцы, русский! Вот те крест!

И он снова истово, по-равославному, перекрестился от плеча к плечу.

Евгений АРТАМОНОВ

ЛЮБОВЬ НЕИЗЪЯСНИМА

* * *

Вот закат отрумянился, тает,
Колокольный доносится звон.
Средь берез твое платье мелькает,
Я в тебя и в березы влюблен.

Пусть меня завтра поезд уносит:
Ненадолго, родная, прощай.
Я вернусь — будет поздняя осень,
Только ты меня ждать обещаешь.

Дней промчится не так уж и много,
И разлука закончит свой счет,
И железная наша дорога
В близкий город меня приведет.

Я пройду к той знакомой калитке,
В милых окнах затеплится свет,
Как та «девушка в белой накидке»,
Ты не скажешь мне ласково: «Нет».

«Я твоя, — ты прошепчешь влюблённо —
Чуть откинута пряди со лба, —
Здесь все наши вокзалы-перроны,
Здесь наш поезд с названьем — Судьба.

* * *

Любовь молчит, когда лютует зло,
Но легче с ней уйти в миры другие.
Туда, где солнце вечное взошло,
Туда, где встретим лица дорогие.

Любовь неизъяснима, но она
Нам шелестит осеннею листвою:
«Вдохни меня, я каждому дана,
Бесценна я. И ничего не стою».

* * *

Посмотрите — я богатый.
И счастливей нет меня.
Воздух винным ароматом,
Напитал просторы дня.

Я весною взят за плечи,
Ощушаю благодать.
Быть какие могут речи,
Коль жива-здорова мать.

Сын, жена гуляют рядом,
Яблонь цвет слепит глаза.
Я один всегда бы падал
И не знал, где тормоза.

ВОЗВРАТ

Возврат к родной избе —
Как бы в себя возврат.
Здесь аист на трубе
Рожденью солнца рад!
Прекрасней мига нет
Вовеки для меня —
Встречать родной рассвет
У отчего плетня.
Спешить наперерез
Туманам с берегов
И видеть блеск небес
В пушинках облаков!
Перерождаюсь здесь,
Пью волю и покой
И очищаюсь весь
От пыли городской.
Здесь я могу расти
До солнца, до луны!
...Отсутствие мое прости,
Край тишины...

РОДНЫМ

Я в другой сейчас столице
и в другой совсем стране.
Дорогие ваши лица
вижу каждый раз во сне.
Вот и снова ночь ложится
темным платом на глаза,
чтоб могли ко мне явиться
вы и ваши голоса,
чтоб родные ваши руки
по моим пошли плечам,
чтоб не думал о разлуке
я хотя бы по ночам.
Лишь бы кто-то не окликнул,
не сорвал покрыва с глаз.
Без меня вы попривыкли.
Как привыкнуть мне без вас?

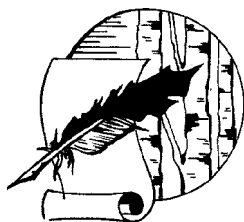
ПЕСНЯ О ЕСЕНИНЕ

До сих пор за милою Рязанью,
По рассветам, в розовом огне,
И весенней, и осенней ранью
Скачешь ты на солнечном коне.

Над Окой, за синевою русской,
Что зовем Есенинской страной,
Средь дорог и средь тропинок узких
Слышен голос, он такой родной.

И своими видел ты глазами,
Что есть рай в земные наши дни,
А в краю Приокском, под Рязанью,
Раю он небесному сродни.

Устремляясь к песенному трону,
Не жалея чудотворных сил,
Ты своей поэзии корону
На алтарь России положил.

Владимир МАРУХИН

СОЛНЕЧНЫЕ ЗЁРНА

В ДЕПО

В депо,
Где дым вечерний розов
И где железа звон певуч,
Загнали девять паровозов,
Как будто с неба —
Девять туч.

Я вспомнил детство:
Уголь,
Брёвна,
Тупик,
Землянка, где я рос,
И нервно,
Огненно, неровно
Над нею дышит паровоз...

Дожди холодные по крыше
Стучат,
Просеянные мглой;
В скупых лучах «летучей мыши»
Мать слепнет — до ночи с иглой...

Скользят за тонкой нитью думы
Безрадостно и тяжело...
Встречает стрелочник угрюмый
За эшелоном эшелон.

Стучат колёса,
Едут люди
Под стражей —

К солнцу, на восток...
Ещё не раз меня разбудит
Протяжный,
Жалобный гудок.

Колёса поездов звучали
И наяву, и в чутком сне:
На каждом стыке рельсов «Ста-лин»
Они выстукивали мне.

В депо,
Где дым вечерний розов,
И в сердце — скрежет
От того,
Что режут девять паровозов —
За правду детства моего...

ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

Валерию Филимонову

1
На судне монастырском уплыву
На Валаам — забыть мирские блага...
Как в чудном сне, касаюсь наяву
Родных икон в тиши архипелага.
С одеждами монахов
Схожи ночи,
Близ осени таинственно черны,
А утром скалы будто мироточат
И светом изнутри озарены.

Мошей святых не счесть по всей округе,
От них благоухают острова;
Молитвы вашей жду,
Святые друзья,
Как знойно ждёт воды с небес трава.
Прошу молитв —
Такой уж день сегодня:
Моя душа ваш подвиг ясно зрит,
И потому горит,
Горит,
Горит
В ней Свет Преображения Господня!

2

Друзей терял я истинных,
А мнимых —
Приобретал,
Как знания из плохих
Бездарных книг...
Обманывал любимых,
Невольно сам обманывался в них...
За всё меня,
Родимые,
Простите, —
Пред исповедью обращаюсь к вам:
Чтоб не был на меня никто в обиде, —
Тогда войти мне будет легче в храм!

3

Тогда, блаженный духом, будто нищий,
С молитвой покидая Валаам,
И возвращаясь в мир,
На пепелище
Своей души,
Горящей по грехам,
Прощал я всё —
И друзьям,
И врагам!

ПОД ОТКОСОМ

...Любовью, грязью иль колёсами
Она раздавлена — всё больно.

А. Блок

Косари для богатых покосов
Не приходят, как раньше, сюда.
На корню под гремучим откосом
От ветров полегла лебеда.
Поезда завывают уныло,
Потому что проходят они
Мимо русской деревни Могила,
Где старухи остались одни.
Доживают свой век под откосом...
И уже доживать им невмочь:
День разбит перестуком колёсным
И раздроблена каждая ночь.

Мнится старым:
Какая-то сила
Ниоткуда ведёт поезда
Мимо русской деревни Могила —
В ни-ку-да,
 в ни-ку-да,
 в ни-ку-да...

НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Юрию Шестакову

Здесь живу.
У памятника, близко...
Чудится мне выстрел роковой...
Обнимая камни обелиска,
Кружит низко дым пороховой...
Мне садится на руку синица —
Беззащитна в стужу Божья тварь —
Нелегко, как видно, эта птица
Переносит питерский январь...

Русской речи солнечные зёрна
Переплавя в слиток золотой,
Он воздвиг себе нерукотворный
Памятник,
Не каменный — живой.
Утренних небес мертвеют краски,
Александра гаснет ясный взор.
Как черты лица в посмертной маске,
Застывает на окне узор.
Не смириться с тем,
Что слишком рано
Гений путь прервал свой на земле, —
Сам в стихах великого романа
Он судьбу предсказывал себе...
Не стреляй,
Не торопись, Онегин!
Тяжко после выстрела прозреть...
Господи! Не дай на чёрном берегу
Мне от пули друга умереть.
Чувствую мистические связи:
Ленский, Пушкин...
И любой поэт,

Не смирившись с тьмою
Светской грязи,
Подлецами явленной на свет,
Будет всей душой
Туда стремиться,
Где журавль на воле
И синица,
А в руке — дуэльный пистолет!

ГРОЗА

Олегу Романову

Пережидаю долгую грозу,
Гляжу, как воздух рубят сабли молний,
Как яростно плакучую лозу
Терзает в волнах ветер своевольный.

А в день погожий видно за версту,
Как скуден хлеб провинции убогой.
Я, повинуюсь Божьему персту,
Свой крест несу Радищева дорогой —
Меж двух столиц
В скитанья заточён,
И оттого так безысходность душит,
Что у людей,
С кем я судьбой сведён,
Разорены земля,
Жилища,
Души...
Куда ни ступишь —
Всюду кровь и пот!
По чьей вине ты, мой народ, задавлен?
По воле новоявленных господ,
Иль на колени Господом поставлен?
Пред кем ты гнёшься веткой ивняка?
Пора вставать навстречу шквалу злomu,
Что сбил с корней хлеба, и так горька
Судьба их, обращённая в солому.

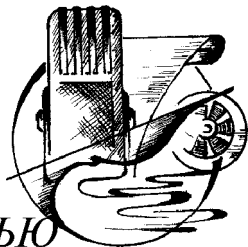
Дай силы, Боже, груз посильный снести,
Превозмогая волны новой боли;
Хлеб наш насущный даждь нам, Отче, днесь,
И не остави в чёрный день без соли!

ВТОРАЯ «ХОЛОДНАЯ»

— Николай Платонович, реалии последних месяцев — государственный переворот на Украине, военные действия украинских властей против жителей Донецкой и Луганской областей, оголтелый антироссийский курс Киева. Можно ли было прогнозировать себе такое развитие событий всего лишь год назад?

— Наши специалисты предупреждали о большой вероятности обострения ситуации на Украине в условиях политико-экономической нестабильности, особенно под внешним воздействием. Вместе с тем следует признать, что вероятность близкого одномоментного захвата власти в Киеве с опорой на боевые группы откровенных нацистов тогда не просматривалась. Напомню, что до упомянутого переворота Москва полностью выполняла все свои партнерские обязательства перед Киевом.

Мы непрерывно оказывали материальную и финансовую помощь, без которой Украина была не в состоянии справиться с экономическими трудностями, принявшими хронический характер. Для поддержки соседей были мобилизованы материальные и финан-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

совые ресурсы на десятки миллиардов долларов. К сожалению, для многих на Украине эта помощь со временем стала настолько привычной, что ее значение для выживания страны попросту забывалось.

Если говорить о более длительных сроках прогнозирования, то украинский кризис стал вполне ожидаемым итогом системной деятельности США и их ближайших союзников. Последнюю четверть века эта деятельность была направлена на полный отрыв Украины и других республик бывшего СССР от России, тотальное переформатирование постсоветского пространства под американские интересы. Создавались условия и предлоги для цветных революций, что обеспечивалось щедрым государственным финансированием.

Так, помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд неоднократно заявляла, что Вашингтон в период с 1991 по 2013 год потратил 5 миллиардов долларов США на «поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству». По данным только открытых источников, например, документов конгресса США, общий объем государственного финансирования различных американских программ «помощи» Украине за период с 2001 по 2012 год составил не менее 2,4 миллиарда долларов США. Это сравнимо с годовым бюджетом некоторых небольших государств. Агентство США по международному развитию израсходовало около полутора миллиардов долларов, госдепартамент — без малого полмиллиарда, Пентагон — более 370 миллионов долларов.

Украинский кризис стал вполне ожидаемым итогом системной деятельности США и их ближайших союзников

Согласно отчетам конгресса в программах помощи Украине, помимо известного АМР и других ведомств, участвовали такие организации, как Millennium Challenge Corporation, Корпус мира и Центр «Открытый мир». Нетрудно догадаться, для кого и зачем «открывали мир» американские волонтеры и сотрудники дипмиссий все 23 года, прошедшие после распада Советского Союза.

— Может быть, эти деньги шли на благое дело и помогали выстроить на Украине в понимании американцев настоящее «демократичное» общество?

— Не знаю, о каком благом деле можно говорить, если в результате этой деятельности на Украине было выращено целое поколение, совершенно отравленное ненавистью к России и мифологией «европейских ценностей». Оно пока не осознает, что эти ценности, даже в позитивном понимании данного термина, для украинцев на самом деле не предназ-

начены. Никто не собирается заниматься подъемом уровня жизни на Украине или устраивать эту молодежь в Европе, которая сама с большим трудом справляется с весьма серьезными вызовами и угрозами.

Думаю, что «отрезвление» украинцев будет жестким и болезненным. Остается надеяться, что это произойдет относительно быстро, чему может поспособствовать целый ряд объективных причин. Хочу отметить еще один фактор, который имеет принципиальное значение. Независимо от дальнейшего развития событий, значимость друг для друга — России и Украины — сохранится. Украина просто не сможет успешно развиваться без России, нравится это кому-то или нет.

Такова объективная взаимозависимость экономических, логистических и других связей, которая складывалась столетиями. Но если для России полный разрыв этих связей станет болезненным ударом, то для Украины обернется катастрофой. Не случайно нынешний президент Петр Порошенко вынужден был вслед за своим свергнутом предшественником ставить вопрос об отсрочке имплементации экономической части уже подписанного соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Следует ожидать, что победная эйфория у других киевских правителей также сменится более трезвой оценкой реального положения дел.

— Некоторые эксперты считают, что украинский кризис был лишь поводом для нового обострения отношений Запада с Россией. Так ли это?

— Действительно, если бы катастрофы на Украине не произошло, нашелся бы другой повод для активизации политики «сдерживания» нашей страны. Этот курс неукоснительно проводится многие десятки лет, меняются лишь формы и тактика его реализации.

Как известно, после Второй мировой войны конфронтация между СССР и Западом во главе с Соединенными Штатами приняла форму «холодной войны». Военно-политическая составляющая этого противостояния была возложена на Организацию Североатлантического договора (НАТО), созданную по инициативе США 4 апреля 1949 года. Анализ практической деятельности НАТО свидетельствует, что, создавая альянс, США преследовали две основные цели.

Во-первых, под американским руководством сформировался военный блок, направленный против СССР.

Во-вторых, Вашингтон упредил возникновение в Западной Европе самостоятельной группировки государств, которая могла бы конкурировать с Соединенными Штатами. Следует напомнить, что территория самих США, установивших,

по сути дела, односторонний военный контроль над союзниками, в зону ответственности НАТО не включена.

После распада СССР и прекращения действия Варшавского договора, который объединял социалистические страны Европы и по определению представлял для НАТО основную опасность, блок не только не был расформирован, но начал еще больше расширяться в численном и военном отношении.

— Но ведь НАТО не было тем единственным фактором, который повлиял на развал Советского Союза?

— В период «холодной войны» на Западе появился целый ряд идеологических доктрин, служивших обоснованием антисоветского политического курса. Одним из авторов подобных разработок стал американский политолог и государственный деятель польского происхождения Збигнев Бжезинский. Он обосновал так называемую стратегию «уязвимых мест», суть которой заключалась в выявлении слабостей потенциального противника и превращения их в серьезные проблемы. Реализация стратегии позволяла отвлечь основные силы противника от реального противостояния с США и заставить его сосредоточить все ресурсы на разрешении собственных растущих затруднений.

В 70-х годах прошлого века Бжезинский разработал вариант стратегии «уязвимых мест» применительно к СССР, который при президенте Рейгане стал основой американской политики в отношении нашей страны. Реализацией стратегии руководил Совет национальной безопасности во главе с президентом Соединенных Штатов. Выявление и уточнение «уязвимых мест», а также организация путей их трансформации в существенные для СССР проблемы были возложены на Центральное разведывательное управление США.

Примечательно, что тогдашний директор ЦРУ Уильям Кейси решил привлечь к работе видных ученых, прежде всего экономистов, а также специалистов из делового мира, имевших реальный опыт бизнес-войн с конкурентами. В результате широкомасштабной аналитической работы были определены и системно изучены «уязвимые места» СССР в политической, экономической, идеологической и иных областях.

Главным «уязвимым местом» нашей страны, как определило ЦРУ, была ее экономика. После детального моделирования американские специалисты выявили ее самое «слабое звено», а именно — высочайшую зависимость бюджета СССР от экспорта энергоресурсов. Была сформирована стратегия провоцирования финансово-экономического банкротства советского государства, предусматривающая две взаи-

мосвязанные цели: организацию резкого снижения доходов в бюджет СССР от внешней торговли в сочетании с существенным ростом расходов на разрешение организуемых извне проблем.

В качестве основной меры сокращения доходной части бюджета рассматривалось снижение мировых цен на нефть. Этого удалось добиться к середине 80-х годов, когда в результате сговора США с правителями ряда нефтедобывающих стран на рынке образовался искусственный излишек сырья и цены на нефть упали почти в 4 раза.

Рост расходов Советского Союза провоцировался по нескольким направлениям: переход от стратегии американского противодействия СССР в Афганистане к стратегии глубокого втягивания его в афганскую войну; разжигание антиправительственных выступлений в Польше и других государствах социалистического лагеря в целях побуждения Москвы к дополнительным расходам на стабилизацию положения в Восточной Европе; раскручивание гонки вооружений, в том числе путем внедрения блефа с СОИ и так далее.

Следует сказать, что американцам удалось тогда добиться поставленных целей. Итогом их деятельности стало существенное превышение расходов СССР над доходами, что в конечном итоге спровоцировало глубокий экономический кризис, распространившийся на политическую и идеологическую сферы. Недальновидные попытки советского руководства облегчить ситуацию за счет внешней финансовой помощи дали Вашингтону дополнительные рычаги воздействия на Москву. Предложенные Западом и реализуемые через МВФ и Всемирный банк «оздоровительные» меры по либерализации внешней торговли без плавного отхода от прежней монопольной системы привели к окончательному коллапсу экономики.

По оценкам американских экспертов, именно стратегия «уязвимых мест», продемонстрировавшая колоссальную эффективность экономической разновидности «холодной» войны по сравнению с войной «горячей», в решающей степени способствовала ликвидации СССР и Варшавского договора.

— После развала СССР Россия еще могла как-то противостоять новому переделу мира или сдача своих позиций и бывших союзников, например Югославии, уже была предопределена?

— К концу XX века в этом регионе сформировался некий социально-политический «разлом», наиболее рельефно проявившийся в развале многонациональной и многоконфессиональной Социалистической Федеративной Республики

Югославии. Руководители США и ведущих стран НАТО использовали благоприятно складывающуюся для них военно-политическую ситуацию с тем, чтобы реализовать свои долгосрочные цели в Юго-Восточной Европе.

В 90-е годы Российская Федерация вследствие известных причин внутреннего и внешнего характера утратила на Балканах доминирующее влияние, которым располагал Советский Союз, и шла по пути соглашательства с Западом. Именно на Балканах особенно отчетливо проявилась односторонняя, ничем не компенсированная сдача Россией своих позиций на международной арене. В 1991—1996 годах у структур, формировавших внешнюю политику нашей страны, официально не было даже такого понятия, как «национальный интерес». Они пребывали в беспочвенных ожиданиях благодарности за послушание от западных партнеров и какой-то особой пользы для нашей страны от тесного и безоговорочного сотрудничества с США. На деле американские партнеры почти сразу перестали воспринимать нас всерьез и лишь время от времени как бы снисходительно «похлопывали по плечу».

Блок НАТО, под прикрытием миротворчества и не встречая серьезных возражений с нашей стороны, все увереннее действовал вне зоны своей ответственности, добивался права аренды стратегических объектов инфраструктуры на длительные сроки и различными путями фактически подчинил себе органы военного управления ряда балканских стран. Подразделения альянса прочно утвердились в регионе. Другие государства, участвовавшие в миротворческих миссиях, в том числе Россия, перед собой подобных задач не ставили, смирившись с ролью младших партнеров и не желая видеть очевидного факта: война на Балканах вполне могла рассматриваться в качестве репетиции и пролога для более масштабных шагов по переделу мира.

— Вероятно, именно эти шаги и привели к столкновению интересов западных стран и России уже на всем постсоветском пространстве?

— Особенно напористо и беспардонно в последние двадцать лет вели себя на этом пространстве и вокруг него Соединенные Штаты. Воодушевленные ослаблением, а затем и ликвидацией СССР, американские правящие круги сделали все возможное, чтобы обеспечить господство над крупнейшими источниками сырьевых ресурсов нашей страны и Центральной Азии, а также транзитными путями их экспорта. Вашингтон планировал распространить сферу своего прямого влияния на районы Черного моря, Кавказа и Каспия.

Все эти территории были названы зоной стратегических национальных интересов США. Единственным препятстви-

ем для реализации планов американцев по взятию под полный контроль соответствующих месторождений и транспортных коридоров оставалась Россия, сохранившая военные возможности нанесения неприемлемого ущерба Соединенным Штатам.

Разрешение этой трудности американские стратеги видели в окончательном развале системы государственной власти и последующем расчленении нашей страны. Первым регионом, который должен был отойти от России, считался Северный Кавказ.

Особое значение придавалось заявившей о своей независимости Чечне, на время оказавшейся под фактическим контролем Запада. Экстремистам и их сторонникам в России была предоставлена поддержка спецслужб Великобритании, США, а также союзников в Европе и исламском мире.

В этих условиях российское руководство заняло твердую, принципиальную позицию защиты единства государства. В конечном итоге в результате проявленной президентом России Владимиром Путиным твердой политической воли, ценой огромных усилий удалось пресечь попытки отрыва Чечни от России, а затем закрепить республику в составе Федерации.

После 11 сентября 2001 года мировое сообщество признало террористическую угрозу в качестве основной и глобальной, достигнув понимания, что противодействие этой угрозе требует общих усилий. В результате были, в частности, несколько ослаблены нападки Запада на Россию из-за ее кампании против международных террористов на Кавказе, а мы не возражали против операции американцев и их союзников в Афганистане. Последовало объявление о формировании широкой антитеррористической коалиции.

В то время Вашингтон демонстрировал определенную готовность к взаимодействию, хотя на самом деле не собирался отказываться от политики «сдерживания» в отношении России. К нашим границам придвигались все новые объекты НАТО. Международное право подменялось правом силы (вспомним уже упомянутое расчленение Югославии, а затем и Сербии, оккупацию Ирака, вторжение так называемых коалиционных сил в Афганистан).

После 7—8 августа 2008 года, когда руководство Грузии при поддержке США попыталось уничтожить Южную Осетию, мир в очередной раз существенно изменился. Впервые за многие десятилетия Вашингтон оказал прямую поддержку иностранному государству, осуществившему нападение на российских граждан и миротворцев.

Война на Балканах могла рассматриваться как репетиция и пролог для масштабных шагов по переделу мира

Ставка была сделана на внезапность. Грузинский диктатор полагал, что военное вторжение в день открытия Всемирных Олимпийских игр поставит Россию в сложное положение, а грузины, воспользовавшись этим, реализуют свой «блицкриг». Однако российское руководство оперативно отреагировало на резкое обострение ситуации, и были приняты необходимые меры, чтобы остановить агрессию.

— Именно в это время заговорили о формировании новой геополитической реалии — многополярности современного мира. Как на это прореагировали в США?

— После августовских событий на Кавказе Вашингтон был явно встревожен откровенным намерением России занять место среди мировых держав XXI века, отстоять принцип равных возможностей, полной самостоятельности в глобальной политике. А также конвертировать финансовые доходы государства от эксплуатации природных ресурсов в реальный экономический и оборонный потенциал, в человеческий капитал.

Американскому руководству явно не по душе пришлось и перспективы взаимодействия России с Китаем и Индией, введения практики саммитов в формате БРИКС, успешная деятельность других организаций, в которых Россия занимает лидирующие позиции (ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС), а также формирование Таможенного союза.

В условиях разрастающегося мирового финансово-экономического кризиса все более значимыми для США стали факторы таких новых крупных игроков на международной арене, как КНР, Индия, Бразилия, Иран, а также растущих экономик Юго-Восточной Азии и Южной Кореи. Отсюда, кстати, появление новых концептуальных установок типа особого американо-китайского партнерства, стратегического взаимодействия США с Индией, налаживания прямого диалога Вашингтона с Ираном и так далее.

От администрации президента Барака Обамы стали поступать сигналы о необходимости возобновления взаимовыгодного диалога с Россией по целому ряду вопросов. Такой позитивный настрой американских властей нельзя было не приветствовать.

Однако вскоре выяснилось, что Вашингтон не настроен на настоящее сотрудничество. Он ограничился лишь заявлениями о дружелюбии и изобретением некоторых переговорных треков, польза от которых для России в итоге оказалась почти нулевой. Еще через некоторое время даже такие

ни к чему не обязывающие позитивные диалоги прекратились, и отношение США к нашей стране стало вновь напоминать о временах «холодной» войны.

На Украине выращено целое поколение, отравленное ненавистью к России и мифологией «европейских ценностей».

— Логическим завершением такой политики и стал украинский кризис?

— Государственный переворот в Киеве, совершенный при явной поддержке США, проведен по классической схеме, опробованной в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Но никогда еще подобная схема не затрагивала столь глубоко российские интересы.

Анализ показывает, что, провоцируя Россию на ответные шаги, американцы преследуют те же самые цели, что и в 80-е годы XX века в отношении СССР. Как и тогда, они пытаются определить «уязвимые места» нашей страны. Одновременно, кстати, решается задача по нейтрализации европейских экономических конкурентов, излишне, по мнению Вашингтона, сблизившихся с Москвой.

Хочу напомнить о том, что Вашингтон всегда стремился иметь рычаги давления на Россию. Так, в 1974 году была принята знаменитая поправка Джексона—Вэника, ограничивавшая торговые отношения с нашей страной. Казалось бы, она полностью утратила свою актуальность сразу после развала СССР, но всё же действовала вплоть до 2012 года, когда вместо нее тут же был принят так называемый «список Магнитского».

Нынешние санкции из той же серии. Деятельность администрации Соединенных Штатов на украинском направлении реализуется в рамках обновленного внешнеполитического курса Белого дома, направленного на удержание американского лидерства в мире путем стратегического сдерживания растущего влияния Российской Федерации и других центров силы. При этом Вашингтон активно использует на своих условиях потенциал НАТО, стремясь посредством политического и экономического давления не допустить каких-либо колебаний со стороны своих союзников и партнеров.

— Почему американская элита столь упорно цепляется за право контроля над чужими природными ресурсами, когда в западном экспертном сообществе декларируется важность развития альтернативных источников энергии, якобы способных в кратчайшие сроки заместить собой нефть и газ?

— На самом деле у специалистов есть уверенность, что в ближайшие десятилетия не появится реальная замена углеводородов как основы энергетики. Более того, на Западе пре-

валирует понимание, что совокупная мощность атомных, гидро-, ветряных, солнечных и иных станций удовлетворит не более одной пятой части мировых потребностей.

Не следует забывать и еще об одном важном аспекте. В современном мире отмечается устойчивое нарастание дефицита продовольствия и питьевой воды для увеличивающегося населения планеты. Отсутствие самых элементарных средств существования толкает отчаявшихся людей к экстремистским проявлениям, участию в терроре, пиратстве, криминале. Это же является одной из причин острых противоречий между странами и регионами, а также массовой миграции.

Нехватка воды и орошаемых земель нередко становится причиной раздоров, например, между республиками Средней Азии. Проблема водных ресурсов остро стоит в ряде других стран Азии и особенно в Африке.

Многие американские эксперты, в частности бывшая секретарь США Мадлен Олбрайт, утверждают, что «под властью Москвы» оказались такие огромные территории, которые она не в состоянии освоить и которые, таким образом, «не служат интересам всего человечества». Продолжают звучать утверждения относительно «несправедливого» распределения природных ресурсов и о необходимости обеспечить так называемый «свободный доступ» к ним иных государств.

Американцы уверены, что подобным образом должны рассуждать и во многих других, особенно в соседних с Россией государствах, которые в перспективе и, как теперь водится, «коалиционно» поддержат соответствующие претензии к нашей стране. Как и в случае с Украиной, предлагается решать проблемы за счет России, но без учета ее интересов. Даже в периоды относительного потепления в отношениях России (СССР) и США американские партнеры всегда оставались верны подобным представлениям.

Поэтому, независимо от нюансов в поведении американцев и их союзников, перед российским руководством в качестве постоянной остается задача: гарантированно обеспечить территориальную целостность и суверенитет Родины, защищать и приумножать ее богатства, правильно распоряжаться ими в интересах многонационального народа Российской Федерации.

«РГ»

ПО ЗАКОНАМ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ

Медики вышли в Москве на митинг против развала медицины; причина — план столичных властей под флагом оптимизации закрыть 27 московских больниц.

Эти же флаги развеваются над руинами отечественного образования, науки, культуры, социальной сферы. Вместе с так называемым либералистским экономическим козырем «подушевого финансирования» к нам пришли слияние больниц, картинных галерей, вузов, школ с детскими садами и специализированными интернатами; закрытие малокомплектных (то есть сельских) школ, домов культуры, родильных домов и прочая, прочая, прочая.

Совсем скоро уделом государствообразующих институтов должны стать полная разруха и мерзость запустения... В противовес им мощно и ощутимо расцвели прививочный бизнес, похоронное дело, абортная отрасль и трансплантология. То есть всё то, что позволяет зарабатывать на продаже людей — живых и мёртвых, целиком и по частям. По законам расчеловечивания.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Игра идёт по конкретным правилам, находящимся в открытом доступе, только называются они немножко по-другому, оттого не всеми опознаются. Например, так: закон об охране здоровья граждан, о донорстве, о трансплантологии.

22 сентября 2014 года СМИ раструбили, что в Госдуме внесли законопроект сенатора Белякова *о согласии* гражданина на изъятие органов; отметку об этом предполагается размещать в паспорте, водительских правах или УЭК.

Известие вызвало ропот в общественных кругах, и новость тут же подкорректировали: 28 октября того же года СМИ снова вернулись к этой теме, развернув вектор на 180 градусов: «Госдума рассмотрит законопроект *об отказе* на изъятие органов после смерти».

«Согласие» или «отказ» — разница более чем существенная, налицо банальная манипуляция массовым сознанием: если первое слово заставляет насторожиться, то второе вызывает выдох облегчения.

Между тем, речь идёт об одном и том же документе, в котором стоит именно «согласие». Да только кто ж его читает — нынешние депутаты, принимая законы, знакомятся лишь с пояснительными записками.

Между тем, чтение законопроектов — полезный процесс, и пока предложение депутата Госдумы Игоря Руденского о запрете обсуждать законопроекты публично ещё не вступило в силу и нам позволяют это делать, пренебрегать им не следует.

Сюрприз от сенатора

Итак, законопроект ФЗ № 606716-6 «О внесении изменений в статью 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», предложенный на рассмотрение Думы господином Беляковым, предлагает к словам «Презумпция *согласия* на изъятие органов и (или) тканей» добавить слово «испрошенного» (согласия). Потому что сейчас у нас действует согласие «неиспрошенное».

На первый взгляд, вроде бы неплохо, да только как будет выглядеть операция «испрашивания согласия» на бескрайних российских просторах? Что-то вроде всероссийской переписи? Вежливые студенты с папочками, звонящие в каждую дверь и добирающиеся на далёкую таёжную заимку?

Отнюдь — в законе об этом ни слова. И даже наоборот. Зато твоё согласие будет внесено в паспорт, права или УЭК.

А кто-то, увидев эту отметку в чужом документе, наведёт справки о состоянии здоровья хозяина. Так сказать, на перспективу.

Об УЭК разговор особый: кто из нас сможет проконтролировать то, что там написано? Каждому в глаз — по сканеру? А вдруг произошёл «сбой программы», и вместо «отказа» в УЭК попало «согласен». И что потом: «Извините, ошибка с вашим родственником вышла — приносим извинения, мы уволим регистратора»?

Но мало кто знает, что презумпция согласия на передачу собственных органов уже давно действует в России, и это означает, что каждый из её взрослых жителей согласен с тем, что в случае смерти его органы станут собственностью нового хозяина.

И как же этот хозяин узнает, на какие органы он сможет рассчитывать? А вот, чёрным по белому: «Сведения о согласии гражданина на изъятие органов или тканей из своего тела после смерти для трансплантации (пересадки) подлежат внесению в *электронную базу данных доноров органов и тканей*» (ст.1).

Вот оно — решение всех проблем, и тут как раз кстати — всероссийская углублённая диспансеризация детей и взрослых. Чтобы, значит, вовремя всех посчитать.

Так и видится — диски с базами данных органов и их *временных* владельцев где-нибудь «на Горбушке». А что, это очень удобно — так сказать, товар приближается к потребителю, в результате выигрывает предприниматель. Если мы уже готовы его назвать таковым...

За нас уже всё решили

Отдельно нужно остановиться на пресловутой «презумпции согласия». В нашем законодательстве она укоренилась ещё в 1992 г. в законе РФ № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», но оставалась в тени до появления скандально прославившегося закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», где в статье 47 «Донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка)» как раз и рассказывается о том, как могут забирать органы у взрослых и детей. Правда, после смерти, но о ней в данном контексте — особый разговор, и он ещё впереди.

Поскольку, по мнению законодателя, мы *все потенциально согласны* на посмертную раздачу собственных органов, то она не состоится только в том случае, если «учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо, либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогла-

сии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту» (№ 4180-I, ст.8).

Изъятие органов и (или) тканей у трупа производится с разрешения главного врача учреждения здравоохранения (№ 4180-I, ст.10).

Своё «волеизъявление о согласии или о несогласии» (№323, ст.47. п.6) мы можем выразить «в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации либо нотариально», и эта информация должна быть внесена в медицинскую документацию (№323, ст.47. п.9).

После нашей смерти за нас решат «супруг (супруга), а при его (ее) отсутствии — один из близких родственников (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, дедушка)» (№323, ст.47. п.7).

Другими словами, или ты сам должен успеть отказаться от «звания» донора органов, внести этот отказ в свою медицинскую карту, которая, безусловно, тут же потеряется, или же носить с собой даже в баню полустлевшую бумажку от нотариуса о том, что ты против разборки тебя на части, и затем слабо надеяться, что этим обезопасил свою жизнь.

Или твои родственники после твоего ухода в мир иной будут сами в меру своих сил справляться с искушениями в виде предложений, от которых невозможно отказаться. А если точнее, то рассматривать их до него.

А ведь есть ещё и похоронный бизнес, и в соответствии с № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» от 1996 г. в случае отсутствия волеизъявления умершего о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела право на разрешение таких действий имеют супруг, близкие родственники, иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых *иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего* (ст.5).

Значит, на органы человека претендуют ещё и похоронные бюро и компании? Интересный ход.

Да, конечно, больница не имеет права изымать органы у умершего человека, если он при жизни от этого отказался (№323, ст.47. п.10). Но для того, чтобы при жизни успеть сказать что-то на эту тему, нужно хотя бы в принципе вообще что-то где-то когда-то слышать об этом.

И о детишках подумали

Если же несчастье случилось с ребёнком — «изъятие органов и тканей из тела умершего для трансплантации (пересад-

ки) допускается на основании испрошенного согласия *одного из родителей* или *иного законного представителя*, данного в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти» (№323, ст. 47. п. 8).

А если родители в разводе, вместе не живут и отношений не поддерживают, но права на ребёнка сохранили оба? Разве так не бывает? И чем это может закончиться?

Кто такой этот «иной законный представитель», который имеет право передать кому-то почку умершего ребёнка? Представитель службы опеки? Директор детского дома? Дома ребёнка? Интерната? Детской больницы? Руководитель туристической группы, который получил от родителей доверенности на поездку детей с ним? Где можно гражданину ознакомиться с «установленным порядком»?

И точно так же «на основании испрошенного согласия одного из родителей или *иного законного представителя*» подлечит посмертной разборке на части недееспособный гражданин (№323, ст.47. п.8). Тут уж и комментировать нечего...

Конституционный суд не нашёл нарушений

Если кому-то покажется неправильным существование презумпции согласия на посмертное донорство, то его ждёт огорчение. В 2003 г. судьи Саратовского областного суда тоже так подумали и даже направили запрос в Конституционный суд РФ.

В ответ они получили «Определение от 4 декабря 2003 г. № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Суд, признавая отдельные недоработки в законодательстве, требующие «более детальной регламентации, развития и совершенствования», пояснил, что «наличие опубликованного для всеобщего сведения и вступившего в силу законодательного акта, содержащего формулу данной презумпции, тем самым предполагает, что заинтересованные лица осведомлены о действующих правовых предписаниях».

Другими словами, факт наличия закона «О трансплантации» уже означает, что о нём знают все — от московского министра до бабушки в далёкой сибирской деревушке.

И ещё: «Российское законодательство не препятствует гражданам зафиксировать в той или иной форме (в том числе нотариальной) и довести до сведения учреждения здравоохранения свое несогласие на изъятие у них органов и (или)

тканей после смерти в целях трансплантации, причем нарушение соответствующего волеизъявления влечет *наступление юридической ответственности*».

Опять же переведём: вам рассказали — вы не сделали, теперь пеняйте на себя.

И в конце — роковое: «Определение Конституционного суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит».

Так что, у нас действительно не осталось шансов?..

Начало начал

А теперь о нашем относительно новом (с 1992 г.) взгляде на смерть человека — об установлении факта смерти человека: «Заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти...» (№ 4180-1, ст.9).

«Процедура» регламентируется приказом Минздрава России №460 «Инструкция о констатации смерти человека по констатации смерти мозга» от 20.12.01, где говорится, что первое и неперемное условие установления диагноза смерти мозга заключается в доказательстве *отсутствия воздействия* лекарственных препаратов, угнетающих мозг и нервно-мышечную передачу, интоксикаций, метаболических нарушений (в том числе электролитных, кислотно-основных, а также эндокринных) и инфекционных поражений мозга; при наличии интоксикации, установленной в результате токсикологического исследования, диагноз смерти мозга до исчезновения ее признаков не рассматривается».

Другими словами, прежде чем ставить диагноз смерти мозга, необходимо убедиться в отсутствии действия на него токсинов, лекарств, гормонов и пр.; в противном случае — надо пытаться спасти человека.

Но в статье 66 закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» сказано, что моментом смерти человека является момент смерти его мозга (ст.1), регистрируемой при работающем сердце и искусственной вентиляции легких (ст. 2.); при этом реанимация прекращается (ст.6).

Иными словами, у больного бьётся сердце, у него поддерживается дыхание, но на аппарате ЭЭГ прекратился сигнал деятельности мозга — и всё, человек с бьющимся сердцем считается трупом, его больше не спасают.

Начинается процесс под названием «кондиционирование донора», когда «спасают» органы, доводя их до нужной кондиции готовности к пересадке.

И потом можно отсекать его бьющееся сердце, теплые печень, почки, кишечник, поджелудочную железу, роговицу — в полном соответствии с «презумпцией согласия».

Совсем как в том печально-циничном анекдоте: «Сестра, а может, меня всё-таки в реанимацию?» — «Доктор сказал: «В морг», — значит, в морг!»

Между тем, в Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека №73, утверждённой приказом Минздрава России от 04.03.2003, говорится, что диагноз «смерть мозга» устанавливается в тех учреждениях, которые *имеют для этого условия*. Потому что для постановки этого диагноза как минимум нужен аппарат ЭЭГ и специалист к нему, а исходя из приказа №460 нужна целая бригада специалистов с обязательным наличием реаниматолога-анестезиолога и невролога с опытом работы в отделении интенсивной терапии и реанимации не менее 5 лет. Актуальный вопрос для сельского медпункта...

Врачи безо всяких границ

Проблема доступа к частям человека и продажи их под громкими лозунгами, мол, «спасти ближнего — это долг каждого», «с помощью пересадки органов можно спасти жизнь сотням, тысячам и десяткам тысяч обреченных пациентов», имеет множество измерений.

С июня 2013 г. в трансплантологическом сообществе идёт обсуждение нового проекта закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)». Среди уже известных положений в законопроекте встречаются такие новации, как «трансплантационный координатор», который «вносит в «Федеральный регистр доноров органов, реципиентов и донорских органов человека» данные о наличии в медицинской организации потенциального донора» (ст.12. п.2).

Федеральный регистр — это всё та же «база данных» сенатора Белякова; он включает в себя 4 регистра: желающие получить орган; живые доноры; посмертные доноры; согласия посмертных доноров. И самое интересное, что всё это у нас в стране уже есть. В стране уже создана Ассоциация трансплантационных координаторов, которая формирует собственные регистры — информация давно стала товаром.

И тут, внимание, наступает удивительное взаимопроникновение медицинских сфер: с 2008 года данные российского регистра входят в международный регистр International Registry of Organ Donation and Transplantation (IRODaT). Выходим на европейские рынки? Каждому европейцу — по русскому органу? И в России уже давно существуют *службы органного донорства*, которые как раз и выступают в роли и координатора, и исполнителя.

Как следует из приказа Департамента здравоохранения г. Москвы №184 «О совершенствовании организации работы городской службы органного донорства» (вместе с Положением о Московском координационном центре органного донорства») от 14.04.2004, в Москве утверждён «Реестр учреждений здравоохранения города Москвы, в которых разрешено проводить заготовку донорских органов после констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга»: НИИ СП им. Н.В. Склифосовского, Городская клиническая больница им. С.П. Боткина, ГКБ № 1, 3, 7, 13, 15, 20, 33, 36, 64, 67, 68, 71, 81.

С целью «изыятия и координации распределения донорских органов в государственные учреждения, оказывающие трансплантологическую помощь населению», создан Московский координационный центр органного донорства. Его задача — «выявление, регистрация и динамическое наблюдение потенциальных доноров в отделениях реанимации и интенсивной терапии».

На его базе создана выездная бригада (1—2 врача-хирурга, 2 операционные медсестры, судебно-медицинский эксперт, врач-невролог), которая выезжает незамедлительно по поступлению вызова из медучреждения, где в реанимации обнаружен потенциальный донор, и при необходимости она находится до констатации его смерти.

Иногда и с ними бывают казусы: например, бригада трансплантологов приезжает, начинает действовать в соответствии с протоколом (стандартом действий по реанимации) для спасения органа и в результате нечаянно спасает пациента. И лишается донора. Неувязочка...

В методичке «Особенности работы операционной медицинской сестры отделения органного донорства» есть ключевое: «работа в условиях различных стационаров г. Москвы и в удаленных больницах; полная мобильность и независимость в оснащении и оборудовании; умение быстро и с соблюдением правил асептики и стерильности *развернуть операционную практически в любых условиях*». Кто там не верил в возможность «разборки» человека в подвале? И всё это обильно сдобрено пресловутой «презумпцией согласия».

Логика трансплантологической политики такова: если у человека наступила остановка сердца, то, как правило, возможно изъятие только почек как наиболее устойчивых к ишемии (отсутствию питания); если у донора наступила смерть мозга — при поддержке сердцебиения и дыхания возможно мультиорганное (то есть — много органов) изъятие: сердце, печень, поджелудочная железа, кишечник и другие.

Поэтому появление критерия «смерть мозга» — это прорыв. Понятие «смерти мозга» было впервые сформулировано французскими невропатологами в 1959 г.; в 1967 г. в Лондоне впервые была выдвинута концепция смерти мозга, тогда же в Великобритании впервые осуществлено изъятие почек у донора с бьющимся сердцем. В США приняли понятие смерти мозга в 1968 г.; в России — в 1992 г., по настоянию академика В.И. Шумакова.

Чтобы понять правила игры на этом поле, дадим слово первым лицам отрасли. Главный трансплантолог России С.Готье: «Сложилась такая практика, когда реаниматолог лечит больного со смертельным прогнозом, с тяжелой травмой головы до гробовой доски, до остановки сердца. Он мог бы остановить процесс бесполезного лечения в тот период, когда у пациента возникает кома IV степени и надо перейти к постановке диагноза смерти мозга. И если этот диагноз подтверждается, то продолжать лечение следует только для того, чтобы сохранить органы; дальше этот организм, вентилируемый и поддерживаемый сердечной деятельностью, рассматривается как возможный источник донорства».

Д.м.н., проф., директор программы трансплантации органов РНЦХ им. акад. Б.В. Петровского РАМН М.М. Каабак: «По нашим данным, более 50% реаниматологов являются активными оппонентами трансплантации. Вероятнее всего, эти причины можно разделить на 2 группы. Первая — это отсутствие оплаты: дополнительная работа реаниматологов, которые могут выполнять роль трансплант-координаторов, никак не оплачивается. Понятно, что работать бесплатно никто не хочет, тем более что работа по ведению донора — это тяжелый и многочасовой труд».

Д.Н. Суслов, заместитель главного трансплантолога Санкт-Петербурга, заведующий лабораторией экспериментальной хирургии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова: «Парадокс системы в том, что у нас диагностики смерти мозга у больных с тяжелыми поражениями разной природы нет,

делать этого они (врачи) не хотят. Потому что для этого надо такими больными заниматься дополнительно. А в ходе этого процесса много лишнего может всплыть. Человек может находиться в атонической коме по нескольким причинам. В том числе из-за ненадлежащего лечения. Я сам несколько раз был свидетелем того, когда такой осмотр позволял заподозрить, что больному не все нужное было сделано, и дополнительная диагностика помогала найти и устранить причины комы, пациенту становилось лучше, его, что называется, не доводили до донорства».

Но пока идут обсуждения, С.-Петербург вырвался вперёд: с 1 сентября 2013 г. в региональном здравоохранении ввели оплату процедуры диагностики «смерти мозга», создают систему «донорских баз», вводят трансплантационного координатора, готовят правовую базу для создания системы органного донорства, которое обяжет «скоропомощные» стационары организовывать донорство.

Даёшь органы на поток!

Всё — по закону!

Российское законодательство в этой сфере ориентируется на такие международные документы, как: Декларация о трансплантации человеческих органов (принята 39-й Всемирной Медицинской Ассамблеей в Мадриде в октябре 1987 г.); основополагающие принципы трансплантации органов человека, (Женева, 1991 г.); Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (Страсбург, 2002 г.).

Из «Основополагающих принципов трансплантации органов человека» перешло в наши законы понятие «презумпция согласия» и другие, а в закон о трансплантологии вошли 10 принципов Всемирной организации здравоохранения.

Что ждёт страну

Чтобы понять, что нас ждёт, обратимся к политике Минздрава. Лоббистами пока ещё не всё сделано: никак не удаётся провалить инструкцию по констатации смерти мозга у детей. При этом никому не нужен закон об оказании акушерской помощи, о помощи детям, о хирургической помощи. Но — только о том, как изымать органы у человека, с которым случилась беда. И вот его бедное сердце ещё бьётся, но нож уже занесён, и под лозунгом помощи другому больному у него заживо вырезают кем-то заказанный орган.

Министр здравоохранения Вероника Скворцова ратует за широкое посмертное донорство — на III съезде Национальной медицинской палаты она заявила: «Если вы хотите, чтобы вам когда-нибудь была оказана подобного рода помощь, если вы будете в ней нуждаться, то, прежде всего, вы должны сами изъявить волю на посмертное донорство в случае, если вы можете быть потенциальным донором. А иначе у вас нет морального права пользоваться органами другого человека».

А ещё она же в октябре 2013 г. в докладе «О выполнении публичной декларации целей и задач» озвучила намерение Минздрава «снизить число новорожденных с пороками в 2 раза». Снизить число новорожденных можно только одним способом — не дать им родиться.

Впрочем, всё это тоже уже есть в мире: в Бельгии каждый человек, запретивший использовать свои органы для трансплантации, находится в соответствующей базе данных, и пересадку при необходимости ему делать не будут.

«А кто не купит лотерейный билет — отключим газ». Или можно перестать платить пенсию, ну, или ещё что-то придумать.

Мир на пороге самоуничтожения

В мире нарастает движение за легализацию торговли органами — мол, это мощный стимул для отрасли. Бизнес более чем прибыльный: продажа почки — 3 тыс. долларов, покупка — до 200 тыс. долларов. В торговле своими органами лидируют Молдавия и Индия. В селах Молдавии часты случаи — один из членов семьи отправляется на «отдых» в Турцию, возвращается без почки, после чего семья покупает новый дом и машину. Усыновление детей в Молдавию объявили незаконным из опасения получения детей для этой цели. Индийские крестьяне также нередко продают свою почку — чтобы рассчитаться с долгами или собрать приданое дочери.

Трупное донорство уже не удовлетворяет растущий рынок — всё громче звучат голоса о создании платных программ живого донорства.

На конгрессе «Этика в трансплантации органов», прошедшем в середине декабря 2013 г. в Мюнхене, впервые обсуждалась тема материального стимулирования. Один из участников конгресса, директор Института хирургии и трансплантологии АМНУ (Украина) профессор Валерий Саенко заявил: «При этом речь идет не о подпольных операционных гдето в подвале или других неприспособленных помещениях. Есть, скорее всего, отдельные клиники или части отделения,

куда ограничен доступ, но операции проводятся на соответствующем уровне. Единственное отличие — плата не только за операцию, но и за донорский орган».

«Части отделения, куда ограничен доступ», но где платят «не только за операцию, но и за донорский орган» — это сильно! Это вам не «подвал для разборки человека».

Как мы понимаем, на Украине это всё уже не только существует, но и вызывает зависть и желание также припасть к источнику материального вдохновения здесь, в России. На законном основании.

Как там, в рекламе? «Вы всё ещё верите в идеалы? Тогда мы идём к вам».

Посмертное донорство — доблесть или непотребство?

Когда нам говорят о том, что отдать свой орган страждущему — это наш долг, наше служение и признак порядочности; что в США все желающие клеят себе на права маленькое сердечко в знак того, что готовы стать донорами, хочется задать призывающим «записаться в доноры» несколько вопросов.

Понимают ли они, что к дележу новой сферы уже приготовились трансплантологи, похоронный бизнес, дельцы разного пошиба и различных взглядов на закон и порядок? Отдают ли они себе отчёт в том, что информация о человеке, о его согласии и о состоянии его органов поступит в чьё-то владение, которое не подлежит никакому контролю? Информированы ли они о реальном механизме изъятия органов при посмертном донорстве? Готовы ли они, чтобы их родственника или, упаси боже, ребёнка, попавшего в аварию, не спасали в реанимации, а «кондиционировали его органы» до приезда бригады трансплантологов и без наркоза разобрали бы ещё живое теплое тело на 6—8 кусков? Знают ли они, что у этих «кусков» (печень, почки, сердце и пр.) уже есть определённая стоимость? И что рынок жаждет товара? Искренне ли они верят, что трансплантология — «самая некоррупцированная» сфера нашего здравоохранения?

Стоит ли продолжать вопросы?

Картина, разворачивающаяся на наших глазах, не имеет ничего общего с жертвенностью и заботой о ближних — её можно назвать только безумием и бесовщиной.

Лечебная медицина, ввиду её затратности, подлежит редуцированию (сокращению) и замене на более рентабельную трансплантологию. Но разве это мы придумали, что теперь миром правит «принцип экономической целесообразности», то есть «всё — на продажу»?

Человеческая жизнь стремительно обесценивается. Происходит глумление над смертью. Создаётся система торговли частями человека. Человеческим мясом. Человечиной.

Жертвами изъятия органов в первую очередь станут люди, за которых будет некому вступить — одинокие, бедные, юридически неграмотные. В общем, всё, как в ситуации с ювенальной юстицией. Хотя, как показывает опыт, и наличие родственников ничего не изменит: два часа без контроля близких в реанимации — и всё, получите вашего больного на несколько килограммов легче.

Мы пока ещё можем обманывать себя, что этого ничего нет. Крепко жмурить глаза. Говорить красивые слова. Но это скоро пройдёт. И в жизнь вступит суровая реальность, в которой будет всё наоборот. И вот когда мы решимся, наконец, оглядеться, то увидим, что прежних людей больше нет, а есть только лихие купцы, кружащие вокруг в поисках «мяса» и бросающиеся безо всякого стеснения на любого, с кем приключилась беда и кто уже не сможет себя защитить.

А мы, которые когда-то могли что-то сделать, но молчаливо согласились с безумными планами, стали только временным вместилищем ценных органов, и теперь просто обязаны побыстрее отдать их кому-то, кто сильнее, наглее и напористее нас.

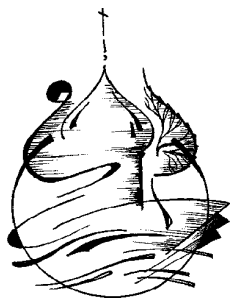
Имеющий уши да услышит.

СТРАТЕГ

Первые шаги по созданию корпорации были сделаны совершенно случайно еще в конце восьмидесятых годов. Тогда Владимир Махлай выпросил в Министерстве химических удобрений девять миллионов долларов на строительство кирпичного завода, — для возведения жилья работникам предприятия. Десять лет в Комсомольском районе Тольятти стояли готовые фундаменты под жилые дома, но никто ничего там не строил. По фундаментам «выбить» кирпич было практически невозможно. Махлай попытался наладить поставки через кирпичный завод, договорился с директором, что возьмет один их цехов на себя, обещая во всем помогать заводу. Все, казалось, решилось прекрасно, да только придется Махлай — ему отгрузят кирпич; уедет — грузят другим. «Что же, мне тут целыми днями сидеть?» — спросил, наконец. «А вы бы нам выбили необходимое оборудование». И он ездил в Москву, объяснял, договаривался, зво-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2015 г.

ПОДВИЖНИКИ

нил в Казахстан, где изготавливали оборудование для кирпичных заводов. Потом решил, что это уж слишком!

Он облетел чуть не всю Европу, интересуясь, где и какие предлагают заводы, желательно с меньшей механикой, чтобы не мучиться после с ремонтом. Увидев, что на кирпичных заводах там производят еще черепицу, глазурованную плитку, фритту и санитарный фаянс, у него дух захватило: какие возможности! Остановил свой выбор на испанской фирме «Аджимак».

В Министерстве минудобрений Махлая приняли жестко. Зачем вдруг кирпичный завод? Но он добивался упорно.

— Тогда уж купите завод в какой-нибудь из соцстран, это будет дешевле.

— Они на БАМе двадцать заводов построили, и ни один не работает.

После хождений и всякого рода дискуссий Махлаю наконец разрешили закупку. В Испании — технологии и оборудование, в Канаде — модуль под производство.

Специалисты провели изыскания глины. Нашли ее на участке одного из колхозов Самарской области — такую, как надо, и в изобилии. Здесь и начали строить завод, лучший, пожалуй, в Советском Союзе. Ушло на строительство полтора года, в то время как кирпичные заводы строились тогда по две пятилетки. Тут Владимиру Николаевичу аплодировали даже его недоброжелатели.

Из нового кирпича он построил колхозникам баню, а тем, кто участвовал в возведении завода, выдал премиальные кирпичом для строительства дач.

Вскоре наладили выпуск фритты, глазурованной плитки; следом пошла черепица.

Как нельзя кстати пришелся завод в период раздела государственной собственности! Газовики, подписав с ТоАЗом десятилетний контракт, быстро стали нагнеть: сначала урезали газ на сорок процентов, и однажды на целых полмесяца совсем прекратили подачу. Несмотря на кошмар, ТоАЗ всё это вытерпел. Не клячил Махлай по кабинетам газовых боссов, но и за газ не платил, — ТоАЗ держался кирпичным заводом. Газовикам, хочешь не хочешь, пришлось прекратить беспредел.

Надо было решать и с «Волгапромгазом», исключить это промежуточное звено из схемы газоснабжения завода. И руководство ТоАЗа придумало: перейти на газ давлением в сорок атмосфер. Одновременно бы предприятие освободилось от содержания и обслуживания дожимающих компрессо-

ров. Внешне идея была проста: дать на завод газ из магистральной трубы. Но, во-первых, от магистральной линии надо тянуть двенадцатикилометровую линию высокого давления, а во-вторых, и главное, переделать технологию производства.

И всё же за год с этой проблемой справились. Прошли в московских кабинетах эпопею с подключением трубы, и — газ пошёл! Причем, не коммунальный, как было до этого, а природный.

Когда узнали в самарском «Волгапромгазе», там случилась истерика: их завышенные тарифы уже не касались ТоАЗа, а значит, фирма лишалась огромных средств, поскольку круглые сутки завод потреблял у них газ сотнями тысяч кубов. К тому же фирма лишалась дотаций завода, которые при перекрестном финансировании позволяли держать цены на газ для услуг населения в определенных рамках.

«Злодейство» Махлая по отношению к жителям Самарской области местная пресса расписала с размахом! Оказалось, что сугубо по его вине увеличены цены на коммунальный газ!

Но ТоАЗ сумел укоротить даже украинские аппетиты: на предприятии появились запасные непрофильные производства, позволявшие выживать в любых условиях.

Тогда начались нападки с другой стороны. Клятвы Гайдара—Чубайса на построение рыночных отношений, создание класса собственников, оказались красивой ширмой: истинной целью было уничтожение народных директоров, на которых держалась экономика регионов. Реформаторы—«патриоты» широким фронтом пошли на Махлая! Ко всему, в Министерстве минудобрений на Владимира Николаевича точили зуб: после приватизации «Тольяттиазота» руководство Самарской области предложило коллективу ТоАЗа контрольный пакет: область была довольна, что все доходы остаются в регионе.

— Как такое могло случиться?! — Ответственный министерский чиновник вызвал Махлая в Москву.

— Это решение руководства области.

— Нет, оно ни при чём, ты лично будешь отвечать за содеянное!

С тех пор эта угроза исполняется чётко: все проблемы с внешним миром, силовыми структурами, органами федеральной исполнительной власти, фискальными органами, инициируются бывшими высокопоставленными чиновниками Минудобрений, которые еще надеются отыграть всё назад.

Из Интернета, 18.03.2005 г.:

«В 1992 году «Тольяттиазот» стал одним из первых предприятий России, где была проведена приватизация. Сегодня понятно, что завод мало что ушел из рук государства в частные руки за бесценок, так еще и с явными нарушениями. По оценкам, мелькавшим в прессе, в дальнейшем полный контроль над уникальным предприятием позволил директору укрыть от налогообложения десятки миллионов долларов. Таким образом, получается, что впервые на открытое нарушение законов Махлай пошел еще 15 лет назад.

Одновременно с этим рос пакет Махлая в «Тольяттиазот». Понимая, что рано или поздно о происхождении денег на акции могут спросить, бизнесмен даже обзавелся венгерским паспортом. Попытки проследить происхождение этого документа ни к чему не привели! Нигде нет ни заявления на получение паспорта, ни отметки о его выдаче, ни отказа Махлая от российского подданства. Наверное, сегодня, проходя через паспортные контроли, «венгр» из Поволжья в душе хохочет над российскими пограничниками...»

Авторы, очевидно, ни на миг не задумались, что, пороча Махлая, порочат Россию. Вдуматься только: госбезопасность не могла проследить происхождение незаконного загранпаспорта! Один из крупнейших заводов ушел из рук государства, и государство не знало о том до самой этой статьи!

Такие выпады начались практически сразу после приватизации «Тольяттиазота» и могли выбить из колеи любого, только не Владимира Николаевича. Несмотря ни на что, он расширял производство, строил жилые дома и объекты соцбыта. До его назначения на ТоАЗ предприятие не имело ни собственных детских садов, ни школы, ни медсанчасти, ни детского лагеря отдыха. Он успел их построить еще до развала Союза. Теперь же всё это забрали в муниципальную собственность. Но что уходит туда, то и гибнет, поскольку заботы чиновников — сделать себе карьеру, а если не выйдет, то выслужить льготную пенсию. Отнятые у ТоАЗа процветающие учреждения быстро пришли в упадок. А предприятие... заново строило всё. И строило тогда, когда другие предприятия страны полностью прекратили всякое строительство!

Видя, что в продуктовых магазинах пусто, ТоАЗ предложил двум захиревшим колхозам в Самарской области войти в корпорацию. Разрешения на «неординарную сделку» пришлось добиваться аж на уровне руководства страны!

Однако тоазовцы убедили: привлечение европейского опыта в российской глубинке даст отличные результаты.

Махлай пригласил из Швейцарии специалистов, и ТоАЗ учредил российско-швейцарское предприятие, взяв на себя государственную обязанность поддерживать отечественного производителя сельхозпродуктов. Из прибыли от продажи аммиака и кредитов выделил крупные инвестиции на внедрение прогрессивных технологий земледелия и животноводства, хотя пришлось поменять руководство, которое при поддержке высших чиновников решило красть что ни попадя.

В короткие сроки фермерский комплекс стал мощным сельскохозяйственным центром. Шесть тысяч гектаров земель, чуть не триста работников, пятьдесят тракторов и комбайнов, молоковозы, грузовые и легковые машины. К тому же с приходом в самарскую глубинку, ТоАЗ обеспечил газификацию сёл, строил дома, а для ветеранов труда построил пансионат.

Махлая, естественно, «отблагодарили»: губернатор Самарской области посоветовал агрофирме выкинуть его из числа собственников. Правда, совет так и остался советом.

Продукция комплекса шла нарасхват, доход от продаж вкладывался в производство. Фермеры купили немецко-австрийский колбасный цех, установку по выпуску макаронных изделий, освоили производство подсолнечного масла, занялись элитными семенами и пчеловодством. Половина продукции поставлялась в столовые корпорации «Тольяттиазота». ТоАЗ, в свою очередь, поставлял агрофирме минеральные удобрения, «сухой лёд» для хранения мясомолочных продуктов, построил несколько магазинов.

Тут либеральные СМИ скромно помалкивали, хотя должны бы кричать о примере ТоАЗа, потому что колхозы России, а с ними и села и люди, гибли: зерновые поля зарастали бурьяном, крестьяне спивались техническим спиртом, мясо и молоко страна закупала за рубежом.

Идея сильна сподвижниками. Загоревшись, они настойчиво и планомерно внедряют ее в жизнь. Таким сподвижником был Владимир Николаевич Махлай. Видя, что в мебельных магазинах пусто, что в дефиците уже обыкновенная табуретка, он придумал создать мебельный цех на ТоАЗе. Продукцию разбирали махом. Для расширения этого производства Махлай за полторы тысячи километров от Тольятти, в Вологодской области, «поднял с полу» развалившийся комбинат древесно-стружечных плит — некогда лучший в СССР.

Администрация Шекснинского района, на чьей территории был комбинат, не чинила препятствий, не приходилось ходить по инстанциям, утрясая сотни проблем. ТоАЗ закупил немецкое оборудование, доставил на комбинат, а тот обязался за счет своих средств выполнить строительство, установку и приступить к эксплуатации.

Однако нашлись «прозорливые» люди, внушили работникам комбината, что Махлай озабочен лишь собственной выгодой, и коллектив малодушно поддался. Было «забыто» о договоре с ТоАЗом, начался скандальный делёж, нахватили кредитов, и в результате комбинат «лег на бок». Жили целых три года на подножном корму, питались с собственных огородов, ходили в том, что в свое время сумели приобрести.

Приехал Махлай и поставил вопрос ребром:

— Я с вами готов сотрудничать, если войдете в состав корпорации «Тольяттиазот». В противном случае я ищу другую промплощадку.

На собрание был приглашен весь коллектив. Без колебаний решили стать одним из цехов ТоАЗа, потому что к «лежащему» предприятию уже приноравливались ловкие перекупщики.

ТоАЗ погасил долги комбината, оплатил установку немецкой линии, завез лес и смолу и запустил производство. В поисках нужного леса Махлаю пришлось немало поездить: выбирал лучшие варианты в смысле качества и цены. А когда решалась проблема поставок смолы, он с директором комбината объезжал трое суток поставщиков. Без гостиниц, без торжественных встреч и проводов. Ели и спали в машине.

Дело сдвинулось с мертвой точки. Комбинат становился на ноги. Присовокупил к немецкой линии три свои прежние. Начали строить цех смол, чтоб не зависеть от внешних поставок. Но время было упущено, пустые некогда магазины успели наполниться импортной мебелью, пришлось соответствовать серьезным мебельным фабрикам, налаживать деловые связи и заниматься поиском потребителей.

Владимир Махлай не вмешивался в дела комбината, но подсказки давал и ненавязчиво учил жизни. Привозил с собой бизнесменов и финансистов, они говорили о том, как решают свои проблемы, говорили молодому директору комбината, что прочитать и что посмотреть. В итоге были запущены линии ламинирования, сократилось использование энергоресурсов и газа, комбинат реконструировал речной

порт. Через год построили 100-квартирный дом, еще через год — 90-квартирный, решив таким образом проблему жилья для работников предприятия. Зарплата на комбинате вошла в стабильное русло, плюс бесплатный проезд на городском транспорте, плюс компенсация по оплате жилья и бесплатное питание во время работы.

— Каждый год нужно делать шаг вперед, — убеждал коллектив Владимир Махлай. — Я во всем поддержу!

И делали: шаг за шагом. Компетентность и ответственность, так ценимые в людях Владимиром Николаевичем, в полной мере были теперь относимы к руководству Шекснинского комбината.

ТИАП — Тольяттинский институт азотной промышленности, вошедший в корпорацию «Тольяттиазот» и созданный на базе Государственного Института азотной промышленности, осуществлял комплексное проектирование гражданских и промышленных отраслей. Благодаря ему и специалистам ТоАЗа была разработана безотходная технология получения малотоксичной смолы, которую стали варить в одном из цехов комбината. Это давало возможность производить все виды плит, необходимых в строительстве и мебельной индустрии. А внедрение новой технологии получения КФК — основного компонента смолы — сделало производство плит практически безвредным. Это было крупным научным достижением и применялось впервые в России!

Продукцию комбината стали закупать от Калининграда и до Камчатки.

Изменения в государственном устройстве и укладе жизни были для Владимира Махлая лишь фоном, на котором разворачивалась его деятельность. Он использовал любые точки приложения, мудрил, конструировал... Придумал создать на ТоАЗе сборочный цех по выпуску телевизоров и видеомагнитофонов «Самсунг». Собрали свыше пятидесяти тысяч, обеспечив дефицитным товаром и корпорацию, и город Тольятти. Начали сборку «Икарусов». Два подарили Губахе, к радости жителей города. Поставляли автобусы для Тольятти и Самары — в долг и по льготной цене. Но тут получилось накладно: администрации не спешили с расчетом, производство стало убыточным, и пришлось от него отказаться. Зато в Европе Махлай увидел автобусы для экскурсий! Большие, просторные, со специальным отсеком для багажа и где ребята могли бы играть во время дол-

гой дороги. Срочно купил для ТоАЗа! Построил для путешественников гостиницу в Петербурге.

Но какими страшными для Махлая были девяностые годы! На смену партийным выволочкам пришли карательные тарифы на железнодорожные перевозки, на транзит продукции ТоАЗа через Украину, на электроэнергию, газ... Кроме того, мрачный тон задавали неплатежи, ужасающая инфляция и отсутствие для подавляющего числа предприятий каких-либо инвестиционных перспектив. Годами представители ТоАЗа обивали пороги министерств и правительства, писали письма с просьбой вникнуть в проблемы завода, между прочим, отечественного производителя минеральных удобрений!

Кредиты в западных банках давали с большой неохотой, в малых размерах и под драконовские проценты. Но выбирать было не из чего.

ТоАЗ отчетливо выделялся стабильностью среди других предприятий страны, а стабильность — важнейший фактор для ведения серьезного бизнеса. Доказав свою самостоятельность, предприятие получило доверие крупных западных банков. И все же, когда грянул августовский кризис 1998 года, банкиры вежливо попросили Махлая вернуть выданный ими кредит. Досрочно. Ни много ни мало сорок миллионов долларов.

Это было сильным ударом! Деньги были пущены в производство, и сразу собрать необходимую сумму не представлялось возможным. После выматывающих объяснений и переговоров банкиры отсрочили выплату на три месяца.

Как выкручивался ТоАЗ, одному богу известно, но долг погасили в срок. А через два месяца Владимиру Николаевичу позвонил управляющий одного из европейских банков, предложив рассмотреть ситуацию по кредитам. Это была победа! Махлай пригласил его на завод, банкир до тошно всё осмотрел и остался доволен. По отъезду банкира ровно через два дня ТоАЗ получил тридцать пять миллионов долларов. Первый послекризисный кредит. Никому еще не давали.

Дальше — удалось наладить партнерство с Лондонским банком.

Полученные кредиты и прибыль ТоАЗ направлял на модернизацию оборудования и внедрение новых технологий. Для экологических замеров еще в 1993 году приобрели в США уникальную передвижную лабораторию. (Вторая такая лаборатория появилась в России только в 2012 году — в

Москве). Управляемая компьютером, она за четыре минуты улавливала все виды воздушных загрязнений, передавая их характеристики в заводскую диспетчерскую службу. Нигде по России не было ничего подобного. Лабораторию у ТоАЗа стали просить заводы Самарской области, просил и город Тольятти. ТоАЗ никому не отказывал.

Предприятие стало лидировать в мировом производстве аммиака. Чтобы грамотно и с перспективой вести эту грандиозную деятельность, часть сотрудников обучалась непосредственно за границей.

ТоАЗ приобрел «Волгоцеммаш» — разоренный завод с почти миллиардным долгом. Владельцы с радостью его сбывали! Когда-то этот завод являлся одним из крупнейших в СССР, продукцию «Волгоцеммаша» знали не только в строительной индустрии, но в горнорудной, химической отраслях, на объектах Минэнерго и углепереработки. Оборудование с маркой «ВЦМ» поставлялось в десятки стран мира. После развала СССР, когда родное правительство оставило предприятия без оборотных средств, назвав этот шаг шоковой терапией, «Волгоцеммаш», как и тысячи крупных и мелких заводов страны, от этого шока так и не оправился.

Программа выхода «Волгоцеммаша» из кризиса разрабатывалась при участии тоазовских специалистов и под руководством Махлая. «Мы верили в победу, и эта вера давала нам силы преодолевать трудности, не опускать руки», — скажет потом Владимир Николаевич.

Через полгода на «Волгоцеммаше» ввели арбитражное управление, используя шанс отсрочить банкротство. Сохранив репутацию старейшего машиностроительного завода, предприятия вступило в новую фазу развития.

Но не всё было гладко, приходилось менять директоров. Дорвавшись до денег, они забывали о предприятии и начинали заботиться о себе самих. Махлай потрясен был человеческой подлостью! Один из директоров был его соседом по дому, товарищем, ходили друг к другу в гости... Но еще больше был потрясен, когда этот самый сосед и товарищ начал писать о нём гадости.

Руководство корпорации приняло решение: проводить деятельность «Волгоцеммаша» в рамках интеграции. Это был беспроигрышный вариант. Цементная индустрия вновь заявила о себе как об отрасли, высоко востребованной рынком!

Еще одним достижением корпорации стало вхождение в нее завода «Азотреммаш» — единственного в России многопрофильного предприятия по изготовлению запчастей к

импортному оборудованию крупнотоннажных агрегатов, выпускающих минеральные удобрения, а также для предприятий нефтехимии, нефтепереработки и энергетики. ТоАЗ приобрел солидную ремонтную базу. Свыше пятидесяти предприятий агрохимической промышленности России и стран СНГ стали потребителями продукции завода. Кроме того, «Азотреммаш» активно сотрудничал с ведущими научно-исследовательскими и проектными институтами страны.

Владимир Николаевич Махлай был первопроходцем. Он создал то, о чем другие и не мечтали. Корпорация «Тольяттиазот» стала своего рода «государством в государстве». Со своим президентом, «министерствами», «ведомствами» и «комитетами». Сложный механизм со стройной системой управления.

Все предприятия, входящие в корпорацию, имели офисы на производственных площадках и головной офис в Тольятти. Кроме того, в Тольятти разместились принадлежащие корпорации Тольяттихимбанк инвестиционная компания «ТоАЗ-Инвест», Негосударственный пенсионный фонд «Титан», страховая компания «Волга-полис» и ряд других структур.

Представительства корпорации появились в Москве и Петербурге, где президент и топ-менеджеры стали проводить встречи с зарубежными и российскими партнерами и инвесторами. А поскольку ТоАЗ основную часть продукции отправлял на экспорт, у завода за рубежом также появился ряд офисов.

Владимир Махлай не знал, что такое тусовки бомонда, никогда на них не бывал, хотя самарские господа его попрекали за это и выставляли зазнайкой. Весь его интерес был в работе, в результатах ее. Однажды за трое суток облетел Европу, побывав на родственных предприятиях, — 44 взлета-посадки!

Никаких осложнений и трудностей он не боялся. Часто шел напролом, наживая себе врагов. Не поддавался указам, если считал их вредными для людей. В то время как другие крупные и не крупные предприятия лакейски угождали правительственным реформам, ликвидируя подсобные хозяйства, пуская под нож даже стельных коров, он развивал при ТоАЗе овощеводство, животноводство, выращивание зелени и грибов. Все заводчане без исключения могли покупать мясо и другие продукты по льготной цене.

Корпорация выпускала металлопластиковые двери и окна, полиэтиленовую плёнку, разрабатывала мраморный

карьер на Урале... Владимир Махлай полагал, что если западные корпорации одновременно выпускают истребители и детские игрушки, не испытывая ни малейшего дискомфорта, то «Тольяттиазот» тоже ничем не должен пренебрегать. Нужно сделать — и делали. Зато коллектив обеспечен бытовой электроникой, вазовскими малолитражками, служебным транспортом для поездок по области и стране; за 50 долларов человек может провести отпуск в санатории на берегу Волги. Беременным женщинам предоставлялся дополнительный оплачиваемый месяц к родовому отпуску. На период по уходу за ребенком до достижения им трех лет выплачивалось ежемесячное пособие в размере минимальной заработной платы.

Социальная ответственность — главное, чем должен быть озабочен руководитель, считал Владимир Махлай. Это не было в нём какой-то социалистической закваской, это была его личная человеческая позиция. В нём органически сочеталось лучшее, что было в директорском корпусе советской эпохи, и всё достойное, что отличало управленцев рыночной экономики.

Молодые специалисты, вернувшись из армии, получали от корпорации пять тысяч рублей подъемных, неработающим пенсионерам выдавалась каждый квартал материальная помощь, ветераны войны и труженики тыла получали ко Дню Победы солидные премии. Негосударственный пенсионный фонд «Титан» выплачивал ушедшим на пенсию работникам корпорации десять процентов от их среднего заработка в течение трех лет.

Решая кадровые вопросы, предприятие не скупилось на подъемные молодым специалистам. Тем, кто отработал определенный срок, давались квартиры. Был заключён договор с тремя институтами, куда направляли молодежь, решившую связать свою судьбу с большой химией.

Да, среди разрушенной России «Тольяттиазот» был государством в государстве: сильным, перспективным и надежным.

Продукция ТоАЗа экспортировалась уже в 120 стран мира, но ситуация с Одесским портом и «трубой» всё еще оставалась крайне сложной. Отношения с некогда дружественной Украиной становились всё менее дружественными: ставку для россиян Украина увеличила в несколько раз по сравнению с установленной ставкой для своих производителей.

Владимир Махлай не понимал такой политики. Ну, развалился Союз, — но почему бы не притянуться друг к другу бывшим союзным республикам, не воссоздать общую систему, только совсем на иных, современных условиях?

Часть продукции ТоАЗ стал отправлять цистернами, однако в Горловке и Северодонецке их угоняли. В Одессе при перевалке аммиака на суда продукцию ТоАЗа задерживали умышленно, что означало простой и потерю двадцати пяти тысяч долларов в сутки за каждое судно. Однажды и вовсе угнали судно с аммиаком, обокрав ТоАЗ на миллионы долларов...

Не выдержав, Владимир Махлай обратился с открытым письмом к Председателю правительства России Виктору Черномырдину. Нет, он не жаловался на экономические трудности, на несовершенство законов и правил, затруднявших столь нужную и приоритетную для России работу на экспорт, но описал чёткую, хорошо спланированную акцию по выдавливанию российских экспортёров с мирового азотного рынка. Назвал конкретных участников опасной экономической авантюры. Прежде всего — американскую фирму IBE, с которой ТоАЗ некоторое время сотрудничал, как и многие другие российские предприятия, получившие экономическую самостоятельность, но не имевшие на первых порах прямого выхода на западных потребителей. А так как руководители IBE — Александр Ровт и Имре Пак (в прошлом жители СССР и соцстран) оказались мошенниками, похитив у ТоАЗа крупную сумму, отношения с ними были порваны. ТоАЗ обратился к услугам известной в США юридической фирмы, которая взялась подготовить судебный иск против Ровта и Пака, однако тот и другой продолжали нагло настаивать на сотрудничестве! Перешли на угрозы, стали публиковать в американской прессе клеветнические статьи против Махлая и его сыновей (Сергей занимался вопросами корпорации в США, Андрей — в Швейцарии). Но главное, IBE держала контроль над Одесским припортовым заводом.

Найдя поддержку в официальных кругах Украины, IBE спровоцировала Киев на передел американского рынка минеральных удобрений. Если учесть, что ТоАЗ уже заключил контракты с прямыми потребителями аммиака в Северной Америке и не имел права не выполнить своих обязательств, и если прибавить к этому небывало низкий уровень цен на продукцию, то угроза обвала азотного рынка виделась вполне реальной. Ситуация зашла слишком далеко, противоречия на азотном рынке между Украиной и Россией уже нельзя

было снят путём переговоров на уровне руководителей предприятий и ведомств. Владимир Махлай попросил поддержки у Виктора Черномырдина.

На следующий день после публикации письма одна из газет напечатала клеветническую статью в адрес Махлая. Статья почти целиком повторяла заказную статью Ровта в эмигрантской газете «Новое русское слово». А вскоре делегация от «Тольяттиазота» была приглашена в Киев для регулирования вопросов транзита аммиака. Однако ни о каком регулировании не было и помину, тоазовцев поставили перед фактом: тариф на транспортировку повышен в два раза, и повышение согласовано с российским руководством!

Всё это заставило предприятие искать новый путь сбыта, тем более что строился мощный агрегат по производству метанола — такой же, как Владимир Махлай построил в Губахе. Нужен был глубоководный незамерзающий порт. Построить наливную железнодорожную эстакаду в Россоши и железнодорожными составами гнать продукцию либо в Новороссийск, либо в Петербург, либо на Таманский полуостров. Стали исследовать эту проблему. Пришлось собрать коллектив из сотрудников ТИАПа и заводоуправления, ездить заводским автобусом от Тольятти до Россоши, от Россоши до Ростова-на-Дону, оттуда до Краснодара, от Краснодара до Темрюка и обратно в Тольятти.

Два года прошли в отыскании места. Возможность строительства порта появилась в Новороссийске: администрация Краснодарского края уступала ТоАЗу 12 гектаров земли. Однако участок тотчас же выкупил кто-то из местных дельцов и заломил за него ТоАЗу астрономическую сумму. Тогда Владимир Махлай сам облетел на вертолете Черноморское побережье, отыскивая не занятые участки. Нашел — на Таманском полуострове в бухте Железный Рог. Здесь можно было развернуть крупное государственное строительство! Построить причалы для отправки сухих грузов — зерна, древесины, калийной соли, серы, угля; и причалы для наливных грузов — аммиака, метанола, сжиженных газов и нефтепродуктов. Сделать железнодорожный выход к главной железнодорожной артерии: Краснодар — Волгоград — Самара — Челябинск с выходом на Транссибирскую магистраль с ответвлениями на Кустанай, Караганду, Балхаш, Актогай, с выходом на Китай. Как следствие, захудалый Темрюкский район превратился бы в торговый центр Черноморского побережья.

Вместе со специалистами Владимир Махлай объехал предполагаемые границы терминала, убедился, что земли

неплодородные, ничего никто не выращивает, и строить там тоже никто не строит. По сути — болото и свалка мусора.

ТоАЗ заключил договор на аренду земельных участков, хотя на Тамани дельцы сразу же поняли свою выгоду. Местная администрация навязывала Махлаю такие условия, чтобы в любую минуту имелась возможность расторгнуть подписанный договор в одностороннем порядке. Выдвигали ТоАЗу множество обязательств, и если бы предприятие что-то не выполнило, сразу начинало действовать право о расторжении.

Юристы «Тольяттиазота» не соглашались, писали бесконечные протоколы разногласий, ездили в Темрюк, обговаривали каждый пункт, выбирая для своего коллектива приемлемые условия. В итоге заключили договор, который устраивал хотя бы тем, что не противоречил гражданскому законодательству, то есть расторгнуть такой договор можно было только в судебном порядке.

После этой долгой и унижительной процедуры «Тольяттиазот» приступил к работе с экологическими инстанциями. Почти три тысячи страниц раздела «Охрана окружающей среды» получил «Экоцентр» в Москве. В этом солиднейшем экологическом центре страны реализовывались проекты на Башкирской, Балаковской, Южно-Украинской, Калининской, Костромской и Ростовской АЭС. На крупных региональных и городских тепловых станциях в ряде регионов. На нефтяных и газовых месторождениях европейской части России и Сибири. На месторождениях нефти и газа на шельфах Каспийского моря. В Охотском море на проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

Это серьезнейшее учреждение никогда не бралось за работу для сомнительных структур, а о Махлае и его корпорации негативно высказывались и газеты, и интернет. Махлаю выставили огромные требования! Однако он не испугался:

— Я понял, что пришел туда, куда мне нужно. Будем работать только так и никак иначе. Мы будем выполнять все ваши требования. Я на этой земле живу много лет, хочу сделать полезное дело, а не губить ее своими руками.

Любовь Бычковская, главный инженер проектов компании «Экоцентр МТЭА» Международной топливно-энергетической ассоциации:

— Далеко не все руководители предприятий хотят трагиться на экологию. Денег жалеют. А здесь мы увидели полное понимание. Сказали, что необходима перетрассировка

железнодорожной ветки с учетом охраняемых объектов — ТоАЗ беспрекословно эту работу выполнил. Сказали, что в Тамани нужны дополнительные очистные, Махлай ответил: «Сделаем». Привлек солидный проектный институт, и сделали.

Все без исключения решения по порту Тамань принимались корпорацией «Тольяттиазот» не с налета, не «с кондачка» — над ними работала масса профильных институтов. Проекты прошли еще экспертизы и согласования во всех надзорных государственных службах, и если бы кто-то захотел оспорить принятые ими решения и постановления, то это было бы безрезультатно. Экспертиза по бухте Железный Рог вообще была очень жесткой, но тольяттинцы учли все рекомендации и всё реализовали.

Была с украинской стороны проблема трансграничного переноса, поступало много запросов через МИД, в экспертизу. Оценки экологических последствий были признаны корректными и соответствующими требованиям природоохранного законодательства.

Кроме того, по заказу ТоАЗа мы разработали детальную программу экологического мониторинга и санитарно-гигиенического контроля на стадию эксплуатации объектов в порту Тамань.

Также по нашим материалам готовились данные для зарубежных банков, которые могли бы кредитовать возведение объектов в порту. Западные банки ни цента не дадут на проект, который наносит существенный урон природе или не имеет достаточно глубокой проработки мероприятий по требованиям национальных экономических служб.

Общественность в Темрюкском районе была информирована и о проекте, и о проработанной природоохранной работе.

И всё же в Темрюке экологи-общественники развернули массивную критику самой идеи строительства порта в акватории мыса Железный Рог. Пришлось приглашать иностранных специалистов для разрешения этой проблемы.

После ознакомления с проектом на месте специалисты Великобритании, Бельгии, Германии, Франции, Чехии и Швейцарии авторитетно заявили: среди ста пятидесяти подобных производств в мире будущий Таманский порт уникален по всем вопросам экологии.

Кроме заключения иностранцев, ТоАЗ получил заключение двадцати российских специалистов в ранге профессоров и академиков.

Только теперь «Тольяттиазот» смог приступить к обоснованию инвестиций, к предпроектным работам и к самому проектированию. Параллельно — к строительству порта. Более десяти проектных институтов были привлечены к разработке документации. Среди них — Союзпортпроект, Всероссийский научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт кабельной промышленности (ВНИКП) — один из старейших в стране.

Проект перевалочного комплекса на мысе Железный Рог прошёл на всех уровнях, включая районные, краевые и федеральные инспектирующие организации. Предусмотрено было даже создание портового флота: суда для вывода океанских танкеров в акваторию порта были закуплены корпорацией «Тольяттиазот» на судостроительных верфях Петербурга.

Леонид Иванович Кисилёв, член Совета МПО ОАО «Газпром»:

— Всё делалось враз в одно время. Махлай все заводы и производства, которые построил, а их около двадцати шести по России, строил по принципу: строить надо параллельно с проектированием. Мне было дано указание возглавить сопровождение проекта.

Работал я в контакте с вице-президентом корпорации «Тольяттиазот» Виктором Пашенко, высокообразованным человеком, до тонкостей знающим химическое производство. Моей первой задачей было убедить правительство Краснодарского края в целесообразности порта. Тогда губернатором был Николай Кондратенко, с которым я работал, будучи еще председателем райисполкома Темрюкского района.

Сначала я пришел к губернатору один. Кондратенко был категорически против, кричал и топал ногами, говорил, что мы хотим привести в Краснодарский край атомную бомбу! Я привлек к моим «заходам» Виктора Пашенко. И только благодаря ему смог убедить губернатора, который был ключевой фигурой и от которого всё зависело — открыть «шлагбаум» или нет. Но не сразу смогли убедить, хоть Пашенко популярно объяснил, что аммиак не взрывается, не горит, что он летучий.

После нашего визита Кондратенко перечитал гору литературы по теме: мировая статистика, транспортировка и перевозка морем. Узнал, какова ценность и необходимость всего этого в мировом масштабе. И всё равно схитрил: «шлагбаум» для «Тольяттиазота» был только полуоткрыт,

чтобы держать на крючке Махлая и его фирму. И чтобы в любой момент можно было сказать «до свидания».

Но Махлай был согласен на всё. С точки зрения мореходства у окраины Таманского полуострова были значительные преимущества: открытая акватория без прохода через пролив. По климатическим, социально-экономическим и геополитическим условиям Тамань как нельзя лучше подходила для создания там портового комплекса. Не останавливала Махлая даже информация о том, что со времен войны в бухте на дне осталось немало неразорвавшихся снарядов, мин и бомб. Он заказал и оплатит работы по обезвреживанию дна. Трижды военные специалисты обследовали морское дно, находя и подрывая боезапасы Второй мировой войны.

Вместо благодарности, экологи и «зеленые» забрасывали яйцами рабочих и руководство строящегося порта. При нищете, которая царила в поселках Таманского полуострова, при безработице — тысячи куриных яиц были непостижимой роскошью. Полагая, что запугали строителей, «энтузиасты» кинулись в офис с решительной целью ликвидировать всю документацию. Когда это не удалось, несколько человек приковали себя наручниками к двери.

Либеральные СМИ получили очередную возможность наклеветать на Махлая:

«12 сентября нынешнего 2000 года в статье «Аммиачный загар» мы подробно рассказали об амбициозном и экологически опасном для всего Причерноморья проекте под названием «Морской торговый порт «Железный Рог». Первые шаги строителей по таманской земле вызвали бурю негодования среди российских экологов и «зеленых», которые единодушно утверждают, что для такого опасного объекта строители выбрали самое неудачное место. Породы, из которых состоит полуостров, по свойствам и строению очень неустойчивы и не годятся для строительства. А что касается входа в залив, через который будут проходить огромные танкеры, то он вообще «плавающий» и рельеф дна в нём постоянно меняется.

Не следует забывать и о том, что на Таманском полуострове расположены многочисленные археологические памятники. Тут сохранились единственные в России остатки поселений античной греческой цивилизации. Здесь находится более 500 курганов и около 200 древних поселений. Стройка уже уничтожила 11 древних курганов и 2 античных поселения. Комитет по охране историко-культурных ценностей Крас-

нодарского края предъявил иск строителям за нанесенный ущерб на сумму свыше трех миллиардов рублей.

А самое главное: смертельная опасность угрожает людям, проживающим поблизости от терминала. Аммиак — особо опасное отравляющее вещество, попадание даже небольшого его количества в верхние дыхательные пути приводит к тяжелым ожогам и развитию астмы.

Добавим, что несколько километров, отделяющих российский берег от украинского, для отравы не преграда. Специалисты Украинского научного центра экологии моря, Министерства экологии и природных ресурсов также полагают, что строительство терминала может нанести крупномасштабный ущерб рыбным ресурсам северо-восточного шельфа Черного моря, что негативно отразится на добыче рыбы украинскими рыбаками.

Бывший глава администрации Таманского округа, а ныне активист казачьего движения Геннадий Майков в августе прошлого года в интервью радио «Свобода» заявил, что «проектная документация «Тольяттиазота» не только не прошла настоящей экспертизы Госкомэкологии, но нет даже согласований с достаточным количеством комитетов краевого уровня. Разумной альтернативой возможному бедствию, по мнению «зеленых», является создание на Таманском полуострове национального курорта России. Эту идею выдвинул г-н Майков в открытом письме президенту РФ Владимиру Путину.

А теперь пора ответить на самый главный вопрос: а так ли нужен России порт «Железный Рог»? Российские бизнесмены упорно не хотят обнародовать одну немаловажную новость. Дело в том, что с 15 июля нынешнего года приказом ГНА Украины был резко снижен тариф на транспортировку российского аммиака по трубопроводу «Тольятти—Одесса». Так что главная проблема, из-за которой «Тольяттиазот» взялся за реализацию проекта порта «Железный Рог», с повестки дня снята».

Как видно из этой статьи, волновали экологов и «зеленых» не столько породы, из которых состоит полуостров Таманский, не столько курганы и древние поселения, сколько выгоды господина Майкова и выгоды Украины, которой никак не хотелось лишиться дойной коровы — ТоАЗа. Ссылки на украинские рыбные промыслы были поистине смехотворны, поскольку точно такой же порт, какой планировался в бухте Железный Рог, уже двадцать лет существовал в Одессе, и украинская сторона ничего не имела против.

И ни слова в статье не было сказано об инфраструктуре Тамани, где канализация была только в самом Темрюке, а об очистных сооружениях и не мечтали. Экологи и «зеленые» не считали это опасным для жизни людей.

Работа в порту шла напряженно. Ставили ограждения, ремонтировали арендованную базу отдыха, чтобы приезжим специалистам было где жить. Шла поставка строительных грузов, был построен бетонный завод. От рёва всевозможной техники рабочие порой сами себя не слышали. Однако местные жители были рады: «Благослови, господи, стройку! Будет работа у наших мужчин, а то ведь семьи рушатся!»

У «Тольяттиазота» был достаточный опыт реализации новых проектов, но порт Тамань был самый дорогой и самый масштабный. А главное, расположен порт далеко от Тольятти. Тем не менее корпорация рассчитывала преимущественно на собственные силы: к стройке были привлечены все главные специалисты и рабочие завода. Помимо них — несколько подрядных организаций, набравших работников среди местного населения.

Французы разрабатывали проект терминала жидких продуктов, датчане проектировали склады и галереи для сыпучих продуктов. Не вылезали со стройки банкиры западноевропейских банков, которые еще не решили с кредитованием. Их не смущали ни плохая погода, ни плохие условия быта. Нет отопления? Ничего... Надо стакан в руках отгреть, чтобы напиться воды? Отогреем... Привыкшие мыться под душем два раза на дню, здесь они спали одетыми, напяливая на себя всё, что было в наличии, а по утрам умывались ледяной водой. Смеялись, хвалились друг перед другом своей выносливостью. Несмотря на отвратительную погоду, их возили на встречи с жителями поселка Волна.

— Школу-десятилетку нам надо, — просили люди. — На порт надемся. Будет работа у молодежи, и будет расти поселок.

Возили банкиров и в музей краеведения, где сотрудники убедили их, что котлованы на стройке ничуть не затронули археологических объектов, как обвиняли Махлая газеты. Впрочем, банкиры отлично знали, что такое либеральные СМИ: либерал при любых обстоятельствах будет к услугам — как носовой платок.

Банкиры смогли убедиться на месте, что объект безопасен, и поняли еще очень важную вещь: возглавить осуществление такого грандиозного строительства, взвалив на себя всю ответственность, мог только очень сильный, уверенный в себе человек.

Л.И. Киселёв:

— Махлай привел в бухту Железный Рог все лучшие технологии, какие только есть в мировой практике. Было сделано свайное поле до 20 метров глубиной. На это поле положили специальное африканское дерево, а на него были поставлены титановые емкости. Нет нигде в мире, чтобы такие емкости делались из титана. Причем, с просветом внутри, двустенные, что обеспечивало полнейшую герметичность. (Эстакады и двустенные титановые ёмкости были сделаны по проектам Владимира Николаевича Махлая.)

Но в бухте у мыса Железный Рог появились вдруг и другие компании, и они превратились в наших оппонентов. Стали оппонентами также некоторые организации Крыма, хотя все разговоры о том, что наше «циклопическое» сооружение может перевернуться и пролиться — это лишь выдумка некомпетентных людей. Технологии Махлай взял у англичан, а строили китайцы. Не те китайцы, что на рынках торгуют, а настоящие специалисты своего дела!

С китайцами поначалу были проблемы. В России их воспринимали сугубо как торгашей, и представить, что едут совсем не они, а те, кто уже построил в Китае терминал, аналогичный Таманскому, было почти невозможно. Но это были опытные монтажники, сварщики и инженеры.

По вопросу строительства железнодорожной ветки Владимир Махлай лично договорился с командованием железнодорожными войсками Краснодарского края. Для военных это был первый в их практике заказ, когда строительство осуществляло не государство, а частная корпорация. Получив необходимый проектно-сметный документ, два батальона железнодорожных войск приступили к работе.

Протяженность железнодорожной ветки от станции Вышестеблиевская до поселка Волна, где строился порт, составляла свыше тридцати километров, а вместе со станциями и тупиками — около пятидесяти. Строительство полностью финансировалось корпорацией «Тольяттиазот». Поставка всех необходимых материалов и оплата труда осуществлялись заказчиком.

Строили параллельно с изысканием и проектированием. Трасса железной дороги проходила среди сплошных виноградников, и это требовало особенно бережного отношения: срез плодородного слоя не портили. Серьезно решался вопрос и с археологией. По настоянию археологов рота солдат раскопала два кургана, в которых действительно обнару-

жились предметы древности.

Но тут начались проблемы с песком. Власти Темрюкского района предложили возить песок из определенных карьеров, заломив военным за каждый куб 30 рублей. Это было чудовишно! Выручила агрофирма в станице Вышестеблиевской — «Тольяттиазот» поставлял в Темрюкский район легковые автомобили, автобусы, удобрения, и с агрофирмами были хорошие отношения. Нашлись местные залежи песков, и военные начали там разработку.

Одновременно трудились специальные мостовые подразделения под руководством командира полка: строили через балки три крупных моста. На станции Волна смонтировали 120-метровую прямоугольную железобетонную трубу. Укреплялись водоотводные каналы и откосы земляного полотна.

Владимир Махлай во всем помогал военным: по их просьбе вложил средства в строительство 100-квартирного дома в Краснодаре для семей офицеров и на строительство временных городков на Таманском полуострове. Помогал техникой, обеспечивал топливом для ведения работ. Военные ни разу не испытали задержек с оплатой и поставками материалов: железобетона, рельсов и шпал.

Много вложил Владимир Махлай и в развитие региона базирования порта. Поставил телевышку, организовал телефонную связь, вкладывал средства в развитие местных дорог. Когда военные показали ему школу в поселке Волна — не школу, а развалюшку, — он тут же на месте принял решение капитально её отремонтировать.

Дети — было святое для Владимира Николаевича. Обходя Темрюкские школы, он был поражен тем, что они не имеют нормальных спортзалов. Да и сами поселки Таманского побережья были убоги: саманные хаты, вечное бездорожье. Из некоторых поселков дети добирались до школы, голосуя на трассе проезжим машинам. Единственный промысел жителей — виноградники да еще то, что на лето в свои хибарки пускали отдыхающих из холодных краёв страны.

«Тольяттиазот» не только отремонтировал школу в поселке Волна, но взял над ней шефство. Подарил компьютеры, регулярно перечислял деньги на то, чтобы дети имели горячие завтраки, обновил оборудование столовой, купил инвентарь для спортзала, приобрел множество книг и учебников.

— Настанет время, я верю, здесь будет прекрасно! — говорил жителям Волны Владимир Николаевич. — При порте развернется кипучая жизнь, и расцветёт ваш район!

И ох как хотелось ему привезти сюда краснодарских господ с их тщеславием и амбициями — сейчас привезти, чтобы стыдно им стало!

Виктор Павлович Химченко, генерал-лейтенант запаса, референт командующего Железнодорожными войсками России:

— Махлай — очень сильный человек. Я несколько раз присутствовал на его встречах с губернатором Краснодарского края. Не скажу, чтобы приём был очень радушный, но всегда разговор выстраивался по-деловому. Махлай говорил о том, что всё, что он построит, пойдёт в экономику края. С ним соглашались, но потом начинались препоны, хотя Владимир Николаевич совсем не жаждал какой-либо выгоды для себя лично.

Я был у него на ТоАЗе. Удивлялся: многие предприятия в то время стояли, рабочих выпроваживали в долгосрочные отпуска, а на ТоАЗе работали в три смены. Однако в российской прессе продолжались негативные отзывы о предприятии и о Махлае.

Когда Махлай приезжал в Тамань, то непременно заходил к нам в военный городок: осматривал палатки, спрашивал, как живут солдаты и офицеры, в чём нуждаются. А времена были тяжелые; мы говорили ему о наших проблемах, и он машинами потом отправлял то, что нам было нужно. Всегда интересовался питанием. Приходил на кухню, просил дать попробовать из солдатского котла. Таких начальников редко встретишь среди гражданского населения. Сам он был совершенно неприхотлив, мог сесть со мной в УАЗ и поехать по объектам, мог наскоро перекусить в нашей столовой. Входил в сотню самых богатых людей страны, но деньги вкладывал не в личные самолеты и прочее, а в развитие своей корпорации. Одно слово — вечный работяга.

Для строящегося порта «Тольяттиазот» приобрел свыше двухсот единиц транспортной техники. Кроме того, семь единиц плавсредств. Были построены наземные, подземные и гидросооружения. С расчетом на 9-балльную сейсмичность возводили фундаменты под аммиакохранилища. Масштабность была обусловлена сразу, с началом строительства портового терминала: перевалка химпродуктов слишком серьезное дело, чтобы осуществлять ее между прочим, химия требует сверхсовременных технологий и оборудования по всей линии транспортировки.

В структуру портового терминала входило несколько про-

изводственных объектов береговой и морской составляющей, а также объекты жизнеобеспечения. Для слива жидкого аммиака из железнодорожных цистерн в танкеры корпорация вывела на два километра в море двустороннюю сливную эстакаду шириной в 9 метров, сделала склады хранения на два резервуара вместимостью 30 тысяч тонн каждый. Были построены: компрессорная станция, электростанция, противопожарные терминалы, технологические трубопроводы, газопровод и газораспределительная станция.

Особое значение отводилось упрочению береговой зоны, поскольку воды Черного моря агрессивно наступали на Таманский полуостров, каждый год унося с собой внушительную часть земель. Строящийся пирс обязан был выполнять и защитную функцию.

Построили здание Морской администрации порта, биологические очистные сооружения. Установили газотурбинную станцию для опреснения морской воды, для чего потребовалось разрешение Министерства природопользования. Построили пять многоквартирных жилых домов и гостиничный комплекс. Начали сооружать мощные берегооградительные устройства — Владимир Махлай включил в проект финансирования береговой защиты гораздо больше средств, чем было необходимо. Имея стратегическое значение, порт Тамань был включен в перечень стратегических объектов России.

Будущее порта и его роль в экономике страны были колоссальны! О поселке Волна и говорить не приходилось: при массовой безработице здесь почти не осталось молодежи; но кто побежит, когда будет работа и заработок, когда вместо саманных домов люди построят дома со всеми удобствами? Место здесь красивейшее. Когда Владимир Махлай впервые приехал сюда и встал на высоком берегу моря, глядя с высоты на закат и дельфинов, то невольно воскликнул: «Какая красота, куда же я лезу?» Его восклицание ясно сказало, что эту красоту он не даст погубить.

Между тем на Тамани дельцы из администрации стали поднимать цены на аренду земельных участков для «Тольяттиазота». Развернулась кампания по наделению местных жителей земельными паями, непригодными для сельского хозяйства, чтобы те продавали Махлаю по драконовским ценам. Начались суды по земле. Темрюкским властям было чихать, что в перспективе на их земле появится суперсовременный порт, который станет третьим по загруженности в

России, что он, по прогнозам абсолютно всех специалистов, перегонит лидирующий Новороссийский порт. Им было чихать и на то, что через терминал будет идти не только химическая продукция, но пойдут громадные потоки сельскохозяйственных и прочих грузов. Мышление у местных чиновников было мелкое, хищническое: урвать для себя! Махлай, мыслящий государственно, был для них непонятен, им было понятно только одно: корпорация располагает крупными средствами.

Опять начались атаки «зеленых». Для вящего обоснования своих претензий они пригласили местную жительницу Валентину Пономареву на свою конференцию в Туапсе. «Очень всё круто было, — потом рассказывала она сельчанам. — Питание — супер! Проживание — супер! Мне интересно стало, кто же спонсирует? И оказалось, что Джордж Сорос, тот самый «благодетель», что так активно работал в России в смутные времена. Мне всё стало ясно».

Власти Краснодарского края не могли не знать, что Джордж Сорос (Григорий Шварц) — это американский финансовый спекулянт. И всё же не противодействовали акциям экологов и «зеленых» против Махлая.

Журналистское интервью с В.Н. Махлаем. Тольятти, 2000 г.:

— Сколько средств на строительство портового комплекса вы получили из государственного бюджета?

— Нисколько. По сути, нам пришлось взять на себя государственные обязанности по созданию оптимальных транспортных артерий. Мы тратим собственные средства и кредитные ресурсы. На Таманском полуострове нам пришлось с нуля создавать инфраструктуру. Появление перелачного комплекса привлекло внимание других инвесторов — теперь у терминала есть официальный статус морского порта Тамань.

— Как будет с решением на Тамани социальных вопросов?

— Я думаю, в этом порту непочатый край работы. Вы даже не представляете, какая там уже создается социалка и какой оздоровительный комплекс строится. На тысячу мест! Мы хотим организовать (только пока это не получается и не по нашей вине) благоустроенный пляж и санаторий европейского уровня. Там есть уже гостиница на пятьсот мест, и к этому корпусу мы собирались пристроить еще два блока по двести пятьдесят мест. Так ведь земли на эту стройку перепроданы местным частникам, хотя мы вложили туда уже четыре миллиона долларов! Работы по рекультивации по-

чвы мы провели огромные: засыпали балки, ямы, впадины, провалы грунта, были созданы биологические и гидротехнические сооружения.

— Может быть, вы в чем-то отказываете краснодарским властям? Почему у них к вам такое отношение?

— Ни в чем не отказываем. Сейчас по просьбе главы Темрюкского района делаем береговые укрепления. А вот наши обращения и предложения в администрацию Краснодарского края не получают никакого ответа! Зато экспертных заключений требуют сотни. Зачастую совершенно формальных, никому, по сути, не нужных, но за каждую так называемую экспертизу надо отчислить чуть не полмиллиона рублей. Порой и до полутора миллионов за одну экспертизу доходит!

— Но это везде по России...

— К сожалению. Я поражаюсь, как умудрилась наша страна наплодить столько бюрократов! Ведь у «эксперта» ничего для этой самой экспертизы нет, просто приходит, посмотрел, деньги содрал — и всё. А попробуй отказаться хоть от одной экспертизы, хотя бы у нас на ТоАЗе. Тотчас остановят всё производство! У них на это есть бесчисленное количество указов, приказов, новых, прежних, дополненных, исправленных... Попадешь в эту паутину — и всё, конец. Как муху прикончат.

— А что они экспертируют на ТоАЗе?

— Всё! Вентиляторы, дымососы, дымовые трубы... И надо еще «эксперту» построить площадку, лестницу, чтобы забрался и заглянул в трубу. Однажды говорю: «Зачем лишние затраты на производство налагать, у нас имеются камазовские вышки. За пять минут поднимут хоть десять экспертов». Так куда там, непременно подайте площадку! А для ее постройки нужно делать документацию, получить разрешение и свидетельство... И за всё платить, платить и платить! По Тамани есть некоторые экспертизы, которые обходятся в миллионы долларов! Когда я смотрю на эту калькуляцию, меня оторопь берёт. Как можно так разорять страну?..

— Обидно.

— Да, обидно. Вот я построил один причал, заплатил за все экспертизы, так им же этого не хватило, им нужно еще и еще. Нам бы у причала корабли портового флота на зиму поставить, ан нет, не дают, потому что, видите ли, в бурю где-то какой-то корабль потонул. «Ну а мы-то при чем? — спрашиваем. — Нам какое дело до чужих кораблей?» — «А вы тест не прошли». Ладно, прошли мы тест. «А нет у вас проверки»

утверждения». Хорошо, получили и это. «А вот этого у вас еще нет...» В общем, заели, пришлось отгонять свой портовый флот обратно через всю страну в Гольягти.

— И перед налоговиками отчитываться?

— В этот раз нет, хотя вполне могли бы задать вопрос: «Вы почему, господа, гоняете суда по рекам всей страны, расходы накручиваете? Хотите снизить налогооблагаемую базу?» И что им тогда ответить? Что у нас в стране нет одного хозяина? Что нет законов, единых для всех? Что у нас самая захудалая бюрократическая структура является полновластной хозяйкой?

— Сейчас реальная власть как будто стала реально оценивать бюрократическую и коррупционную угрозу: запрещает ходить с проверками по многу раз на одно и то же предприятие.

— И за то спасибо. Очень тяжело вести дело среди бесконечных рогаток, выставленных против тебя. И попробуй противиться, обзовут партизаном, самоуправцем...

— У нас в России такие «титилы» быстро приклеивают.

— Это у нас проходит без проволочек.

И всё же, провозжая 2000 год, работникам корпорации было за что поднимать бокалы. Было введено в эксплуатацию производство метанола по технологии, не имеющей аналогов в Европе. Проведена первая плавка специальной стали для производства реакционных труб, крайне необходимых ТоАЗу и другим российским заводам. Построен Дворец культуры на 700 мест на берегу Волжского водохранилища, отделанный собственным мрамором. Сданы три жилых дома в 14 этажей со встроенными гаражами, новый детский сад с дотацией на питание, учебно-курсовой комбинат с шестнадцатью учебными классами. И это при том, что громадные средства были пущены корпорацией на строительство порта в Тамани.

Сам же Владимир Махлай получил в 2000 году Золотую медаль Ассоциации содействия национальной промышленности — за вклад в область стратегического менеджмента, Платиновую медаль Международной ассоциации бизнес-партнеров — за высокий профессионализм управления, Памятную медаль «Пётр I» Российской Академии наук — за заслуги в деле возрождения науки и экономики России.

В 2001 году губернатором Краснодарского края стал Александр Ткачёв. Молодой, энергичный, бывший комсомолец

ский вожак. К строительству порта в бухте Железный Рог он отнесся по-доброму, и Махлай возлагал на него большие надежды.

Действительно, пока Александр Ткачёв осваивался в должности губернатора, Махлая почти не дёргали. Строительство порта шло своим чередом. Однако доброе отношение Ткачева изменилось в один момент, когда Владимир Махлай не приехал на встречу с ним. В тот день Ткачев проводил совещание в Темрюке, долго и хорошо говорил об инвесторе «Тольяттиазот» и лично Махлае. Обвел глазами присутствующих:

— А где же сам Владимир Николаевич?

У Махлая была очень важная встреча в Москве: решался вопрос с западными банкирами о крупных валютных кредитах. Вместо себя он отправил на совещание Леонида Ивановича Киселева и свою секретаршу.

Ткачев повторил свой вопрос. Не успел Киселев придумать отговорку, вроде того, что Махлай заболел, как секретарша уже ответила:

— Простите, пожалуйста, но Владимир Николаевич сейчас на встрече с президентом Международного валютного фонда.

Ткачев сделал вид, что не понял ее:

— С президентом какой страны он на встрече?

И мгновенно развернулся на 180 градусов!

— Есть замечания по строительству порта?

Начальник Ростехнадзора сориентировался и вывалил целых 26 замечаний. Это было бесстыдством с его стороны. Да, корпорации было предъявлено 26 замечаний, но их давно уже устранили.

И началось! Прокуратура, экологи, притеснения...

Тысячу раз Владимир Махлай виноватил потом себя: надо было попросить банкиров, чтобы его подождали, они бы поняли. А российский чиновник со своим раскоряченным самолюбием никогда не поймет!

Журналистское интервью с В.Н. Махлаем, 2003 г.:

— В СМИ появилась информация о том, что местная прокуратура возбудила уголовное дело, посчитав строительство порта незаконным. Это так?

— Игры вокруг будущего порта идут давно, я уже ничему не удивляюсь. Официальных бумаг о возбуждении уголовного дела мы не получали. Вот Москва нас поддержала, это точно. Члены экспертной комиссии государственной экологической экспертизы, детально изучив вопрос, единоглас-

но дали положительное заключение по аммиачному термину. В составе комиссии был двадцать один специалист.

— Какого министерства эта комиссия?

— Министерства природных ресурсов Российской Федерации. Активизировали мы и разъяснительную работу с местными жителями. Для этого выпустили приложение к заводской газете «Волжский химик». Приложение называется «Тамань, вперед!». Вот конкретный пример. Возле поселка Волна (по соседству с портом) ежегодно море забирает по одному метру суши. Жители улицы Набережной, когда строили дома на берегу, прикинули, что на их век хватит, но останутся ли усадьбы внукам, никто из них сказать не может. Вся надежда на «Тольяттиазот». А мы сказали, что построим укрепительные зоны, и не только это сделаем! Через пятьдесят лет вы не узнаете Темрюкский район, весь Таманский полуостров! Сегодня полуостров — самый неразвитый участок Краснодарского края: несколько поселков и одна автомобильная дорога. Я должен разочаровать всех противников строительства: порт на Тамани будет жить и процветать!

На это интервью, опубликованное в газете «Площадь свободы», тотчас откликнулась «Независимая экологическая вахта по Северному Кавказу»:

«Интервью Махляя — это чистый Кафка. Человек, грубо нарушающий закон, на которого заведено за это уголовное дело, публично и с апломбом, как о великом благодее, рассказывает о том, как он совершает преступление.»

«Социально-экологический Союз Западного Кавказа направил статью с интервью Владимира Махляя в Генеральную прокуратуру РФ. Именно по настоянию Генеральной прокуратуры РФ Темрюкская прокуратура возбудила уголовное дело против «Тольяттиазота». Мы надеемся, что Генпрокуратура по достоинству оценит публичные признания Владимира Махляя в совершении уголовно наказуемых деяний.»

Темрюкские власти стали давить на военных, которые строили железнодорожную ветку. До этого, если местные управленцы втыкали им палки в колеса, военные вызывали генерала Химченко, и чиновники успокаивались. Теперь, при Ткачёве, ситуация изменилась.

Дальше администрация принялась за поборы с ТоАЗа, хотя к тому времени тоазовцы и так сделали громадные вложения в местный бюджет. Платежи за пользование землей под уже построенными портовыми объектами правительство края увеличило в 50 раз!

Начались издевательства с неисполнением уже подписанных и согласованных в администрации края договоров и других документов. Кроме того, краевая администрация потребовали, чтобы ТоАЗ платил грабительский сбор: 2 доллара за каждую тонну отправки аммиака. Даже иностранные государства не выставляли ТоАЗу подобных требований!

А дальше — Ткачёв организовал простой в строительстве порта на восемь месяцев, сорвав все условия договора, подписанного им же. На запрос корпорации о строительстве второй очереди портового комплекса ответа не последовало, несмотря на то, что по закону официальный орган исполнительной власти обязан ответить заявителю в течение месяца.

В суде корпорация выиграла дело. Но решения губернатора не было, хотя десятки объектов уже были возведены и готовы к сдаче. Хуже того, от железнодорожной ветки Вышестеблиевская—Волна, построенной на средства корпорации, «отрубили» 36 километров!

За сутки до этого прилетели на вертолете министр путей сообщения и губернатор Ткачёв, двадцать минут покрутились около стройки и улетели. А утром другого дня появилась бригада путейцев. Не вступая ни с кем в объяснения, путейцы разобрали железнодорожный проезд и вырезали железнодорожную стрелку.

На путях осталось много груженых и порожних вагонов.

Ночью, по просьбе строителей порта, работники Северокавказской железной дороги, ошеломленные произволом, вывели все вагоны на соседние станции. Без заявок, без документального оформления и лишних вопросов.

Но порт лишился главной транспортной связи с поставщиками. Доставка грузов пошла машинами. Вскоре и эту артерию власти смогли перекрыть: вышел приказ о ремонте автодороги.

Махлаю в администрацию края путь был закрыт. С ним уже не считались, отказывая даже в элементарном уважении. Хотя совсем недавно краевые и районные чиновники просили его приобрести рейсовые автобусы, оснастить мебелью Темрюкское ОВД, провести крупные соревнования по мотокроссу, отремонтировать детский сад за 12 миллионов рублей... И Владимир Николаевич шёл навстречу — приобретал, оснащал, проводил, ремонтировал, невзирая на то, что в большинстве своём эти просьбы до боли напоминали вымогательство. Он делал всё, лишь бы ему не мешали работать.

Краевые газеты запестрели статьями против Махлая: «Настала пора, и руководители нашего края присмотрелись и поняли, что на самом деле творит «благодетель». И ужаснулись. Строительство вспомогательных объектов и сооружений ведется по документации, не имеющей экологической экспертизы! Пользование недрами ведется без лицензии! Выброс вредных веществ в воздух... Не соблюдаются экологические и санитарно-эпидемиологические требования при обращении с отходами производства и потребления... Не разработан проект санитарно-защитной зоны с учетом вклада всех предполагаемых к размещению предприятий и сооружений по всем видам загрязнений... Не проведены расчеты санитарных разрывов от железной дороги... Не разработана программа производственного контроля за негативным влиянием на здоровье людей... Не разработаны техусловия по противопожарной защите объекта с учетом его специфики... Нарушены обязательные требования санэпидстанции при выполнении строительно-монтажных работ на объектах морского терминала».

Продолжение следует